

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука», Москва

№ 1, 1974 январь — февраль

В номере:

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>К 70-летию со дня рождения А. П. Гайдара</i>	
Е. Е. Зубарева. Наш Гайдар	3
Г. А. Основина. Образность сравнений	9
В. М. Шаталова. Слитный эпитет	14
М. Н. Нестеров. Язык и стиль эпосов В. Я. Шникова «Емельян Пугачев»	18
Ф. Г. Бирюков. Мастер речевых характеристик	25
А. Т. Хроленко. Что такое лингвофонхлористика?	36

КУЛЬТУРА РЕЧИ

О. И. Александрова. Поэтические неологизмы начала XX века	42
К. С. Горбачевич. Свидетель события... событию	47
Г. А. Брусенская. Отбегать и отбегать	49

ГРАММАТИКА

Л. Ф. Бердник. Вопрос как отрицание	52
---	----

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Л. И. Еремينا. Изобразительное слово в «Медном всаднике» А. С. Пушкина	56
А. В. Дуденков. Лингвистический анализ поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»	66

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Ф. П. Сергеев. Опасная грамота. Паспорт	72
М. Ф. Дашкова. Машина	75

ПО КАРТЕ РОССИИ

Г. П. Смолицкая. Орел, а не птица	79
---	----

СТАРАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Е. П. Маматова. Филигрань рукописных памятников	82
Л. К. Бурцева. Живые голоса средневековья	88

ОБЛАСТНЫЕ ГОВОРЫ

Л. И. Базаихина. Первый словарь русских народных говоров	92
О. Д. Кузнецова. Архангельский словарь А. О. Подвысоцкого	98

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В. М. Маджарко. Народная этимология географических названий	104
---	-----

ШКОЛА

Л. Т. Григорян. Обучение пунктуации в школе	113
Т. П. Колбасова. Из наблюдений над речью учащихся	119
В. В. Вабайцева. Учебник родного языка. Русский язык в 7 классе	123

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

П. С. Сняльская. К экзаменам по русскому языку	127
Темы сочинений на вступительных экзаменах по русскому языку и литературе в 1973 году	130

КОНСУЛЬТАЦИИ

Грамматическая правильность русской речи	131
--	-----

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Запарковать	103
Нам пишут. Слово читателям. «Русская речь» отвечает: Привезитесь на Луне; Жив курлики!; Номинальный; Еще раз о слове <i>крайний</i> ; Разбить вдребезги; Слово <i>льянство</i> в стихотворной речи прошлого; Грамматика и грамота; Чумазый	135

*К 70-летию
со дня рождения
А. П. Гайдара*

НАШ ГАЙДАР

«Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной», — писал А. Гайдар [цитируется по изданию: А. Гайдар. Собрание сочинений в 4-х томах. М., Детгиз, 1959—1960]. Этими словами он выразил свое отношение к счастью. Легендарный герой, неповторимый писатель, Гайдар жил и работал ради будущего, посвящая свое творчество детям.

Великая Октябрьская социалистическая революция выдвинула новый тип писателя, активного участника жизни, пришедшего с фронтов гражданской войны.

Творчество писателя Гайдара было таким же целеустремленным, как и жизнь Гайдара-бойца. Его имя справед-

ливо ставят рядом с именами Николая Островского, Юлиуса Фучика, Мусы Джалиля. Гайдар рано стал участником гражданской войны, в 16 лет командовал полком. У Гайдара поистине необыкновенная биография или, вернее, как говорил он сам, «обыкновенная биография в необыкновенное время».

Гайдар почти сразу стал писателем, работающим в детской литературе. Ему «захотелось рассказать новым мальчишкам и девочкам, какая она была жизнь, как оно все начиналось да как продолжалось» (Автобиография). Первые же его повести и рассказы (В дни поражений и побед; РВС) развивают тему гражданской войны.

В рассказе «РВС» (1926) определились основные идейно-эстетические принципы Аркадия Гайдара, его индивидуальная авторская манера исследования жизни и характеров. Когда читаешь его книги, создается впечатление, будто они написаны сразу на одном дыхании, без черновых вариантов. На самом же деле процесс творчества был нелегким. Замысел у Гайдара зрел долго, порою годами. Об этом свидетельствует его кропотливая работа над текстом. В черновых вариантах повести «В дни поражений и побед» (1925) есть эпизод, который затем почти полностью вошел в «РВС». В повести было: «Димка, давай гвоздь. А то я скажу маме, что ты из чулана стырил (воробушкам) (во) зайчиков кормить...

Димка чуть не поперхнулся (ложкой), подавился от страха».

В «РВС» стало так: «Давай, Димка, гвоздь, а то я мамке скажу, что ты койбасу воробушкам таскал.

Димка едва не подавился куском картошки и громко зашумел табуреткой».

А вот дневниковые записи 1931 года, в период работы над «Дальними странами»: «Докачиваю „Дальние страны“» (конец июля); «Очень много работал над концом „Дальних стран“. Я твердо уверен, что имея я возможность поработать над книгой еще 2 недели в спокойной обстановке, книга была бы намного лучше»; «Очень много работал над „Д. С.“, с утра до ночи» (2 августа). Эти и другие дневниковые записи свидетельствуют о том, как вдохновенно и творчески работал Гайдар в течение всей жизни.

О большой требовательности Гайдара к себе говорят воспоминания его друзей. В сознании Гайдара происходил постоянный отбор материала, жизненного и языкового.

В очерке «Встречи с Гайдаром» К. Паустовский так говорит о работе писателя: «Писал Гайдар совсем не так, как мы привыкли об этом думать. Он ходил по саду и бормотал, рассказывал вслух самому себе новую главу из начатой книги, тут же на ходу исправлял ее, менял слова, фразы, смеялся или хмурился, потом уходил в свою комнату и там записывал все, что уже прочно сложилось у него в сознании, в памяти. И затем уже редко менял написанное...

[Читал новое произведение друзьям наизусть и очень редко сбивался.] Дело здесь, конечно, не только в памяти... но в отношении к слову. Каждое слово гайдаровской прозы было настолько взвешено, что было как бы единственным для выражения и потому, естественно, оставалось в памяти».

Центральный мотив творчества Гайдара — мотив «хорошей жизни», «светлого царства социализма». Писатель учит маленьких читателей любить Советскую Родину. В «Школе» тема «хорошей жизни» звучит предчувствием, далекой желанной целью. «Я вот, тоже... сидел, сидел, не вытерпел, захватил винтовку и пошел хорошую жизнь искать»; — говорит Цыганенок Борису. «— И найти думаешь? — Один не нашел бы... а все вместе должны бы... потому охота большая». Мечта о «хорошей жизни» воплотилась у Гайдара и в реалистических образах «Школы», и в фантастике «Сказки о Мальчише»: «В те дальней-дальние годы, когда только что отремела по всей стране война, жил да был Мальчиш-Кибальчиш». «Отец работает — сено косит. Брат работает — сено возит. Живя да работай — хорошая жизнь!» (Военная тайна).

В произведениях «Голубая чашка», «Чук и Гек», «Тимур и его команда» мотив «хорошей жизни» становится мироощущением героев: «А жизнь, товарищи, была совсем хорошая» (Голубая чашка).

«Сделай ей, Женя, что-нибудь хорошее», — говорит Тимур, рассказывая о дочке лейтенанта Павлова, погибшего, защищая на границе Советскую землю (Тимур и его команда).

В одном синонимическом ряду у Гайдара оказываются слова *светлый, счастливый, хороший*. В них заключено гайдаровское воплощение счастливой Родины. Создавая «Военную тайну», Гайдар писал в дневниках: «Эта повесть моя будет за Гордую Советскую страну».

За славных товарищей, которые в тюрьмах.
За крепкую дружбу.
За любовь к нашим детям.
И просто за любовь...».

Это определяет и особый характер его творческой манеры: переключение повествования из эпического или приключенческого плана в лирический.

Поэтическую и романтическую окраску в произведениях Гайдара получают самые обыкновенные случаи из жизни и быта советских людей. Проследим это на примере рассказа «Голубая чашка». Первоначально рассказ начинался с эпизода небольшой семейной ссоры. Маруся сердилась на пятилетнего сына и на мужа, подозревая, что они разбили ее любимую чашку. Она уезжала в город, а отец с сыном Димкой уходили из дому путешествовать.

В поздних вариантах вместо Димки появляется шестилетняя рыжеволосая Светлана. Это связано с тем, что усложнился конфликт рассказа, вышедшего за рамки непосредственно детского. В нем теперь две сюжетных линии. Одна связана с игрой-путешествием Светланы и отца в поисках «хорошей жизни». Другая, взрослая, — о разладе в семье, обиде, ревности, о победе любви. Образ Светланы объединяет обе линии сюжета.

Во время путешествия нежная, веселая Светлана так лукаво напоминала отцу Марусю, что у него от обиды не остается и следа. В рассказе появляется лирическая интонация. Она не звучала бы так, будь на месте Светланы Димка: иными, более сдержанными были бы отношения отца с сыном. Рассказ вызвал споры родителей, учителей, дискуссии в газетах и журналах. Некоторым он казался написанным не для детей, но лирическое повествование о поисках счастья нашло горячий отклик в детских сердцах.

Сюжет «Голубой чашки» в основном перенесен во второй план, поэтому с разных позиций говорится об одном: «Гей!.. Гей!.. мы не разбивали голубой чашки». Так одинаково поют отец и дочь, но Гайдар показывает различие их переживаний. Тут и приходит на помощь автору романтический и лирический подтекст. Природа олицетворяется, она активно помогает героям. Когда Светлана поет веселую песню о том, что она храбрая барабанщица и не разбивала голубой чашки, цветы «тихо закивали Светлане своими пышными головками». Отец поет почти ту же песню, что и Светлана, но добавляет: «И мы решили уйти насовсем далеко». И природа оказывается не на его сторо-

не. Она как бы осуждает его недобрые чувства: ведь может разбиться счастье трех людей.

Гайдар сумел сохранить в одном из своих самых лирических рассказов и мотивы революционного прошлого. Память о стойкости бойцов гражданской войны естественно вплетается в повествование. Психологическая кульминация «Голубой чашки» — воспоминание отца о первой встрече на войне с Марусей, об их любви.

Незаметно Гайдар подводит читателей к мысли о том, что поиски счастья, «хорошей жизни» тесно связаны со способностью самих героев давать счастье друг другу. Эта мысль определяет и композицию рассказа: перенесение реально происходящего, игрового и сказочно воспринимаемого. С одной стороны — изображение повседневного труда людей:

Видели мы, как из черных глубоких ям тащат люди белый, как сахар, камень. И не один какой-нибудь завалившийся камешек. Навалили уже целую гору. А колеса все крутятся, тачки скрипят. И еще везут. И еще наваливают.

Видно, немало всяких камней под землей запрятано.

С другой стороны — Светлана, фантазируя, видит все сказочным.

Захотелось и Светлане заглянуть под землю. Долго, лежа на животе, смотрела она в черную яму. А когда оттащил я ее за ноги, то рассказала она, что видела сначала только одну темноту. А потом разглядела под землей какое-то черное море. И кто-то там в море шумит и ворочается. Должно быть, рыба акула с двумя хвостами: один хвост спереди, другой — сзади. И еще почудился ей Страшила в триста тридцать пять ног. И с одним золотым глазом. Сидит Страшила и гудит.

Хитро посмотрел я на Светлану и спросил, не видала ли она там заодно пароход с двумя трубами, серую обезьяну на дереве и белого медведя на льдине.

Подумала Светлана, вспомнила. И оказывается, что тоже видала.

Погрозил я ей пальцем: ой, не врет ли? Но она в ответ рассмеелась и со всех ног пустилась бежать.

В «Голубой чашке» раскрыты две внутренне близкие темы: семья и страна. Жизнь советской семьи показана как частица жизни всей страны.

В произведениях Гайдара главные действующие лица — дети. С выбором героев связаны и особенности работы писателя над языком. В центре его внимания чаще всего речь детей с преобладанием разговорных конструкций, просторечных слов и выражений. Лексические и синтаксические особенности речи героев подчеркивают возрастные особенности детей. Вот Гек ночью увидел медведя и мысленно обращается к нему: «Злобный медведь, что тебе надо? Мы так долго едем к папе, а ты хочешь нас сожрать, чтобы мы его никогда не увидели?.. Нет, уходи прочь, пока люди не убили тебя метким ружьем или острой саблей!» (Чук и Гек).

В «Дальних странах» все события Гайдар пропускает через восприятие своих героев, причем дети постепенно знакомятся со все более сложным кругом явлений. Поэтому в начале повести фразы синтаксически проще, короче, язык наивнее: «Сидит Васька и думает: что бы это такое интересное сделать? Или фокус какой-нибудь? Или тоже какую-нибудь штуковину?». Потом фраза становится сложнее, удлиняется: «Тревога, смутная, неясная, все крепче и крепче охватывала Ваську, и шумливый, беспокойный лес, тот самый, которого почему-то так боялся Петька, показался вдруг и Ваське чужим и враждебным».

Запас слов у маленьких героев невелик, и Гайдар использует это, индивидуализируя речь своих героев.

Особенности авторской речи в произведениях Гайдара связаны с образом автора-повествователя, старшего товарища и друга детей, который то соглашается, то убеждает, то возражает своим героям. Речь его не отличается резко от речи героев. Она реалистически точна, лаконична. Описания не статичны, а действенны, динамичны.

В произведениях Гайдара, написанных в разные годы, преобладает сказ или от лица героя, или автора-повествователя.

В идейно-эстетическом плане писатель ориентируется на детское мировосприятие. Поэтому часто в произведениях Гайдара рассказ ведется от имени подростка или ребенка.

Проза и поэзия соприкасаются в творчестве Гайдара, создают внутреннее единство. Музыка, ритмическая тональность входит в мир, изображаемый Гайдаром, так же естественно, как и в жизнь народа. В этом — одна из примет народности его творчества.

«Прощай, Мальчиш... Остаешься ты один... Щи в котле, каравай на столе, вода в ключах, а голова на плечах...» — эти прощальные слова, сказанные братом Мальчиша-Кибальчиша, звучат как народная присказка.

Гайдар никогда не упустит случая «озвучить» текст. Неслучайно многие его герои поют: любит песню и поет Гек, поют отец и Светлана; для себя пересказывает песню Алька (Военная тайна); о хороших песнях отца вспоминает Сережа (Судьба барабанщика). Звук, ритм и слово у Гайдара всегда в единстве с идеей, сюжетом, эмоциональным строем. Каждое произведение Гайдара обладает удивительной идейно-эстетической гармонией. Книги Гайдара, написанные ясным, понятным языком, пронизанные светлым, ласковым юмором, доверительно говорят о самом главном в жизни всего советского народа. Они любимы миллионами юных читателей не только у нас в стране, но и за рубежом.

Е. Е. ЗУБАРЕВА

МГПИ им. В. И. Ленина

ОБРАЗНОСТЬ СРАВНЕНИЙ

Исследователи творчества Гайдара справедливо отмечают, что у него рассказы о самых обыкновенных вещах «созарены светом гайдаровского романтического видения мира». Неслучайно поэтому в произведениях Гайдара встречаются сравнения, которые условно можно назвать романтизированными. Яркие, свежие, всегда эмоциональные, они сообщают реалистическому повествованию особую поэтичность, приподнятость.

Писатель широко пользуется традиционными сравнениями, характерными для романтического стиля. Они помогают ему создавать глубоко волнующие картины. Вот описание наступления Красной Армии в «Сказке о военной тайне»: «...Так же, как громы, загремели боевые орудия. Так же, как молнии, засверкали огненные взрывы. Так же, как ветры, ворвались конные отряды, и так же, как тучи, пронеслись красные знамена. Это так наступала Красная

Армия» [цитируется по изданию: А. Гайдар. Собрание сочинений в 4-х томах. М., Детгиз, 1959—1960].

Иногда подобные сравнения, вполне отвечающие романтическому настрою детской души, автор употребляет в таком контексте, который сообщает им оттенок тонкого гайдаровского юмора, столь высоко ценящего взрослым читателем. Нельзя не улыбнуться (вместе с автором!), читая, например, следующие строчки: «Услышав жалобный Фенин крик, я, как ворон, слетел с крыши и вцепился в спинку мальчишки» (Дым в лесу); «Но, как ястреб, налетел Гек на Чука и выхватил у него из рук металлическую коробку» (Чук и Гек); «[Воглая коза] скакала по кустам и оврагам не хуже индийского тигра» (Тимур и его команда).

Романтическая окрашенность свойственна и собственно гайдаровским сравнениям, особенно ключевым, характеризующим переломные этапы в психологическом состоянии героев. В повести «Судьба барабанщика» впервые такое сравнение появляется в момент, когда Сережа Щербачов узнает о покушении на инженера Грачковского и догадывается, кто совершил его: «Грозные и гневные подозрения сдавили мне сердце... И, как шальной козы, широко разметавший гриву, я помчался домой узнавать всю правду». В душе мальчика, который совсем недавно хотел просто скрыться от своих опасных покровителей, а «сна все прошлое илкнуть и забыть», зреет грозный, гневный и, главное, решительный протест. В этом протесте — спасение Сережи, воскрешение его нравственной чистоты. И это как нельзя более удачно подчеркивается романтическим, поэтизированным сравнением. «Как шальной козы, широко разметавший гриву...» — это не просто «быстро, стремительно», а еще и «красиво». Эта грациозность, красота внешнего движения, невольно ассоциируется с красотой внутренней, с теми благородными мотивами, которые вызвали стремительное движение мальчика. Поэтому какое-либо наречие, способное передать стремительность действия, здесь было бы неуместно: смысл фразы сохранился бы, однако подтекст исчез.

Вот описание страшной ночи, которую провел в лесу Борис после гибели славного Чубука (Школа): «Ночь, как трепыхающаяся птица, билась в разноголосом звоне неумолчных пташек, в кваканье лягушек, в жужжанье комаров. В шорохах пышной листвы, в запахах ночных фиалок и лесной осоки беспокойной совой кричала раззолоченная звездами душная ночь». Необычное, неожиданное уподобление ночи трепыхающейся птице, ночных звуков — крикам беспокойной совы, метафора «ночь билась, ночь кричала» — все это полное тревоги описание выразительно передает чувства, охватившие Бориса: всю глубину отчаяния от неоправимости проис-

шедшего, горечь сознания своей вины в безвременной гибели Чубука, позднее раскаяние, чувство безмерного одиночества и тоски.

Большой идейно-художественный заряд несут в себе образные сравнения аллегорического характера. Они способствуют раскрытию основной мысли произведения, образа, инсказательно передают авторские мысли, дают оценку происходящего. В повести «Судьба барабанщика» Сережа Щербачов, любой ценой стремящийся задержать врагов, слышит «звук, ясный, ровный, как будто бы кто-то задел большую певучую струну и она, обрадованная, давно никем не тронутая, задрожала, зазвенела, поражая весь мир удивительной чистотой своего тона» — это момент наивысшего напряжения душевных сил мальчика. Здесь сравнение — не просто яркая, образная характеристика звука, который, как ему показалось, услышал Сережа. Это по воле мальчика зазвенела давно никем не тронутая самая чистая струна его сердца, и он почувствовал себя готовым к подвигу. Взрослый читатель воспринимает это сравнение как образно-инсказательное описание того очищающего перелома, который произошел в душе и сознании героя.

В «Предисловии» к собранию сочинений Гайдара Лев Кассиль отметил присущие гайдаровской прозе «как бы несколько разных слоев глубины. Чем взрослее читатель, тем дальше и глубже может заглянуть он в замысел гайдаровского рассказа». В создании этих нескольких слоев глубины большое значение наряду с другими изобразительными средствами имеют сравнения. Так, важную роль в раскрытии глубокого замысла повести «Судьба барабанщика» играет следующее сравнение. Выдоравливающий Сережа сидит возле маленького, поросшего лилиями пруда, по которому «как кораблик, гонимый ветром, бежал неведомо куда сточенный червем или склюнутый птахой и рано сорвавшийся с дерева листок». Эта картина, аллегорически уподобляющая судьбу мальчика, вдруг лишенного семьи, судьбе листка, рано сорвавшегося с родной ветки, заставляет читателя мысленно вернуться к первым страницам повести и глубоко задуматься над теми обстоятельствами, следствием которых явились суровые испытания, выпавшие на долю маленького барабанщика пионерского отряда.

Используя образ, являющийся явной реминисценцией лермонтовского: «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...», — Гайдар пересмысливает его, подчиняя идейно-художественному замыслу повести. Для Лермонтова оторванный листок «являлся как бы символом судьбы политического изгнанника». В произведении Гайдара тот же образ наполняется иным смысловым содержанием, обновляется деталями, органически влетающими сравнение в художественное целое: «сточенный червем или склюнутый птахой» — намек на неблагоприятные обстоятельства, описанные в самом начале

повести; «как кораблик, гонимый ветром» — ассоциация, психологически мотивированная характером рассказчика.

Многие сравнения привлекаются писателем для более рельефного, образного воспроизведения окружающей действительности. Они конкретизируют картины внешнего мира, различные зрительные, слуховые восприятия и представления читателя, сближая их с уже знакомыми ему явлениями и тем самым заставляя его точнее увидеть описываемое. Например, лаконичное описание школы, взбудораженной февральскими событиями 1917 года и потому похожей «на муравьиную кучу, в которую бросали горящую головешку» (Школа). Это сопоставление не случайно. Оно естественно возникает в представлении Бориса Горикова, от лица которого ведется повествование.

Во многих случаях сравнения оказываются важным средством раскрытия внутреннего мира персонажей. По-разному видят герои Гайдара одни и те же явления, и в этом проявляется существо их натуры, сказывается их жизненный опыт. Если, с точки зрения Сергеи (Судьба барабанщика), после его «уборки» в квартире стало пусто, как во время уборки перед Первым мая, то его «доброму дядечке» она напомнила «сарай — не сарай, а как бы апартаменты уездного мелитопольского комиссара после веселого налета махновцев». Каждый проводит параллель с тем, что ему ближе. И эта дядюшкина аналогия на какой-то короткий миг проткрывает его истинное лицо — лицо врага, бывшего белогвардейца.

Сравнения, рисующие портретные детали, характеризующие манеру поведения героя, оказываются подчиненными той же задаче раскрытия внутреннего мира героя. У маленького, подвижного, безобидного мальчугана Тимки Штуккина (Школа) «была одна страсть — он любил птиц». Эта черта характера мальчика раскрывается путем особого подбора сравнений: «Тимка шел, насвистывая дроздом»; «засвистел Тимка синицей»; «прискакивая по-птичьи» и др.

В повести «Школа» постепенно, по мере развития действия, автор расширяет и обновляет круг образов, положенных в основу сравнений. И это, наряду с другими языковыми средствами, помогает Гайдару передать эволюцию характера главного героя повести — Бориса Горикова. В начальных главах преобладают образные характеристики мира природы и вещей, внешних, физических движений людей: «город был похож на монастырь» (Школа); «сходил, немного подпрыгивая, как птица»; «собака, как волк, злющая» (Школа). Такие сопоставления наиболее близки сознанию подростка, не умеющего пока осознать собственную эмоциональную жизнь, глубоко проникнуть в окружающий его мир. Встречаются здесь и обороты, не свойственные детской речи, отражающие чужое речевое влияние. В последних частях повести совсем нет таких «чу-

жих» сравнений; наряду с характеризующими внешний мир, появляются сравнения, оттеняющие внутреннее психологическое состояние героя. Употребляются они здесь для описания, более точного определения абстрактных понятий, явлений, ощущений: «мысли завертелись яркой, слепящей каруселью»; «черной пиявкой всасывалось сознание ошибки»; «плевок... жег меня, как серная кислота» (Школа). Подбор сравнений отражает обогащенный жизненным опытом кругозор героя-повествователя.

Индивидуализации речи персонажей Гайдар добивается также с помощью сравнений. Каждый из его героев говорит согласно своему характеру, опыту, положению. Для командира партизанского отряда Шебалова, сапожника в прошлом, обычной является поговорка, которую он употребляет и в разговоре с Малыгиным о Борисе: «Мы с тобой сапоги стоптаные, гвоздями подбитые, а он — как заготовка: на какую колодку натянешь, такая и будет» (Школа). А вот в повести «Тимур и его команда» говорит старый врач, дедушка Коли Колокольчикова: «Человек должен трудиться... У тебя же такое лицо, как будто бы я угощаю тебя касторкой».

Интересны и многообразны у Аркадия Гайдара приемы обновления сравнений, ставших стереотипами, утративших или ослабивших былую образность. Сравнение дополняется какой-то конкретной деталью и оживает. Ставшее тривиальным в речи уподобление сильного звука удару грома Гайдар освежает, гиперболически усиливая его: «И так грохнуло, будто бы тысячи громов в одном месте ударили и тысячи молний из одной тучи сверкнули» (Военная тайна). Тысячи громов, да еще в одном месте — это уже ново, а потому и выразительно, впечатляюще.

Для усиления выразительности сопоставления Гайдар пользуется контрастным столкновением в тексте эпитетов и сравнений: «И вдруг раздался мощный рокочущий гул, воздух задрожал, и блестящий самолет, как буря, промчался над вершинами тизиз яблонь» (Голубая чашка). Нередко писатель намеренно нагнетает сравнения в небольшом отрывке, иногда даже при одном определенном. При этом они располагаются, как правило, по принципу градации: с постепенным нарастанием акцентированного признака в каждом последующем сравнении. Значимость последнего сопоставления специально подчеркивается или усиленной частью, или выразительными эпитетами. Например: «Будь ты проклята, — бормотал я, — такая жизнь, когда человек должен всего бояться, как кролик, как заяц, как серая трусливая мышь! Я не хочу так!» (Судьба барабанщика).

Анализ сравнений в произведениях Гайдара показывает, что писатель необычайно изобретателен в поисках свежих, порой неожиданных оснований сопоставления, в поисках путей выразитель-

ного обновления образов, ставших традиционными в литературе. Поэтому так ярки, впечатляющи его сравнения. Они играют исключительно важную роль в раскрытии идейно-художественного замысла произведения, имеют стилистическую нагрузку, являясь одним из средств романтизации повествования.

Кандидат филологических наук

Г. А. ОСНОВИНА

Ярославль

СЛИТНЫЙ ЭПИТЕТ

Литератор должен быть так же «объективен, как химик». Это требование объективности изображаемого, высказанное А. П. Чеховым, характерно для всех произведений А. П. Гайдара.

Раскрывая сущность жизненных явлений, писатель дает субъективную оценку действительности, выраженную в глубоком авторском чувстве, лиризме, в простоте и непосредственности при передаче речевой манеры подростка.

В системе образно-выразительных средств эпитеты у Гайдара встречаются довольно часто. Тщательно отбирая их, писатель стремится дать наиболее точное определение описываемому явлению, используя слитный эпитет. Гайдар употребляет его главным образом тогда, когда необходимо передать необычность состояния, восприятия героя, повесть о чем-то особенно важном. Автор чутко улавливает и умело раскрывает перед читателем то скрытое смысловое богатство, которое таят в себе слитные эпитеты. Они могут быть выражены сочетанием имени прилагательного и наречия, обозначающего степень качества с различными оттенками оценочного значения.

Перед рассветом, рассыпавшись в цепь, отряд курсантов осторожно охватывал деревушку, в которой, ничего не подозревая, крепко спала небольшая, изрядно перепившаяся банда.

Не доходя до деревушки с полверсты, цепь залегла... Первая рота, отделившись, небольшой лощиной пошла в обход. Ни раз-

героев, ни шепота, ни шума. В предраассветной мгле показались белые мазанки. Рота беззвучно, чуть не ползком переменив направление, заехала поперек дороги.

— Тише, — вполголоса проговорил, взглянув на часы, командир взвода. — Сейчас наши будут наступать. Замрите! Огонь только по свистку.

Прошло десять томительно долгих минут.

— Скорее бы... — Успеешь, Никакой, — шепотом ответил Сергей. — Куда ты всегда торочишься? Слышишь? (В дни поражений и побед).

В приведенном отрывке мы наблюдаем образное употребление слитного эпитета *томительно долгие минуты*, наличие которого как бы подытоживает все развернутое повествование (описание состояния роты), выразительность его концентрируется в одной детали: «прошло десять томительно долгих минут».

Необычность и непривычность некоторых оценок придает слитному эпитету свежесть и неповторимость. Своеобразно и оригинально выражает автор состояние героя в «Школе».

Опять взошло солнце и стало тепло; затежьками ичужки, и приветливо закричали с неба веселые вереницы журавлей. Я уже улыбался и радовался тому, что ночь прошла, и не было больше никаких пасмурных мыслей, кроме разве одной — где бы достать поесть...

Далее идет повествование о краже гуся. Поэтому столь выразителен эпитет в отрывке, являющемся как бы эпицентром всего предыдущего повествования: «Пока украденный гусь жарился на вертеле, распространяя вокруг мучительно аппетитный запах, мы лежали на траве». Наречие *мучительно* в сочетании с прилагательным *аппетитный* заставляет читателя по-иному взглянуть на созданный поэтическим воображением образ.

Интересны по своей выразительности и следующие эпитеты: замечательно вкусная вода, поразительно сложный, возмутительно равнодушный, исключительно прямой. «Жужжал на земле, над поблекшей травой, мохнатый шмель. Жужжал в глубине *ослепительно яркого* неба аэроплан» (В дни поражений и побед); «Когда тяжелое известковое облако разошлось, позади глухого пустыря за сверкал перед Наткой совсем еще новый, *удивительно светлый* дворец» (Военная тайна). Следует заметить, что гайдаровский эпитет всегда индивидуален и предельно эмоционален.

Особое звучание в произведениях Гайдара получают эпитеты, обозначающие степень качества через выражение эмоциональных и психологических оценок. Таковы словосочетания с наречиями на -о: *страшно глупый, крепко серьезный, больно настойчивый, сильно усталый, отчаянно смелый, чудовищно невежественный, мучительно родной, смертельно заманчивый*; с наречиями на -ски: *дьявольски хитрый, чертовски смелый, фантастически богатый*; с наречиями на -ще: *поражающе красивый*.

Исключительны по своей силе и выразительности эпитеты, которые выражены словосочетаниями с наречиями, указывающими на степень качества по признаку необычности: *невиданно яркий, невыразимо красивый, необъяснимо крепкий, непомерно большой, неукротимо прямой*. «Почувствовав себя необыкновенно счастливым, я улыбался, идя к новым товарищам» (Школа); «На скамьях, на табуретках, на скалистых уступах, на возвышенных зеленых площадках расположились ребята, нетерпеливо ожидая, когда в конце праздника вспыхнет невиданно огромный костер» (Военная тайна).

Иной дополнительный оттенок имеет слитный эпитет, выраженный сочетанием имени прилагательного с наречиями *бесконечно, беспредельно, безгранично, безмерно, безнадежно*, указывающими на степень качества по признаку отсутствия границ: «Никогда раньше в городе не приходилось ему вздувать костер, и теперь Кирюшка рад был безмерно» (Синие звезды).

Душевное состояние героя писатель передает, тоже употребляя слитный эпитет. Так, мастерски раскрывая внутренний мир девочки Верки в день ее рождения, он пишет:

А однажды на именины он [дядя Алексей] подарил ей голубую, блестящую ленту, такую невиданно красивую, что перепуганная от радости Верка, схватив подарок, как кошка умчалась на чердак и не слезала до тех пор, пока мать не прогнала ее оттуда великим (Пусть светит).

В таком же эмоционально-экспрессивном ключе Гайдар передает состояние маленького Петя, ранее набедакурившего парнишки, который теперь страстно бы хотел загладить свою вину. Здесь ощущается сочувствие автора, который вместе со своим героем переживает создавшееся положение, ищет выхода из него:

И когда Петька молча подводил упрявившегося коня к запыхавшемуся и отставшему Василию Ивановичу, он учащенно дышал, глаза его блестели, и видно было, что он несказанно горд и счастлив, что ему удалось оказать услугу этим отправляющимся в дальний путь хорошим людям (Дальние страны).

Говоря о функциях слитного эпитета, надо иметь в виду, что в речи автора он наиболее употребителен, чем в речи героев. В речи же детей и подростков эпитеты появляются довольно редко и лишь как повторение услышанного от взрослых.

Блестяще владея искусством перехода от объективного повествования к субъективной оценке его, Гайдар, используя слитный эпитет, создает неповторимые образы, редкие по чистоте и свежести чувств.

В. М. ШАТАЛОВА

Согласно данным Международной организации педагогов русского языка и литературы, в настоящее время русский язык учат более 15 миллионов человек в 81 стране мира, не считая СССР. Отмечается, что число людей, изучающих русский язык за рубежом Советского Союза, из года в год увеличивается. В США, к примеру, русский язык изучают не менее 130 тысяч человек. Интересно отметить, что в настоящее время из всей издающейся на земном шаре специальной и технической литературы 28 процентов печатается на русском языке.

«Известия», 6 июня 1973

ИЗУЧАЮТ РУССКИЙ ЯЗЫК

МОНГОЛИЯ

В Улан-Баторе при Обществе монголо-советской дружбы (ОМСД) создан Монгольский комитет преподавателей русского языка.

Русский язык в Монголии преподается в общеобразовательных школах, средних специальных и высших учебных заведениях. Особенно широко поставлено это дело в Обществе монголо-советской дружбы, объединяющем около 190 тысяч человек. Общество ежегодно организует курсы русского языка, на которых занимается десятки тысяч граждан. В ячейках и отделениях ОМСД есть библиотеки литературы на русском языке, часто проводятся дни советской книги, недели советских фильмов.

«Известия», 18 июня 1973

Когда было крепостное право, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены тьмой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли.

В. И. Ленин

*К 200-летию
восстания крестьян
под водительством
Е. И. Пугачева*

Народ всегда с большой теплотой и любовью относился к тем своим вождям, кто хотел привести его к светлой жизни, к Степану Разину, Емельяну Пугачеву. О них сложено в народе много песен и сказаний. Их образы вдохновляли писателей, художников как дореволюционного времени, так и наших дней.

Громадное влияние оказали крестьянские войны на развитие общественной мысли, формирование революционно-демократических традиций. Велико их идейное воздействие на мировоззрение А. Н. Радищева, декабристов, революционных демократов.

Л. Черепнин. Крестьянские войны в России периода феодализма. — «Коммунист», 1973, № 13

Роман Вячеслава Яковлевича Шишкова «Емельян Пугачев» — выдающееся явление советской литературы. Среди романов на историческую тему произведение Шишкова заметно выделяется своей эпической монументальностью, грандиозной широтой охвата событий второй половины XVIII века. В жанрово-стилистическом отношении, по мнению многих критиков, оно представляет собой по существу народно-историческую или народно-героическую эпо-

ЯЗЫК И СТИЛЬ ЭПОПЕИ В. Я. ШИШКОВА «ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ»

пею. Речь повествователя в романе Шишкова отличается эпическим размахом, разнообразием изобразительных средств. Писателю приходится рассказывать не только о пугачевском восстании и самих пугачевцах, но и о дворцовых интригах, связанных с борьбой за престол, чины и звания, о жизни разных кругов: столичных аристократов, помещиков, купечества, казаков, крестьян, рабочих людей уральских заводов, солдат и офицеров на Прусском и Турецком фронтах, раскольников. Произведение насыщено батальными сценами, картинами природы, портретными зарисовками, описаниями быта, культуры.

Начинается роман в хроникально-биографической манере с некоторой «протокольной» сухостью: «Казак Емельян Пугачев родился в Зимовейской станице Войска Донского. Родители его жили в бедности, занимались хлебопашеством» [цитируется по изданию: В. Шишков, Собрание сочинений в 8 томах. М., ГИХЛ, 1962]. Безусловно, не каж-

дый романист решится прибегнуть к такому хроникально-биографическому зачину, боясь с самого начала отпугнуть читателя. Однако с романом Шишкова этого не случилось, хотя в его сложной, многогранной системе повествовательного стиля такой зачин не случаен.

Хроникальные ремарки, образующие в повествовательной речи Шишкова сюжетно-историческую канву, как правило, всегда законичны и не только не снижают художественности текста, но, напротив, органически вплетаясь в ткань повествования, придают ему особую историческую точность и выразительность. Они психологически настраивают читателя, готовят его к соответствующему их восприятию. Так, например, описание целого периода в русской истории, связанного с царствованием Петра III и восхождением на престол Екатерины II, периода острой дворцовой борьбы за престол открывается короткой, но весьма многозначительной хроникальной ремаркой: «Около трех часов пополудни, 25 декабря 1761 года, в праздник рождества Христова, скончалась в старом Зимнем дворце императрица Елизавета...».

Нередко Шишков совмещает в одной ремарке события, происходящие одновременно в двух враждебных лагерях — в лагере Екатерины II и Пугачева, что делает эти события особенно многозначительными и выразительными: «В тот самый день, когда граф Чернышев подписывал в Питере указ оренбургскому губернатору и грамоту Войску Донскому о поимке Пугачева, то есть 14 августа 1773 года, Емельян Пугачев, весело на обе стороны поплеывая и подмурлыкивая песню, подъехал на своей собственной лошадке к знакомому ему Таловому умету» — к месту, откуда начинается его выступление под именем Петра III.

Краткие, лаконичные исторические ремарки в повествовании Шишкова сменяются обычно выразительными, развернутыми описаниями событий, характеров, быта, военных баталлий, природы. При этом они, как правило, исторически конкретны и точны. Эта точность проявляется и в изображении деталей, и в отборе лексики, фразеологии. Так, уже в самом начале романа даются колоритные зарисовки военного быта того времени, с которым приходилось знакомиться молодому Пугачеву. Не без иронии писатель рассказывает о передвижении главной квартиры фельдмаршала Апраксина:

Пучеглазый, внушительного телосложения, тучный и обрюзгший, фельдмаршал ехал в богатом, с графскими гербами, экипаже

вместе с двумя собачонками — кудлатой и облезшей, за ним на двадцати пяти трехконных рыдванах следовало его личное имущество и штат прислуги — повара, лакей, камердинеры, два куафера, негр, священник и портной, везли походную церковь, несколько палаток, кухню, погреб вина. Было похоже, что это передвигается не главный полководец, которому вверено стотысячное войско, а знатный вельможа совершает от безделья пышное путешествие по европейским странам... Пугачев... трясется на лошаденке рядом с возом... Хмурым взором он окинул растянувшийся на версту фельдмаршальский обоз, заглянул на пару жирных окороков, висевших на перекладине последнего воза, ему страшно захотелось есть, а брюхо его с непривычки болело от неизвестной в России картошки.

Как видим, одновременно с точным воспроизведением исторических деталей автор употребляет и характерные для описываемой эпохи слова: фельдмаршал, экипаж с графскими гербами, лакей, камердинеры, куаферы, верста. Апраксин характеризуется точными и выразительными словесными штрихами — *пучеглазый, тучный, обрюзгший*, его собачонки — *кудлатая и облезшая*. В контраст пышному поезду Апраксина, Пугачев не едет, а *трясется*, не на лошади, а на *лошаденке*.

С большой эпической широтой и детальной обстоятельностью повествует автор о роскошной жизни русских царей XVIII века и их приближенных в нищей России. Вот как описывается коронация Екатерины II:

Пышно, торжественно... была отпразднована в Москве коронация императрицы Екатерины. Заказана золотая корона, горностаевая мантия и сто двадцать дубовых бочек с железными обручами, емкостью каждая на пять тысяч рублей серебряной монеты... — для бросания денег в народ...

Екатерина и блестящая свитская знать ехали в открытых экипажах. За Екатериной следовал конвой конной гвардии. По обе стороны шествия шпалерами стояли войска. Наряды придворных дам блестели на солнце золотом, серебром, драгоценными камнями... Затем начались балы, церемониальные приемы; раздавались с высоты престола щедрые награды; братья Орловы возведены были в графское достоинство. Григорий Орлов пожалован в генерал-адъютанты... На Кремлевской площади, под окнами Грановитой палаты, пущены фонтаны красного и белого вина. Из окон бросали в народ пригоршнями золотые жетоны, серебряные деньги. Крики «ура» сменялись ревом свалки; было немало сворочено скул, побавлено бород, поломаво ребер. Иных так потоптали тут, что они помнили коронацию даже до смерти.

Писатель умело сочетает разные приемы авторской характеристики и соответственно речевые средства. Так, наряду с конкретными деталями (горностаевая мантия, дубовые бочки с серебряной монетой для бросания в народ, быки жареные, фонтаны красного и белого вина), Шишков дает в данном случае и обобщенную характеристику: «Наряды придворных дам блестяли на солнце золотом, серебром, драгоценными камнями»; «Затем начались балы, церемониальные приемы; раздавались с высоты престола щедрые награды», — что позволяет создать широкую, в целом обобщенную и достоверную картину. Эта выразительность описания в значительной степени усиливается пронической концовкой, которая сменяет стилистически приподнятое описание пышности коронации: «Крики „ура“ сменялись ревом свалки; было немало сверчено skulls, побавлено бород, поломано ребер. Иных так потоптали тут, что они помнили коронацию даже до смерти».

Роскоши царей и помещиков в романе противопоставлена бедность простого народа — крестьян, низовых казаков. Зарисовки быта крестьян и казаков особенно точны и наглядны. Например, его классическое описание крестьянской избы:

Маленькое оконце, затянутое вместо стекла бычьим пузырем, солома, как в хлеву, на земляном полу, черные стены, под потолком облако вспугнутых мух, у печки стадо тараканов. Глиняные, обвитые берестой горшки на полке, светец с коротцем, на скамьях две прялки да валец, возле двери голик, лохань да рукомольник — вот и вся утварь.

Учитывая важность экспрессивной оценки изображаемого в историческом жанре, Шишков очень опасался холодности, инертности повествования. Однако этого не случилось. Отличаясь хроникальной точностью и эпической объективностью, речь повествователя в романе Шихкова вместе с тем не безразлична к судьбам и переживаниям героев. Историческое повествование в народно-героической эпопее «Емельян Пугачев» беспрестанно окрашивается в самые различные эмоционально-экспрессивные тона, выражающие отношение автора или самих героев к происходящим событиям, к тем или другим историческим лицам. Не без иронии, например, автор дает портрет Петра III в период его недолгого и незадачливого царствования. Стремясь раскрыть причины его свержения и гибели, Шишков оттеняет во внешности и поведении Петра III прежде всего

такие черты, которые характеризуют чуждость его русскому народу, ограниченность, слабоволие, бесхарактерность. Не успела скончаться его тетушка императрица Елизавета, как «узкоплечий голштинский немчик» уже прыгает от радости в «негнущихся ботфортах» перед зеркалом, изображая из себя великого полководца и повелителя:

Шляпу, шляпу, шляпу... — надвинул на глаза неуклюжую голштинскую шляпицу с пером (и без того небольшое лицо его сразу стало маленьким, детским, треугольным), выхватил из ножен шпагу и, вскинув ее, по всем правилам торжественных парадов продефилировал перед портретом Фридриха Прусского.

Сам подбор лексики: узкоплечий, неуклюжая голштинская шляпица, передвигался как на ходулях, лицо треугольное — оттеняет отрицательные черты в характере Петра III.

Разнообразие эмоционально-экспрессивной окраски повествования сказывается даже в названиях отдельных глав текста. Например, части романа о Екатерине II озаглавлены: «Умная дура», «Гвардия гуляет», «Екатерина оседлала коня и Россию»; об истязательнице крепостных Салтычихе: «Мучительница и душегубица»; о незадачливых военачальниках: «... Кар ловит Пугачева, граф Чернышев ловит Кара...», «Губернатор Брандт жует губами...» и т. и. Зато в названиях глав, посвященных Пугачеву и его сторонникам, сквозит явное сочувствие автора: «Путь-дорога Барская нагаечка...», «Не ради себя, ради черня замордованной положил я объявиться».

Оценка происходящих событий, описываемых явлений и характеров в романе Шишкова находит свое выражение не только в широком использовании эмоционально-экспрессивных речевых средств, но и в форме разнообразных авторских отступлений, чаще всего лирических, которые характерны для повествовательной манеры писателя. В лирических отступлениях исторический романист нередко затрагивает философские вопросы — о смысле жизни, о человеческой судьбе, но чаще это — грустные раздумья автора о судьбе конкретных героев. Герои живут сегодняшним днем и надеждами на будущее, но они не могут предвидеть, что их ждет. Автор же заглядывает вперед и заранее предвидит их поражение и гибель. Так, изображая отъезд Ивана Наумовича Белобородова в пугачевский отряд, Шишков с грустью повествует:

Если б знал Иван Наумыч, что боевой путь его будет славен, что предстоит одержать ему многие победы над врагом, он исполнился бы гордостью и великим ликованием. Но если б по-настоящему проверед он сам или рыжий кот-вещун шепнул бы ему во сне: «Когда начнет желтеть на березе лист, сказнят тебя, хозяин, лютой казнью», Белобородов круто бы повернул своего коня, пререзал его ремешной плетью, и понес бы, понес его быстрый конь в синие леса, в тайное укрытие.

При этом, как видим, грустное предсказание судьбы героя окрашивается стилистическими тонами народного сказа: «когда начнет желтеть на березе лист, сказнят тебя, хозяин, лютой казнью»; «и понес бы, понес его быстрый конь в синие леса».

Многообразны и всегда символичны картины природы в романе. Они либо органически сливаются с переживаниями героев, либо контрастны и наводят на философские размышления. Вот Пугачев потерпел крупное поражение под Троицкой крепостью. Почти вся армия потеряна. Тягостное настроение Пугачева и его приближенных еще заметнее усиливается заунывной бессловесной песней на рожке крестьянского мальчика.

В раскрытии внутреннего мира героев в данном случае опять-таки существенную роль играет стилистическое мастерство писателя. Так, острая боль за судьбу простого народа умело передается с помощью олицетворения народной песни (рожок выговаривает трогательным человеческим голосом, жалуется, о чем-то неутешно плачет без слез), отношения к ней пугачевцев (песня бередит душу, тоскующими глазами улыбаются), восклицательных обращений к дивной русской песне и т. п.

В ярких, лирических отступлениях в романе о Пугачеве Шишков следует традициям русских классиков, особенно Гоголя. Как и у автора «Тараса Бульбы» и «Мертвых душ», лирические страницы Шишкова окрашиваются интонациями народного песенного и сказового творчества и стилистически насыщены народной лексикой, фразеологией, пословицами, поговорками, экспрессивно-эмоциональными словами. Все это придает в целом исторически точному, эпически спокойному и обстоятельному повествованию тот особый народный лиризм, который не раз заставляет взволнованно биться сердце читателя.

*Кандидат филологических наук
М. Н. НЕСТЕРОВ
Курск*

Рисунок В. Толстоногова

Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждали любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив.

Михаил ШОЛОХОВ

МАСТЕР РЕЧЕВЫХ ХАРАКТЕ- РИСТИК

Писатель, если он правдив и талантлив и создает вещь действительно художественную, — слышит голоса людей, передает речевые интонации, за которыми стоят живые лица.

Живая речь народа — в сказках, летописях, былинах, во всех видах чудесного по словесной раскраске фольклора. Она — в повестях XVII века, а потом — у Фонвизина, Крылова, Грибоедова...

Весь XIX век — это восхождение на новые и новые вершины в изучении, освоении, передаче разговорной речи в самых разных ее социальных и профессиональных проявлениях. Созданы поистине грандиозные типы — со своей весомой, образной, неповторимой речью. Пушкинский Пугачев... Гоголевский Тарас Бульба... Тургеневский Базаров... Кутузов Толстого... Крестьяне Некрасова и писателей-народников.

Начиная, видимо, с Крылова, происходит неутомимое собиране материала разговорной речи, ее эстетическая оценка. Здесь каждый раз — открытие. Ведь и поныне поражают читателей узорные диалоги у Гоголя, в «Очерках бурсы» Помяловского, «Записках из мертвого дома» Достоевского, сатире Салтыкова-Щедрина, у Некрасова, Островского, Сленцова, Глеба Успенского, Лескова, Л. Толстого, Короленко, Чехова. О том, каких усилий стоили их поиски, целеустремленные разведки в эту область, свидетельствуют и записные книжки Гоголя, его материалы для словаря, и уникальный труд Даля, и лингвистические занятия А. Островского, Лескова, и систематическое изучение народного языка Л. Толстым.

Лесков рассказывал о своем опыте:

Чтобы мыслить «образно» и писать так, надо, чтобы герои писателя говорили каждый своим языком, свойственным их положению. Если же эти герои говорят не свойственным их положению языком, то черт их знает — кто они сами и какое их социальное положение... Мои священники говорят по-духовному, нигилисты — по-нигилистически, мужики — по-мужицки, выскочки из них и скоморохи — с выкрутасами и т. д... Когда я пишу, я боюсь сбиться: поэтому мои мещане говорят по-мещански, а менеманно-картавые аристократы — по-своему... Человек живет словами, и надо знать, в какие моменты психологической жизни у кого из нас какие найдутся слова... Я внимательно и много лет прислушивался к выговору и произношению русских людей на разных ступенях их социального положения. Они все говорят у меня по-своему, а не по-литературному. Усвоить литератору обывательский язык и его живую речь труднее, чем книжный. Вот почему у нас мало художников слога, то есть владеющих живою, а не литературной речью (Запись А. Фаресова. 1890-е гг.).

Так «собирали слова» Горький, Сергеев-Ценский, Шишков, А. Толстой, Серафимович, Бедный, Сейфуллина, Неверов...

М. Шолохов продолжил и развил эту традицию. Он воссоздает речи героев во всей подлинности, красочности, индивидуальности. Но если до Шолохова здесь был уже огромный опыт, это не значит, что ему оставалось всего лишь идти по готовому пути, когда все и открыто и ясно.

Однажды В. Стасов писал Л. Толстому:

Мне кажется, что в «разговорах» действующих лиц ничего нет труднее «монологов». Здесь авторы фальшат и выдумывают более, чем во всех других своих писаниях, — и именно фальшат условностью, литературностью и, так сказать, академичностью. Почти ни у кого и нигде нет тут настоящей правды, случайности, неправильности, отрывочности, недоконченности и всяких скачков. Почти все авторы (в том числе и Тургенев, и Достоевский, и Гоголь, и Пушкин, и Грибоедов) пишут монологи совершенно правильные, последовательные, вытянутые в ниточку и в струнку, вытощенные и архи-логические и последовательные (sic!). А разве мы так думаем сами с собою? Совсем не так.

Я нашел до сих пор одно единственное исключение: это граф Лев Толстой. Он один дает в романах и драмах — настоящие монологи, именно со всей неправильностью, случайностью, недоговоренностью и прыжками... («Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка». Изд-во «Прибой», 1929).

Это уже не простой вопрос. Стасов, конечно, не прав, когда приписывает и очень большим художникам «фальшь», «выдумку», «литературность» в построении монологов. Но эта критика шла не от незнания той истины, что любой монолог в произведении условен. Суть в другом: менялись границы этой условности. Реализм теперь дает изображение такого широчайшего охвата и с таким максимальным приближением к конкретности во всех частностях, что после А. Островского, например, монологи Чацкого действительно воспринимались (по форме) как в значительной мере авторские, литературные, классицистические.

Или напомню факты более позднего периода. Горький говорил молодым литераторам о языке, которым пользуется писатель:

...Это подлинно литературный язык, и хотя его черпали из речевого языка трудовых масс, он резко отличается от своего первоисточника, потому что, изображая описательно, он откидывает из речевой стихии все случайное, временное и непрочное, капризное, фонетически искаженное, не совпадающее по различным причинам с основным «духом», то есть строем общеплеменного языка. Само собой ясно, что речевой язык остается в речах изображаемых литератором людей, но остается в количестве незначительном, потребном только для более пластической, выпуклой характеристики изображаемого лица, для большего оживления его (Беседа с молодыми),

Были и другие мнения. Вс. Иванов, М. Шагинян считали, что надо бережнее относиться к «местным речениям». «Двойной процесс — расщепление местного языка и выравнивание под общелитературный язык, с одной стороны, и насыщение общелитературного языка местными средствами, с другой, — этот двойной процесс и является сейчас реальным историческим событием в развитии языка», — писала Шагинян и приводила пример: «Возьмите Всеволода Иванова и попробуйте вытравить из его первых (и лучших) книг этот местный *ат* (окончание глагола третьего лица единственного числа *ат* вместо *ает*) — и что останется от образа его партизана, вошедшего в литературу».

Это ведь тоже был нелегкий вопрос и касался Шолохова непосредственно. Он создавал «Донские рассказы» и оба романа как раз в пору широких дискуссий о русском языке.

*

Разговорная речь героев Шолохова — это сильнейшее средство создания типических характеров и обстоятельств. Она — без домыслов и искажений, социально, исторически и территориально определена и необходима для движения и разворота фабулы.

Пример из «Донских рассказов». Старый казак Гаврила ждет не дожидется своего сына Петра с фронта. Служил тот на стороне белых, пропал — и никаких вестей. Возвратился из Турции эмигрант Прохор Лиходеев, который воевал вместе с Петром. Гаврила ходил к нему узнавать, но не застал дома.

Ночь не спал Гаврила. Томился на печке бессонницей...

Перед светом зажег жирник, сел подшивать валенки.

Утро — бледная немочь — точит с сизого восхода чадный рассвет. Месяц загоревал посреди неба, сил не хватило допагать до тучки, на день прихорониться.

Перед завтраком глянул Гаврила в окно, сказал почему-то шепотом:

— Прохор идет!

Вошел он, на казака не похожий, чужой обличьем. Скрипели на ногах у него кожаные английские ботинки, и мешковато сидело пальто чуждого покроя, с чуждого плеча, как видно.

— Здробье живешь, Гаврила Василич!..

— Слава богу, служивый!.. Проходи, садись.

Прохор снял шапку, поздоровался со старухой и сел на лавку, в передний угол.

— Ну, и погодка пришла, снегу надуло — не пройдешь!..

— Да, снега нынче рано упали... В старину в эту пору скотина на подножном корму ходила.

На минутку тягостно замолчали. Гаврила, с виду равнодушный и твердый, сказал:

— Постарел ты, парень, в чужих краях!

— Молодеть-то не с чего было, Гаврила Василич! — улыбнулся

Прохор.

Закнула было старуха:

— Петра нашего...

— Замолчи-на, баба!.. — строго прикрикнул Гаврила. — Дай человеку опомниться с морозу, успеешь... узнать!..

Поворачиваясь к гостю, спросил:

— Ну, как, Прохор Игнатич, протекала ваша жизнь?

— Хвалиться нечем. Дотянул до дому, как кобель с отбитым задом, и то — слава богу.

— Та-а-а-а... Плохо у турка жилось, значит?

— Концы с концами насылу связывали. — Прохор побарабанил по столу пальцами. — Однако и ты, Гаврила Василич, даже постарел, седина вон как обрыгала тебе голову... Как вы тут живете при советской власти? (Чужая кровь).

*

Это только подступ к главному. Надо хорошо знать психологию, характеры, обычаи, чтобы заметить эту намеренную затянутость разговора — признак серьезности, обстоятельности, взаимного расположения. Вопрос Прохора о том, как они живут теперь, мог отвести от предмета беседы, поэтому Гаврила ускоряет диалог. И здесь тоже соблюдена мера — постепенность:

— Сына вот жду... стариков нас докармливать... — криво улыбнулся Гаврила.

Прохор торопливо отвел глаза в сторону. Гаврила приметил это, спросил резко и прямо:

— Говори: где Петро?

— А вы разве не слышали?

— По-разному слышали, — отрубил Гаврила.

Прохор свил в пальцах грязную бахромку скатерти, заговорил не сразу.

— В январе, кажись... Ну, да, в январе, стояли мы сотней возле Новороссийского города... Город такой у моря есть... Ну, обыкновенно стояли...

— Убит, что ли?.. — нагибаясь, низким шепотом спросил Гаврила.

Прохор, не поднимая глаз, промолчал, словно и не слышал вопроса.

— Стояли, а красные прорывались к горам: к зеленым на соединенье. Назначает его, Петра вашего, командир сотни в разъезд.. Командиром у нас был подьесаул Сеннин... Вот тут и случись.. понимаете...

Воле печки звонко стукнул унавший чугуя, старуха, вытягивая руки, шла к кровати, крик расширял ей горло.

— Не вой!!.. — грозно рявкнул Гаврила и, облокотясь о стол, глядя на Прохора в упор, медленно и устало проговорил: — Ну, кончай!

— Срубил!.. — бледнея, выкрикнул Прохор и встал, нацупывая на лавке шапку. — Срубил Петра... насмерть...

*

Все говорят так, как должны были говорить в этих обстоятельствах. Местные слова, просторечие существуют здесь не как нечто экзотическое, показное, редкостное — они «убеждают»: жизнь, плохо, значит (значит), обыкновенно — все на своем месте.

Диалог строится именно по тем принципам, о которых размышлял Стасов: «В январе, кажись... Ну, да, в январе...».

Слово подкрепляется зримо очерченным жестом. Жест — выразительным емким «мужицким» словом. Это — сценическое действие. Смена настроения, положений, тона... Замедленное начало диалога разительнее подчеркивает перелом, динамику. Разговор предельно напряжен, сжат. Слышишь живые голоса и видишь лица.

У А. Н. Толстого есть хорошее рассуждение:

Искусство диалога идет от видения жеста и, разумеется, от глубокого внедрения в психику персонажа. Пусть ваш персонаж не пытается изъяснять своей психологии, вы его сразу потеряете из поля зрения. Помните о диалектике. Персонаж выявляется в столкновении противоречий, в поступках, — пишите его биографию иероглифами его поведения.

Слова лишь поддерживают, обогащают, уточняют, усиливают впечатления...

Будьте скупы на слова (О драматургии. Доклад Первому съезду писателей. 1934).

Диалог в приведенном примере из «Донских рассказов» вписывается в общую повествовательную ткань, подкрепляется и завершается картиной:

А ночью, накинув полушубок, вышел во двор, поскрипывая но снегу валенками, прошел на гумно и стал у скирда.

Из степи дул ветер, поросши снегом; темень, черная и строга, громоздилась в голых вишневых кустах.

— Сынок! — позвал Гаврила вполголоса. Подождат немногo e, не двигаясь, не поворачивая головы, снова позвал: — Петро!.. Сыночек!..

Потом лег плашмя на притоптанный возле скирды снег и тяжело закрыл глаза.

На этом прочном сцеплении диалога и описательных, повествовательных мест строятся незабываемые картины в «Тихом Доне». У Шолохова диалог нельзя заменить, скажем, повествованием или описанием. У него нет того, чтоб он говорил за героев, даже очень близких ему, как-то вмешиваясь в их споры, от чего несвободны были многие художники. Здесь строгая объективность, установка на такое искусство, когда сами от себя говорящие образы становятся носителями идейного содержания. Это можно было бы показать на примере, давно ставшем предметом самых больших дискуссий, это — ночной разговор Григория Мелехова и Михаила Кошова, подводивший итог трагических событий на Дону. Здесь особо значительна не только каждая реплика, но и пауза. И об этом можно размышлять очень долго — об искусстве немногословного, но прекрасно выверенного со стороны исторической правды и логики характеров драматического диалога — исповеди и поединка...

•

Теперь о том, какую позицию занял Шолохов своими произведениями в дискуссии о языке, насколько лингвистически точны его диалоги и нужна ли была эта точность вообще.

Прежде всего, о донских говорах. Они своеобразны и неодинаковы. Есть верховые, среднедонские, низовые;

их особенности в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике, фразеологии заметны прежде всего в речи пожилых и малограмотных казаков. Шолохов отражает это.

— Тю, сват, аль зиму пужаешь? Тулупашше-то...

— Цыган теперича шубу продал.

— На святках ночует это цыгане в степе, а укрываться нечем, бреднем оделся, забрало до тонкой кишки — проснулся цыган, палец-то в нчейку просунул и матери: «Ху, маманя,— гитарит, — то-то на базу холодишша!».

— Упаси бог — сколизь зачнетя.

— Быков ковать, не иначе.

— Надсь рубил я белотал у Чертовой ендовы, хорош...

— Гля, Авденч, ты, что ль, обчественного бугая правдаешь?

— Отказался. Паранька Мрыхина взялась.. Я, дескать, вдова, все веселей. Владай, говорю, в случай приплод...

— Господа старики! Как всчет хвороста?.. Ташше! (Тихий Дон).

Писатель отмечает, как говорят в Ольховом Рогу, украинской слободе, в двадцати пяти верстах от Миллерова:

— Ездют тут? — спросил Григорий, махая вожжами на коричневый перекипающий поток.

— Та ездють. Ноне утром проехали.

— Глубоко?

— Ни. В сани, мабуть, заляється.

Петр навестил ушедшего из отцовского дома Григория в Ягодном.

— Думаешь с своей жить? — свернул Петро разговор.

— С какой своей?

— С этой.

— Покеда думаю, а что?

— Так, с интересу попытал...

Григорий вздохнул.

— Скучаю по хутору, Петро. По Дону скучился, тут воды то-кучей не увидишь. Топное место!

Здесь никак нельзя менять местные слова на литературные.

Как известно, после дискуссии по проблемам языкознания в 50-х годах были внесены изменения в текст

«Тихого Дона» и «Поднятой целины» — убраны многие местные слова из диалогов: ажник; ишь, кубыть, хучь, встречь, ишо, сбочь, ба (бы), в степе, ухоть, бывалоча, голыный (лишь), всчет (насчет); в случай (в случае), из цыганев, холодишца, ухи, споймай, слухать, вовзят (совсем), залазь (залезай), полицевский, моет быть, надьсь, мому (моему), в крайнюю окно, гребется (лезет), гутарили, чему скалишсья, ить (ведь), посла, навроде, зараз, ивинийте, тешерича, увидют, на провед (проведать), идтить, дык что ж, дюже, дочерю, верхи (верхом), покель (покуда), значитсья (значит), не смеишь, покеда, не спужаешь, энтого, не страми, надоть, будя, друзей-товарищев, церкву, унистожить, одна страма.

Дед Грищака, например, выражался теперь культурнее (даю правку 1953 года в скобках):

Чудак! Пра слово, чудак! Какое в моих годах моет (может) быть адоровье? Мне ить (ведь) уж под сто пошло. Да, под сто... Кубыть (как будто) вчера ходил я с русым чубом, молодой да здоровый...

Жили людьми, а неделаемься (сделаемься) старцами (ишцими).

Ты не смеишь (не смейся).

Ильинична выговаривает сыну:

Господи! Да ты, Гришенька, опамитуйся! У тебя ить (ведь) вои, гля (гляди), какие дети растут, и у энтих (тех), загублейших тобой, тоже, небось, детки поостались... Ну, как же так можно?.. Послухай матерю (послушай матерь), Гришенька! Ты ить (ведь) тоже не заговоренный...

На «исправленном» издании значитсья имя редактора Кир. Потапова. Плохо понял он свою роль. В издании 1956 года Шолохов вернулся, лишь за некоторыми исключениями, к прежней редакции.

Но писатель далек и от фонографической записи говоров. Словарь А. В. Миртова, например, зафиксировал и такие местные формы: дбать — «наживать» (Каму, гарит, я буду дбать); комлатка — «комнатка»; онтольча, онтудева — «откуда»; побасить — «полечить корову»; плювать — «плевать».

Шолохов, конечно, слышал нечто подобное, но в текстах не вводил.

Он искал такие формы, которые воспринимаются читателем сравнительно легко: абы — «как»; виноватить; вспоперек; вспопащиться — «спохватиться»; гля — «смо-

три»; духовитый; жизнь; жалеть — 'любить'; кровь; ку-
быть — 'как будто'; может быть; набезжать — 'заехать';
на кой — 'зачем'; огинаться — 'мучиться'.

Разумеется, в диалоги шолоховских произведений вошли этнографические диалектизмы, слова, характеризующие особый хозяйственный уклад:

— Дитя два удепа эсани, Гринина, что за толочкой у Красного
лога.

— Ну-ну. А что под Таковым яром деляна, с энтай как? — шир-
потом сиранивах перелазавиши горло, охраниши на рыбальство
Григорий.

— Посля Покрова. Зараз и тут хватит. Полтора круга под Крас-
ным, не жадуи (Тихий Дон).

Значит, нет у писателя и той крайности, когда за раз-
говорную речь автор вроде бы не отвечал и тащил в нее
все, что слышал, а иногда и сочинял.

Но чем примечательна речь его героев («естенного на-
рода», по выражению А. Серафимовича)? Меткостью,
моментальностью реакции, игривостью, образностью,
усмешкой: «Ты каждой дыре гусь»; «Гори оно ясным
огнем»; «И петь не поет, и спать не даст»; «Голова-то
одна на плечах: не дай бог эту срубят — другая до Покро-
ва не вырастет».

В языке народа Шолохов находит поистине точные
определения человеческих отношений, родства и товари-
щества, светлых и радостных чувств: батяня, братушка,
маманы, ягодка, милюшка, болезная, любушка, жаль моя,
колосочек.

Дунышка обращается:

- Наташа, светочка, что-то хочу рассказать...
- Ну, Расскажи.
- Мишка Кошевой вчера целый вечер со мной просидел на
дубах воля гамазинов.
- Чего же ты скрасилась?
- И ничуть!
- Глянь в зеркало — чисто полымя.
- Ну, погоди! Ты ж пристыдила...
- Рассказывай, я не буду...
- «Ты, — гутарит, — как цветок лазоревый!..» (Тихий Дон).

В языке народа, с великим пониманием изображенного
Шолоховым, — простота, утверждающая сила правды и
гневный пафос разоблачения лжи.

Художественное слово Михаила Шолохова явилось как бы ответом на те неумолкаемые споры, которые велись относительно традиции и новаторства, технических приемов и стихийного творчества от «внутри», соотношения формы и содержания, конкретности словесного выражения, многозначности, подтекста, использования лексических ресурсов. Шолоховское слово — особенно на фоне увлечений то фонетикой, то рубленой фразой, то живописной стороной, рассчитанной на эффект, то ритмикой, получает предельно весомое смысловое наполнение и такую внешнюю оформленность, которая напоминает лучшие образцы классики. Эпос дал возможность раскрыть на широчайшем материале красоту, выразительность языка народа, представить индивидуальную речь в неразрывном единстве с характерами, соответственную жизненным ситуациям. Живописная сторона. Лирика. Звучность слов. Динамика. Чередование предельно кратких и усложненных синтаксических построений. Все это делает стиль Михаила Александровича Шолохова ярко индивидуальным, соответственным художественному миру писателя.

Ф. Г. БИРЮКОВ

ЧТО ТАКОЕ ЛИНГВОФОЛЬКЛО- РИСТИКА?

Широко известны высказывания Пушкина, Белинского, Гоголя, Л. Толстого, М. Горького о языке народной словесности. Не ограничиваясь общей оценкой народно-поэтической речи, русские писатели плодотворно использовали ее достижения. Так возникли «Песни пахаря» А. Кольцова, «Песня про купца Калашникова» М. Лермонтова, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя, сказы П. Бажова.

Известные русские исследователи Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, А. Н. Веселовский и др., каждый в рамках своих научных интересов, высказывали ценные мысли о специфике языка фольклора. Еще чуждые современной дробности науки, они брали язык фольклора как нечто целое во всем богатстве связей с другими эстетическими и коммуникативными системами.

В 40–50-е годы XX века сложился совершенно новый подход к исследованию устно-поэтической речи, связанный с именами А. П. Евгеньевой, П. Г. Богатырева, И. А. Оссовета. В их работах, основывающихся на самых последних достижениях филологической науки, высказаны и частично решены важные проблемы изучения фольклорного языка: соотношение языка устного народного творчества с другими формами речи, в частности с диалектами, специфические черты, соотношение традиции и новаторства в развитии народно-поэтической речи, стилистическое использование тех или иных грамматических явлений и многое другое.

Бурное развитие филологической науки в наши дни вносит значительные коррективы в проблематику и методику исследования языка фольклора. В фольклористике укрепились продуктивные идеи комплексного изучения произведений народного творчества, идеи структурного подхода к художественному образу и фольклорному произведению. Лингвистика заинтересовалась

проблемами, пограничными с литературоведением, психологией, этнографией и т. д. Все это обусловило становление нового раздела языкознания и литературоведения — лингвофольклористики.

Предыдущие описания фольклора грешили одним существенным недостатком: предметом его служили отдельные языковые явления (эпитеты, синонимы, тавтологические повторы, отдельные суффиксы и т. д.). Исследователи как бы исходили из молчаливого признания того факта, что язык фольклорного произведения — язык обычный, и в нем выделяются отдельные явления, которые и составляют «изюминку» устно-поэтического языка, именно она и должны привлечь внимание лингвофольклористов. При всей тщательности описания этих явлений невозможно представить сущность языка фольклора, опираясь только на них.

Фольклористика, как и всякая наука, должна установить причинно-следственные связи. По пути реализации этого плана уже сделаны первые шаги: группой авторов сборника «Фольклор как искусство слова» предпринята попытка рассмотреть в единстве содержательную, поэтическую и языковую стороны отдельного устно-поэтического произведения.

В работе И. А. Осовецкого «Стилистические функции некоторых суффиксов имен существительных в русской народной лирической песне» («Труды Института языкознания АН СССР», Т. VII. М., 1957) содержатся очень интересные указания на системный характер используемых грамматических и лексических элементов. Так, суффиксы субъективной оценки, широко используемые в народной песне, обнаруживают закономерные связи с другим широким явлением — эпитетами. Суффиксы и эпитеты взаимно дополняют, замещают друг друга, становятся в синонимические позиции. Синонимия, система эпитетов, средства слово- и формообразования находятся в чрезвычайно сложной и интересной взаимосвязи, выявление которой углубит наши знания о природе народной поэтики. А это приведет к интересным открытиям этнографического, психологического характера.

Возникает вопрос: а что дает изучение языка фольклора? Разве недостаточно изучения общенационального языка, ведь произведения устного народного творчества материализуются в звуках и формах той же речи, какой носители пользуются во всех случаях жизни? Все дело в том, что устно-поэтическая речь отличается от обиходно-бытовой речи лексикой, морфологическими и синтаксическими формами и даже фонетикой. Изучение языка фольклора поможет открыть многие психологические и этнические закономерности. Проникновение в глубь устно-поэтического языка может выявить такие интересные факты и закономерности, о которых мы и не подозреваем.

Лингвофольклористика занимается интересной проблемой взаимосвязи устно-поэтической речи с поэтической системой фольклора. Исследователи устного народного творчества единодушно говорят о параллелизме как одном из самых важных и универсальных признаков фольклора. Параллелизм во всех аспектах — психолингвистическом, интонационном, синтаксическом и лексическом — является в свою очередь базой других поэтических приемов: «ступенчатого сужения образов», развернутого обращения, рифмы и т. д. В. И. Абаев, наблюдая живую осетинскую речь, утверждает, что параллелизм «относится к древнейшим ритмико-композиционным и стилистическим приемам, на которых строилась человеческая речь вообще и поэтическая речь в особенности» («Труды Института языковедения АН СССР», Т. VI, М., 1956).

В работе «Конструкции с однородными членами, лексическим тождеством и параллелизмом в народных говорах» (Воронеж, 1969) В. И. Собианникова на богатейшем диалектном материале показала широкое распространение, скажем, симметрии в современной разговорной речи. Совершенно справедлив вывод автора, что «кажущееся специфически фольклорным языковое средство бытует в повседневной диалектной речи и что фольклор черпает из нее свои речевые приемы, расцветивая их яркими красками и превращая в стабильное фольклорное средство».

Если возьмем сборник фольклорных записей различных жанров, бытующих в одно и то же время на одной и той же территории (сб. «Песенный фольклор Мезеня», Л., 1967), то обнаруживается интересная закономерность. Цветовые прилагательные употребляются во всех жанрах поэтического фольклора; в одних (лирической песне) больше, в других (былине) меньше; что объясняется прежде всего обратной пропорциональной связью цветовой изобразительности с динамизмом жанра. Чем больше динамизм, реализуемый в глагольных формах, тем меньше прилагательных, обозначающих цвета. Напрашивается аналогия со скоростью движения и восприятием цвета. Повышение скорости приводит к неразличению цвета. Эта закономерность в свою очередь обусловлена другими закономерностями, формирующими специфику каждого фольклорного жанра.

Отмечая факт количественной неравномерности использования цветочных прилагательных в различных жанрах, мы констатируем другой несомненный факт: прилагательные ахроматической группы *черный*, *белый*, *серый* и их оттенки во всех жанрах употребляются с завидным постоянством. Предпочтение, отдаваемое ахроматическим цветам, в целом не противоречит закономерностям использования цветочных прилагательных в различных языках: прилагательные наряду с прямым обозначением цвета

употребляются в переносном значении. В исследованиях по топонимике констатируется, что термины *черный, белый, желтый, красный* и др. обозначают не цвета, а страны света, направления течения рек, ветров, ареалов бытования тех или иных народов: белые и черные ногай, желтые уйгуры, голубые турки и т. д.

Постоянное, устойчивое и равномерное по жанрам предпочтительное употребление ахроматических цветов накладывает определенные ограничения на нормы устно-поэтической речи, в частности на нормы словообразования. Так, во всех жанрах обследованного сборника сложные прилагательные, включающие «цветовые» морфемы, содержат только морфемы *черн-, бел-, сер-*. В любом жанре могут встретиться почти все употребляющиеся в фольклоре цветовые прилагательные, но как только возникает необходимость образовать сложное прилагательное, конструктивным элементом могут выступить только корни *черн-, бел-, сер-*. Исключения крайне редки. Подавляющее преобладание сложных прилагательных типа *белокаменный, белобархатный, чернабархатный, белоглазый, белокудрявая* очевидно. Дополнительная проверка на материале современных частушек убедительно подтверждает выявленную закономерность.

Система поэтики не только накладывает одни ограничения на систему поэтической речи, но и снимает другие. Так, замечено уже давно обилие приставок и способность их к комбинированию в сложные приставки, чаще всего не отмечаемые в бытовой речи носителей фольклора, а также обнаруженный сравнительно недавно факт роста многоприставочных глаголов, позволять говорить об известной свободе слово- и формообразования.

Нагляднее всего проступают закономерности устно-поэтической речи в сравнении отдельных фольклорных жанров между собой. Это не случайно. Уже давно замечено, что в фольклоре все предопределяется в жанре, начиная со стили и кончая конкретными языковыми явлениями. «Каждый из жанров, будь ли то сказка, песня, причитание, поговорка, обладает формальными отличиями, которые, однако, являются не только отличиями мира представлений, целей, идей и эмоций. Каждый из этих видов поэзии отличается и своеобразием языка, хотя это будет все тот же русский язык...» (В. Я. Пропп. «Язык былин как средство художественной изобразительности» — «Ученые записки ЛГУ. 173. Серия филологических наук». Вып. 20. Л., 1954).

Если обратимся к произведениям устного народного творчества различных жанров, одновременно бытующих в одной и той же местности, то обнаружим интересные факты (сб. «Песенный фольклор Мезени»).

Жанры различаются частотностью эпитетов. Списки наибо-

лее частых эпитетов в большей части по жанрам не совпадают, что обусловлено и содержанием произведений, и наличием набора устойчивых формул для каждого жанра. Наиболее частое сочетание «существительное + эпитет» — это своеобразный ключ жанра: *девица красная* — в протяжной и частой лирической песне, *поле чистое* — в былине и *слуги верные* — в исторической песне.

Наряду с общефольклорными сочетаниями типа *красная девица*, *зелено вино*, *добрый молодец* в каждом жанре есть часто употребляемые конструкции, присущие только этому жанру. В песне — *бор сырой*, *берег крутой*, *весна красная* и др., в былинах — *гусли звонкие*, *калика перехожа*, *князь ласковый* и др. Это можно объяснить причинами содержательного характера: различный набор определяемых существительных по жанрам требует и различного набора определений (эпитетов). Но данные соображения противоречат наблюдаемым фактам: одно и то же существительное в различных жанрах определяется разными эпитетами. В анализируемом сборнике существительное *кудри* в былинах требует эпитета *желтые*, в песнях — *русые*. И это в произведениях, бытующих на одной и той же территории и в одно и то же время.

В фольклоре нет жесткого соответствия (каждому существительному один эпитет): чрезвычайно часто используются наборы определений к одному существительному, то есть можно говорить о вариативности определений при одном и том же определении. Вызывает интерес тот факт, что эти наборы в различных жанрах строятся по разным признакам. Если в лирических песнях преобладает принцип синонимичности, то в былинах этот же ряд зачастую строится по принципу антонимического противопоставления. В песне — *дорога широкая*, *большая*, *столовая*; *земля сырая*, *талая*; *речи забавные*, *веселые*. В былине — *дорога прямая*, *окольная*; *земля сухая*, *сырая*; *речи несбыточные*, *разумные*; *слово ласковое*, *грубое*; *хоромы новые*, *старые*.

Тончайшая жанровая дифференциация в использовании тех или иных пластов лексики особенно видна на примере числительных. Эта часть речи издавна была предметом изучения филологов, логиков, математиков, этнографов и лингвистов, так как в ней особенно отчетливо отразились и становление абстрагирующего мышления, и следы древнейших представлений человека. Потенциальный символизм числа делал его важным и интересным компонентом поэтики. Широко известно предпочтение, отдаваемое числам *три*, *семь*, *сорок*, что хорошо и полно изучено на большом, разнообразном материале. При этом сложилось невысказанное убеждение, что закономерности использования числительных

общи, абсолютно одинаковы не только для разных жанров одного фольклора, но и для фольклора всех народов.

Для разных жанров присущи свои случаи преобладающего употребления тех или иных числительных. Интересно, что для частушки характерен рост употребительности числительного *четыре*. В подавляющем большинстве случаев в былинке, исторической и лирической песне числительное *четыре* употребляется в устойчивом сочетании с существительным *сторона*, единично употребление с существительными *часть*, *богатырь* и др.

В языке частушки *четыре* занимает особое место. Растет употребительность этого числительного во временном плане: количество его употреблений в частушках советского периода увеличилось в два с лишним раза (по нашим данным). Расширилась сочетаемость с существительными. Исключая один пример, когда *четыре* дано в составе «реальной» даты *четвертое октября*, все случаи употребления не мотивированы какими-либо ображениями «реального» плана: «Я иду, иду — стоят четыре елочки подряд. Дура, я его любила — Разве не было ребят?» (Л-д, № 218); «Раскочелося полно на четыре яруса. Отбивай, подружка, дружка, Веселись и радуйся» (№ 283); «Четыре сокола — И все высокие, четыре мальчика — и все далекие» (№ 985).

Итак, употребление числительного *четыре* не объясняется требованиями традиции, не вызывается соображениями информативного («реального») характера, не наблюдается его предпочтительность перед другими числительными в современном литературном языке. И при всем этом в современной советской частушке рост употребительности *четыре* несомненен. На наш взгляд, это примета жанра, объяснение которой чрезвычайно трудно. Возможно, мы присутствуем при рождении своеобразной символичности числительного *четыре*.

Много интересного открывается исследователю, обратившему внимание на язык устно-поэтического творчества. На первый взгляд народно-поэтическая речь кажется простой и безыскусственной, но эта простота не от упрощения, она — следствие классической гармонии. Авторитетнейший знаток фольклорного языка А. А. Потебня предупреждал, что мнение о якобы простоте языка фольклора — «лишь следствие недоразумения, принимающего суть языка, которая открывается исследователю, за близость дна». Показать прозрачную глубину устно-поэтической речи, ее гармонию и эстетические возможности — вот основная задача особого раздела языкознания — лингвофольклористики.

А. Т. ХРОЛЕНКО,
доцент Курского педагогического
института

ПОЭТИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

Начало XX века было важным этапом в развитии поэзии. Требование обновления поэтического слова стало самым популярным лозунгом времени: не было, пожалуй, ни одной из многочисленных школ и группировок, которая не провозгласила бы этого лозунга с той или иной степенью запальчивости и непримиримости.

К обновленному «общему» языку поэзии стремились, прежде всего, символисты. Им удалось, в рамках своего направления, выработать основные черты такого языка и сформировать свою систему поэтизмов, то есть «набор стандартизованных в поэтическом творчестве данного периода слов и оборотов» (В. В. Виноградов. *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. М., 1963). XX век провозгласил право поэта на словотворчество. Словотворчество стремилось воплотить в новом слове новый поэтический смысл, дать поэтическому языку новые «технические» средства.

Символистское понимание отношения искусства к действительности очень ярко выразил Вяч. Иванов — один из представителей младшего поколения символистов.

«Восходящая, взвивающаяся линия» — вот, по мнению Вяч. Иванова, символ стремления «к бытию высочайшему», символ отречения от всего земного. Образы возвышенного — орел, взмывший вверх, башни, устремленные в небо, горные вершины, увенчанные снегом и льдом. «Склонение вознесшей линии» — символ примирения небесного и земного, символ просветленного обращения к покинутой земле. Образы прекрасного — купол и дуга, небо — склон и радуга, вечерняя заря и восход. Падение — вот символ пробуждения в человеке стихийного земного начала, символ слия-

ния с первобытным хаосом. Образы хаотического — рушащийся водопад, чудовищные тайны подземных и подводных глубин, царство темного пурпура пражснодней. Нетрудно заметить, что перечисленные Влч. Ивановым образы относятся к числу общепозитических, традиционных. Еще допушкинская поэзия охотно использовала их для воплощения таких «вечных» тем, как война, жизнь, смерть, поэзия, любовь.

Новое, мистическое содержание, которое символисты вкладывали в эти образы, предъявляло особые требования к поэтическому языку. Поэтическое слово для символистов — материализация символа, а символ — это воплощение философской, мистической идеи в художественном образе. Так как символ — только намек, необходимо позаботиться о его внешнем выражении. Отсюда различные приемы выделения слов-символов, в том числе и образование поэтических неологизмов. Новые слова-символы создавались по стандартным семантическим (смысловым) моделям от сравнительно узкого круга слов — образных представителей той или иной идеи.

Образ звездного неба, например, воплощал в поэзии символистов возвышенное начало. Отсюда гнездо поэтических неологизмов, образованных от корня *зезд*: звездность, звездожность, звездо-танность, многозвездность, звездеть, звезденеть, звездник, звездоза-ковник и вод. Например:

В мыслях жемчуг, в мыслях звездность, камень-маргарит.

Б а л ь м о н т. Свадьба душ

Илч:

Иду, покорный и унылый,
Четвероногим двойником:
И — звезденет дух двухкрылый,
И — леденет косный ком.

А. Б е л ы й. Первое свидание

К этому гнезду приближается также поэтический неологизм *дунность*, выражающий ту же идею отречения от земного.

Более сложным по значению является поэтический неологизм *млечность*. Он относится к группе «звездных» слов-символов, так как в его основе — образ Млечного пути. Но слово *млечный* — старый поэтизм, обозначающий белый цвет, а белызна облаков, горных вершин, ледяных айсбергов — надлюбленный символистами образ возвышенного. Вот яркий пример, в котором совмещается и «белое» и «звездное» значение поэтического неологизма:

Белый Илч, Небесная дорога,
Млечности созвездные разлил.

Б а л ь м о н т. Небесная дорога

« В гнездо «белых» слов-символов входят также поэтические неологизмы: снежность 'снежная белзна', ледынь, льданость, боловейный. Сюда же относятся метафорические слова-символы, связанные с образом белого блеска, сияния: алмазность, алмазник, алмазиться, алмазить, блеснь, блисталище, жемчужность, среброзарность, хрустальеть.

Как млечный путь любовь твоя
Во мне мерцает влагой звездной,
В зеркальных снах над водной бездной
Алмазность пытки затая.

М. Волошин. «Как млечный путь...»

Можно выделить гнезда поэтических неологизмов, связанных с образами радуги: *семицветность, седмизрачность*; зари: *закатность, зареть, зареющий, зарнимый*; солнечного света: *светойм, светограчность, светорунный, осолнечный*. Для выражения идеи стихийного, демонического начала использовались семантические модели, связанные с образами бездны, пучины, огня, мифических чудовищ: *бездный, бездник, яменник, стремь; огнеиность, огмить, огневеть, рдяность; змеиность, змеиноликость, зверинокрылость, рогорови*.

Таким образом, система поэтизмов, выработанная символистами, отличалась известной гибкостью: это был набор стандартизованных семантических моделей. Пользуясь этим набором, поэты могли постоянно пополнять поэтический язык новыми словами. Однако узкий круг тем, глубокое сходство индивидуального видения мира, его философского осмысления привело к однообразию и монотонности поэтического словаря символистов. Это вызвало в свое время ядовитое, но справедливое замечание О. Э. Мандельштама: «Воистину русские символисты были столбниками стиля: на всех вместе не больше пятисот слов — словарь полинезийца» (О поэзии. Л., 1928).

Какова же судьба выработанной символистами системы поэтизмов? Очень привлекательной оказалась сама идея семантических моделей. Правда, на пути ее реализации вначале было, пожалуй, больше провалов, чем творческих достижений. Показательна, например, неудача пролеткультовцев, попытавшихся заимствовать не только технику, но и сам набор символических поэтизмов; механически приспособив их к передаче нового, революционного содержания. Такова большая группа «огненных» поэтических слов, с помощью которых пролеткультовцы пытались создать образ Революции: *огневарный, огнемерцающий, огнемечущий, огнекрыло-рьяный*.

Революционный пафос таких произведений, втиснутый в чужую, взятую напрокат форму, воспринимался современниками

Существительное *лунность* как поэтическое обозначение лунного сияния встречается у Сергея Есенина:

Неуютная, жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин,—
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.

«Неуютная, жидкая лунность...»

Поэтизм *звездность* употребляется для обозначения звездного неба; возможно и метафорическое использование этого слова.

Сложнее был путь освоения введенных символистами поэтизмов в том случае, если символ опирался на метафорическое значение слова. Употребление таких поэтизмов влекло за собой и использование образов, лежащих в их основе, а это таило в себе опасность сохранения и их мистического смысла. В этом отношении показательна история слова *млечность*. Использование его поэтами-несимволистами приносило в стихи более или менее явный мистический смысл.

С чьей-то ласковости внешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

Не гнетет меня млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг.

Есенин. «Не напрасно души ветры»

Немая, неразгаданная, прекрасная, но пугающая млечность — образ, перекликающийся с поэтикой символистов. Видимо, совсем не случайно стихотворение было напечатано в альманахе «Скифы», общая направленность которого определялась людьми, близкими к символистам. Только через десятки лет, когда в поэзию ворвалась тема реальных космических полетов, слово обрело новую жизнь: оно стало поэтическим обозначением космоса, Вселенной.

Некоторые новые поэтизмы, освобожденные от первоначального мистического содержания, заняли достаточно прочное место в поэтическом словаре нашего времени. Правда, они встречаются далеко не так часто, как традиционные поэтизмы в XIX веке, но это вполне закономерно: отличительной чертой современной поэзии является стремление к индивидуализации поэтической речи.

Кандидат филологических наук
О. И. АЛЕКСАНДРОВА
Куйбышев

СВИДЕТЕЛЬ СОБЫТИЯ...

СОБЫТИЮ

Выбор правильной формы управления — едва ли не самое трудное в современной устной и письменной речи. Как нужно сказать: отзыв о диссертации или отзыв на диссертацию, контроль над производством или контроль за производством, способен на жертвы или способен к жертвам. На сотни подобных вопросов регулярно отвечает справочная служба Института русского языка АН СССР в Москве и Ленинграде.

Увеличение варьирования касается далеко не всех типов синтаксических конструкций. Обычно оно связано с активизацией употребления определенных слов, рождением новых синонимических связей и, в конечном итоге, с воздействием фактора аналогии (так появились варианты: контроль над чем-либо, за чем-либо и чего-либо, приоритет в чем-либо и на что-либо).

Показательна в этом отношении вариантность управления у слов-названий лиц по их отношению к другим лицам, предметам или явлениям: свидетель, изменник, хозяин, друг, товарищ, враг, владыка, слуга и т. п. В современном русском языке колебания в управлении (родительный или дательный), в сущности, наблюдаются только у трех первых слов. Говорят: свидетель происшествия, события, преступления и свидетель происшествию, событию, преступлению.

Особенно часты колебания формы управления у слова *изменник*: *изменник чего?* или *изменник чему?* Приведем примеры употребления с *родительным* падежом: «Умолк и закрывает вежды Изменник русского дара» (Пушкин. Полтава); «Все погибли, но изменниками Родины не стали» (И. Козлов. В крымском подполье); — и с *дательным* падежом: «Ведь вы изменник своему отчеству» (Чехов. На чужбине).

Однако наличие колебаний в выборе падежа даже у современных мастеров слова вовсе не говорит о безразличном употреб-

лении этих вариантных форм. Иное дело — в языке XVIII века. Тогда употребление подобных конструкций не было еще каким-либо образом дифференцировано. Писали даже так: *хозяин (чего?) дома и хозяин (чему?) дому; свидетель (чего?) торжества и свидетель (чему?) торжеству.*

С течением времени употребление дательного падежа при словах *свидетель, изменник, хозяин* и других пошло на убыль. Постепенно дательный падеж уступал место родительному, более полно передающему определительно-объектные отношения. Использование формы дательного падежа в современном языке определяется лексико-синтаксическими условиями: 1) предикативное, то есть в составе сказуемого, употребление стержневых слов (*свидетель, изменник, хозяин*); 2) препозиция зависимого компонента; 3) выражение зависимого компонента местоимением, субстантивированным прилагательным или причастием: «Я тому делу свидетель!» (Горький. Трое); «Я был всему случившемуся свидетель» («Литературная газета», 11 февраля 1970).

Употребление дательного падежа при слове *изменник* (изменник кому? чему?) поддерживается влиянием соотносительного глагола (изменять кому? чему?) и, помимо указанных выше условий, связано еще с лексической избирательностью, так со словами *клятва, убеждения, дело* предпочтительнее форма дательного падежа: *изменник клятве, убеждениям, делу революции* (а не *изменник клятвы, убеждений, дела революции*). Однако в сочетании со словами *родина, отчина, отечество* теперь все чаще употребляются формы родительного падежа: *изменник родины, отечества*. А конструкции с дательным падежом в атрибутивных сочетаниях с этими словами представляются уже несколько архаичными. Ср.: «Спросите сами недостойных изменников отечеству» («Московский вестник», 1828, № 8).

Устарели и такие словосочетания, как: *хозяин дому, друг дому, друг сердцу, друг человечеству, враг христианству, враг труду, слуга истине*, — встречавшиеся в языке XVIII и даже XIX века. Употребление дательного падежа при слове *хозяин* ограничено в современном языке фразеологическими оборотами с предикативным значением (*хозяин своему слову, сам себе хозяин, хозяин своим поступкам*); конструкции с дательным падежом встречаются при намеренной стилизации речи: «— Эй! — стучит он в дверь палкой.— Есть хозяин дому сему?» (Б. Гербатов. Большая вода); «Или ты, Петр Матвеевич, и ты, Пимен Иванович, своему колхозу не хозяева?» (Николаева. Жатва). Однако и в современной (особенно в устной, ненормированной) речи формы родительного падежа вторгаются даже во фразеологически связанные сочетания, где по традиции следовало бы ожидать употребления

дательного падежа. Отсюда параллельные конструкции: хозяин своему слову и хозяин своего слова, хозяин своим поступкам и хозяин своих поступков.

Каковы же причины столь широкой «экспансии» формы родительного падежа, появляющейся теперь даже при предикативном значении стержневого слова? Видимо, немалую роль здесь сыграло образование и регулярное воспроизведение устойчивых именных сочетаний. Костяк таких сочетаний с родительным падежом сложился уже в XVIII—XIX веках: друг — народа, свободы, человечества, природы, истины; враг — веры, государства, отечества, народа, науки; хозяин — дома, магазина, завода, города, страны, природы, положения, судьбы. Если сохранение формы дательного падежа в XIX веке было отчасти обьязано книжным штампом, возникшим еще под церковнославянским влиянием (см.: Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., Учпедгиз, 1954), то распространение родительного падежа находится в определенной зависимости от лексических стандартов языка нового времени.

К. С. ГОРБАЧЕВИЧ

ОТБЕГАТЬ И ОТБЕГАТЬ

Глаголы: бежать — бегать, ехать — ездить, нестись — носиться, лезть — лазить, плыть — плавать, ползти — ползать, тащить — тащить, лететь — летать, гнать — гонять, идти — ходить, нести — носить, везти — возить, вести — водить — относятся к несовершенному виду и различаются только по признаку направленности — ненаправленности. Глаголы *бежать*, *ехать* указывают на направление движения и называются глаголами направленными, соотнесенными с ними *бегать*, *ездить* не указывают на направление движения и называются ненаправленными.

Особенности этих групп глаголов отчетливо выступают, когда к ним присоединяются приставки. Некоторые приставки в силу своих значений могут присоединяться только к глаголам направленного движения, например, с ярко выраженным пространственным значением: *при-* (пригонять к берегу, приехать на за-

вод); *вы-* (вызвать школьников за город, вытаскать вещи из дома); *в-* (вбежать в прихожую, внести мебель в комнату). «Аня вбежала из сеней, откуда до этого слышался плеск воды» (Симонов. Дни и ночи); «За это время в деревню заявила зима. Пришла она с озорством, как девчонка, что долго причесается, а потом выскочивает из-за угла и кричит: „А вот и я!“» (Паустовский. Записки Ивана Малыгина). Приставка *из-* (*ис-*) присоединяется только к глаголам ненаправленного движения и требует уточняющих слов в форме внимательного падежа: *исследить весь город*.

Соединяясь с глаголами направленного движения, приставки уточняют и конкретизируют значение направления, с глаголами ненаправленного движения указывают на ограниченные действия во времени или на степень и меру его проявления. Направленные глаголы, выражающие однократное действие: *лететь* — *слететь* (с крыши, с дерева); *отлететь* (от стены, от воды); *налететь* (на столб, на дерево); *залететь* (в окно, за облака). Сравните ненаправленный глагол, выражающий многократное действие, *летать*, от которого образованы: *слетать* (на базу за продуктами); *отлетать* ('перестать, кончить летать'); *налетать* (десятки километров); *залетать* ('начать летать').

От глаголов направленного движения можно образовать формы совершенного и несовершенного вида: от *идти* совершенный вид — *пройти* и несовершенный — *проходить* (мимо чего-либо). От глаголов же ненаправленного движения возможна только форма совершенного вида: *ходить* — совершенный вид *проходить* (проходить два часа по магазинам). Как видим, форма несовершенного вида глагола направленного движения (проходить мимо чего-либо) совпадает по звучанию с формой совершенного вида от глагола ненаправленного движения (проходить два часа...). Однако они различаются как по значению, так и по синтаксическим связям.

Этого совпадения звучания форм может и не быть, от глагола направленного движения *плыть* совершенный вид — *заплыть*, несовершенный — *залипать*; сравните с глаголом ненаправленного движения *плавать* — совершенный вид *заплавать* (начать действовать); *ехать* — *наехать* — *наезжать*, ср. *ездить* — *наездить* (много километров).

Приставочные глаголы ненаправленного движения с частицей *-ся* имеют оттенок разговорности: *набегаться до упаду*; *накататься, забегаться* (до изнеможения).

А что детки мои любезные —
Чай забегались, заигрались,
Снозранку спать уложились?

Лермонтов. Песни про царя Ивана Васильевича,
мехового опричника и удалого купца Калашникова

Формы ненаправленных и направленных глаголов могут различаться местом ударения. Например: *отбѣгать* — *отбѣгáть*, *набѣгать* — *набѣгáть*, *забѣгать* — *забѣгáть*. Например:

... Где мы с тобой босиком
Отбѣгали недавно.

Твардовский Я. Сверстники

Сравните: «Ежась от дождя, они [мальчики] смотрели на море, нектово кричали и то отбѣгали от волны, то снова бросались к кромке прибоя» (Паустовский. Толя-капитан).

Итак, формы приставочных глаголов направленного и ненаправленного движения могут совпадать по звучанию, могут и различаться. Однако значения их всегда различны, различна и их сочетаемость с другими словами в предложении.

Действительно, если нужно уточнить те или иные направления движения, мы употребляем приставочные глаголы направленного движения с различными предложно-падежными формами: *идти* — *отойти* от машины, *зайти* за угол, *пройти* мимо сада, *сойти* с горки. Если указываем на начало, завершение действия, на ограниченные действия во времени, то употребляем приставочные глаголы ненаправленного движения: *бегать* — *отбѣгать* (прекратить действие), *забѣгать* (начать действие), *пробѣгать* (находитьсь в движении в течение какого-либо времени).

Наблюдения над текстами, а также над разговорной речью показывают, что приставочные глаголы направленного движения более употребительны. Приставочные глаголы ненаправленного движения часто заменяются в письменной речи словосочетаниями. Так, если ребенок делает первые шаги, то мать скажет, что он *начал ходить*, а не *заходил*. Вместо *отлетать*, *отбегать* свое мы можем употребить словосочетание *кончил (перестал) летать, бегать*.

Что же касается глаголов направленного движения, предпочтительнее употреблять их с приставками, так как приставочные глаголы более точно и конкретно передают то или иное направление движения: *прийти* к товарищу, *подойти* к дому, *отойти* в сторону, *перейти* через дорогу, *выйти* на шоссе.

Многие глаголы ненаправленного движения с приставками очень выразительны. Поэтому они служат нам не только для обозначения движения, но и передают наше отношение к этому действию. Например, если человек взволнованно и быстро ходит по комнате, мы скажем: *забѣгал из угла в угол*. Если человек не слушался добрых советов и в результате простудился: *набѣгал себе простуду*.

Ф. А. БРУСЕНСКАЯ

ВОПРОС КАК ОТРИЦАНИЕ

Известно, что основным средством выражения отрицания в современном русском языке является частица *не*. Однако в разговорной речи в ответ на вопрос о чем-то или о ком-то часто можно слышать вместо: «Я не знаю» — «Откуда я знаю?» или «А я знаю?», или «Кто его знает?» и т. д. Это явление свойственно не только разговорной речи. Вопросительные конструкции, выражающие отрицательное сообщение, широко употребительны и в письменной речи: «Он [Андерсен] писал всюду, где его заставляла жажда писать. Кто сочтет, сколько царяпин оставило его торопливое перо на оловянных чернильницах в гостиницах Рима и Парижа, Афин и Константинополя, Лондона и Амстердама?!» (К. Паустовский. Сказочник). Это так называемый риторический вопрос, служащий для выражения отрицания. Подобные конструкции характеризует асимметрия формы и содержания. По форме — это вопросительные конструкции, а по содержанию, по выражаемому ими значению — повествовательные.

В чем же сходство и различие собственно вопросительных предложений и вопросительных предложений, выражающих отрицание? Сходство их прежде всего во внешней вопросительной форме. Выражать отрицание могут все структурные схемы вопросительных предложений как с вопросительными словами, так и без них. Отличие вопросительных предложений, выражающих отрицание, от собственно вопросительных состоит не только в особой экспрессивной вопросительной интонации, но и в грамматическом строе, лексическом наполнении, функционировании в речи.

На особую экспрессивную интонацию так называемого риторического вопроса указывали такие ученые, как А. М. Пешковский, А. Н. Гвоздев, Ш. Балли и многие другие. Выражение отри-

цания вопросительными конструкциями зависит не только от интонации, здесь важен и лексический состав и их грамматическая структура.

«Кто знает, где и когда совершается поворот человеческой души?» (Графиня. Иду на грозу); «— Интересно,— протянул Федька.— И кто знает? — Все знают. Да все равно боятся сюда ходить» (А. Иванов. Вечный зов). В приведенных примерах как собственно вопросительное выступает лишь последнее предложение, а первое имеет повествовательное значение: никто не знает. Вне контекста вопросительное предложение «Кто знает?» способно выражать и собственно вопрос, и повествовательное отрицательное значение. Различие в значении передается интонацией во взаимодействии с логическим ударением. При собственно вопросительном значении логическое ударение выделяет вопросительное слово: *кто знает?*, а при повествовательном значении логическое ударение падает на глагол: *кто знает?* Это свойственно всем вопросительным конструкциям, внешне совершенно совпадающим друг с другом, типа: *что делать?* и *что делать?* (делать нечего), *что сказать?* и *что сказать?* (сказать нечего).

В речи высказывание существует не изолированно, а в соседстве с другими. Анализ контекста в этих случаях особенно важен, так как именно он снимает многозначность предложения. Так, в первом примере контекст мотивирует ее отрицательное значение, а во втором примере вопросительная конструкция входит в состав сложного предложения, поэтому мотивацией выступает его вторая часть. Именно она указывает, что вопросительное предложение построено на основе неоспоримого факта, так называемого аксиоматического суждения: «Никто не знает, где и когда совершается поворот человеческой души». Это значение несовместимо с вопросом.

Случаи полного лексического и грамматического тождества собственно вопросительных предложений и вопросительных предложений, выражающих отрицание, не так уж часты. Обычно особая экспрессивная вопросительная интонация взаимодействует с таким лексико-грамматическим составом, который не может функционировать как собственно вопрос. Сравним два предложения вне контекста и без указания на интонацию: *Что его могло ожидать?*; *Да и что его могло ожидать?* Первое предложение таит в себе возможность двойного осмысления: это может быть и собственно вопрос и отрицание. Второе же выражает только отрицание. Этому способствует союз *да и*.

Сравним вопросительные предложения типа: *Что делать?* и *Что было делать?*; *Что сказать?* и *Что было сказать?*; *Как ответить?* и *Как было ответить?* Каждое первое предложение в соот-

несенных парх может выражать и собственно вопрос и отрицание в форме вопроса, а второе — только отрицание. Употреблению этих конструкций в собственно вопросительном значении «препятствует» связь *было* при инфинитиве. Вопросительные инфинитивные предложения со связкой *было* всегда имеют только повествовательное значение. Следовательно, это значение является признаком определенной структуры.

Чаще всего повествовательное значение вопросительной конструкции вызывается ее лексическим наполнением. Лексическое наполнение вопросительных предложений, выражающих отрицание, имеет свои особенности: отличается образностью и переносным словоупотреблением.

Разве гром бывает немощю болель?
Разве сдержаншь смерч,
чтоб вихрем не кнел?

Нет!

не ослабает ленинская воля
В миллионносыльной воле РКП.

Маяковский. Мы не верим!

Отрицательное значение вопросительной конструкции заложено в самом лексическом наполнении ее, метафоричность словоупотребления разрушает сущность вопроса.

Лексическое наполнение вопросительных предложений со значением отрицания характеризуется нарушением смысловых связей между вопросительным словом и отдельными словоформами. Особенно часто наблюдаются смысловые нарушения между вопросительными словами *что, как, где, зачем* и инфинитивом, между вопросительным наречием *где*, требующим указания места, и номинативом, выраженным абстрактным существительным: «А другой вины не видел за собой — люди в жизни смешанно стоят, каждый к делу своему привык, привычку возвел в закон, — где же сразу понять, против кого чужая сила направляется?» (Горький. Исповедь); «Где же ваша принципиальность?» (Из разговора).

Особенностью рассматриваемых конструкций в отличие от собственно вопросительных является их распространенность, такие предложения характеризуются избыточной информацией (а собственно вопросительное предложение обычно невелико по объему): «Разве право приказывать исключает потребность испытывать благодарность к людям, которым по долгу службы не остается ничего другого, как безусловно выполнять твой приказ?» (Симонов. Живые и мертвые).

Наконец, вопросительные предложения, выражающие отрицание, отличаются от собственно вопросительных «поведением» в

процессе речевого общения. Известно, что для собственно вопроса обычен диалог. В нем собственно вопросительная конструкция обычно занимает первое место. Таков процесс общения: вопрос, а за ним следует ответ. Вопросительные предложения, употребленные в несобственном значении, всегда выступают в качестве ответной реплики диалога. В этой позиции вопросительная конструкция (если это не переспрос или встречный вопрос) имеет повествовательное значение — утвердительное или отрицательное. «— Кто это был? — недоуменно спросил Павка Климку. — Откуда я знаю? — ответил тот, пожав плечами» (Н. Островский. Как закалялась сталь); «— Ну вот!.. Встретила вас — хотела ссориться, а получился нужный разговор... — А зачем нам ссориться? Главное — вместе!» (Медынский. Честь). Таким образом, место конструкции в процессе речевого общения как бы указывает на ее повествовательное значение.

Вопросительные предложения со значением отрицания функционируют в разных стилях современного русского языка; особенно употребительны эти конструкции в публицистическом и разговорном стилях. Сравнительно редки они в научном стиле (встречаются в философских и филологических сочинениях), совершенно не свойственны официально-деловому и производственно-техническому стилям русского языка.

Итак, в современном русском языке вопросительная конструкция употребляется не только для выражения вопроса, но и для выражения экспрессивного отрицания.

Л. Ф. БЕРДИК
Ростов-на-Дону

ИЗУЧАЮТ РУССКИЙ ЯЗЫК

ЕГИПЕТ

Широкой популярностью пользуются в египетской столице курсы русского языка, работающие при советском культурном центре.

В настоящее время число желающих изучать русский язык превысило 500 человек. В основном это инженеры и техники, врачи, журналисты, рабочие, служащие, учащиеся.

При культурном центре созданы трехмесячные курсы ускоренного обучения русскому языку для египетских студентов, направляющихся на учебу в СССР.

«Известия», 6 сентября 1973

ИЗОБРАЗИ- ТЕЛЬНОЕ СЛОВО В «МЕДНОМ ВСАДНИКЕ» А. С. ПУШКИНА

Когда и как обычное слово общенародного языка становится «фактом искусства», тончайшим средством выразительности? Рассмотрим этот сложный вопрос на примере анализа художественного текста, имея в виду, что процесс формирования образа очень сложен и может быть восстановлен далеко не во всех деталях и не на всех уровнях. Пожалуй, это касается прежде всего поэтической речи.

Для анализа возьмем небольшой отрывок из «Медного всадника (Петербургской повести)» А. С. Пушкина [цитируется по изданию: Пушкин. Полное собрание сочинений. М., Изд-во Академии наук СССР, 1937—1949].

Лингвистический
анализ
текста

Евгений (1)
Стремглав, не помня ничего, (2)
Изнемогая от мучений, (3)
Бежит туда, где ждет его (4)
Судьба с неведомым известьем, (5)
Как с запечатанным письмом. (6)
И вот бежит уж он предместьем, (7)
И вот залив, и близок дом... (8)
Что ж это? (9)
Он остановился.

Пошел назад и воротился.	(10)
Глядит... идет... еще глядит.	(11)
Вот место, где их дом стоит;	(12)
Вот ява. Были здесь ворота —	(13)
Снесло их, видно. Где же дом?	(14)
И полон сумрачной заботы	(15)
Все ходит, ходит он кругом,	(16)
Толкует громко сам с собою —	(17)
И вдруг, удара в лоб рукою,	(18)
Задохотал.	(19)

Чтобы в какой-то степени восстановить работу Пушкина над словом-образом, обратимся к рукописям поэта.

Евгений выделено интонационно и ритмически переносом и поставлено в рифмующуюся позицию; причем созвучные строки *Евгений*... *мучений* обрываются на высокой, звенящей ноте, что уже само по себе вносит в текст смутное ожидание и тревогу. При этом выявляется характерная черта поэтики Пушкина: рифмующиеся слова составляют не только ритмомелодическое единство, но и неизбежно соотносятся по семантике, образуя определенный ассоциативный ряд.

По наблюдениям Брюсова, Пушкин «...ставит под рифму слова, особенно значительные в стихе, те, на которые должно обратить особое внимание, которые должны запомниться больше всех других». (В. Брюсов. Стихотворная техника Пушкина). Главные члены грамматической конструкции *Евгений*... *бежит*, вынесенные на края стиховых строк, неизбежно выделяются, так как несут на себе и ритмическое и фразовое ударение.

Кроме переноса, субъект-подлежащее *Евгений* отделено от сказуемого *бежит* группой второстепенных членов, очень важных в обрисовке ситуации:

Стремглав, не помня ничего,
Изнемогая от мучений...

Показательна та серия переделок, которой подверглись эти две стиховые строки. В основном черновике находим:

Спешит — не помня ничего
Спешит — (не видит) не видя ничего
туда — где ждет его —

В беловых редакциях сначала читаем:

Изнемогая от мучений —
Бежит, не помня ничего.

Потом:

Изнемогая от мучений —
Стремглав, не помня ничего.

И, наконец, окончательный вариант, где в определенной, экспрессивно-нарастающей градации расположен ряд обстоятельственных слов и оборотов:

Стремглав, не помня ничего, //
Изнемогая от мучений //
Бежит...

Очень важно, что переносы (результат несовпадения интонационно-ритмического членения текста — на стиховые строки и грамматического — на предложения) усиливают драматическую напряженность повествования, вызывают своеобразное «ожидание» слова. Настоящее репортажа (или иначе — настоящее изобразительное): Евгений ... бежит... ждет его // Судьба... — сближает в сознании читателя два плана повествования — настоящее и прошедшее, да и само повествование приобретает характер сиюминутности, непосредственного наблюдения. Межстиховая пауза — перенос:

Бежит туда, где ждет его //
Судьба...

— усиливает объектность местоимения *его*. Отсутствие паузы привело бы к синтаксической омонимии, к двусмысленности: *ждет* (кого?) *его* и *ждет судьба* (чья?) *его*. Очевидно, именно поэтому был отвергнут первоначальный вариант этой строки, сохранившийся в основном черновике: «Туда, где ждет судьба его». Благодаря переносу возникла пауза:

Бежит туда, где ждет его //
Судьба...

В окончательном тексте синтаксическая двуплановость исчезла, и оба слова, вынесенные на края стиховых строк (в начало — *судьба* и в конец — *его*), стали носителями ритмического и фразового ударения. Пауза на месте переноса усиливает мрачно-торжественную значительность слова-образа *судьба* еще и потому, что оно стоит на месте другого ожидаемого образа. Ведь в первой части «Петербургской повести» уже было сказано, кто ждет Евгения «ночи у самого залива»: «...там она, Вдова и дочь, его Параша, Его мечта...». Здесь дважды повторенное *его* однозначно и грамматически совершенно определено, так как возможен только один вопрос — чья? И вот на месте ожидаемого словосочетания «Вдова и дочь, его Параша» возникает слово-образ *судьба*, тягостная загадочность которого усилена определительным рядом:

Судьба с неведомым известьем,
Как о запечатанном письмом.

Возникает своеобразная «градация» таинственности: сравнительный оборот усиливает выразительность слова-образа и осложняет его цепью дополнительных представлений.

Перед вами один из тех случаев, когда сама «зыбкость» образа служит средством выразительности. Академик Л. В. Щерба очень тонко наметил эту особенность поэтического стиля: «...Вся

предлесть состоит в неясности, в том, что наше воображение лишь слегка толкается по некоторым ассоциативным путям искусным подбором слов с их более или менее отдаленными ассоциациями (о их «ореолами», как я это себе позволяю называть в лекциях)» (Л. В. Щерба. Опыты лингвистического толкования стихотворений).

Следующие два стиха (7 и 8) воспроизводят картины, как бы последовательно открывающиеся перед бегущим Евгением. Объединяющая эти два стиха анафора:

И вот бежит уж он предместьем,
И вот залил, и близок дом...

— усиливает интонационно-ритмическую напряженность, свидетельствующую о надвигающейся катастрофе; ускоряется темп речи — короткие, как бы «задыхающиеся» фразы; и вдруг — многозначительная пауза-умолчание...

В рукописях поэта есть варианты этого стиха:

И вот залил ... И близко дом
И вот залил... уж (?) близко дом
Уж вот залил — и близко дом

И в окончательном тексте:

И вот залил, и близок дом...

замена обстоятельственного *близко* предикативным *близок* вызывает представление не только о пространственной близости... Пауза-умолчание после восьмого стиха резко обрывает повествование вопросом авторского комментария: «Что ж это?..». Следующая за вопросом эмоциональная пауза усилена и графически — композицией строки:

Что ж это?..

Он остановился.

Здесь красная строка — графический знак ритмомелодического «серебрян», знак смены интонации: формы настоящего сменяются прошедшим результативным:

Он остановился.

Пошел назад и воротился.

Здесь необходимо сделать некоторое отступление. В начале повествования автор мягко пронаигрывает над Евгением, излагая (очень сочувственно) «волнение разных размышлений», где мечты о «местечке» и нехитрые житейские планы соседствуют со знаменательной фразой (уже из арсенала рассказчика, судя по тону!): «Что мог бы бог ему прибавить ума и денег...». Закрепленное и свободное значения глагола *прибавить* переплетаются, взаимно обогащая друг друга, и создают, по сути дела, новый фразеологизм. Внутренний монолог Евгения — это непринужденное сочета-

ние косвенной, прямой и несобственно-прямой речи, поэтому повествование ведется то от третьего, то от первого лица...

И вдруг этот смиренный маленький чиновник под влиянием трагических обстоятельств превращается в бунтаря, в «безумца». Он как бы вырывается из-под контроля автора и начинает действовать совершенно независимо от авторской воли. Возникает своеобразный «ситуационный» полифонизм. Отсюда и недоуменно-вопросительное: «Что ж это?..». Как будто авторский тон стал спокойнее, нет уже прерывисто-задыхающейся интонации бегущего человека, но какая-то необычность поведения героя «Петербургской повести» чувствуется и в этом, сугубо повествовательном, слоге. Удивленный вопрос-вскрик: «Что ж это?..» — не находит ответа. Изменению интонационного рисунка усилено и выявлено изменением грамматической формы слова; межстиховая пауза-перенос подчеркнута и грамматически — делением текста на два самостоятельных предложения:

Он остановился. //
Пошел назад и воротился.

Показательна эта граница между предложениями, разделяющими ряд однородных сказуемых, единообразно грамматически оформленных и называющих последовательно сменяющиеся действия.

Снова меняется ритмомелодический строй, меняется интонация повествования — и как следствие — изменяется грамматическое оформление текста: автор с удивлением и все возрастающей тревогой наблюдает за поведением Евгения: «Глядит... идет... еще глядит». Создается впечатление, что действия не только сиюминутны, но и неожиданны для самого автора. Герой действует совершенно непонятным образом. Отсюда и отрывистость авторского комментария, прерываемого эмоциональными паузами внутри предложения (что подчеркивается и написанием строчной буквы после многоточия в начале каждого отрезка), возникает своеобразное расчленение текста: «Глядит... идет... еще глядит».

Чрезвычайно показательна подавляющая глагольность авторских ремарок. Предложение предельно сжато, называются только действия: «Он остановился. Пошел назад и воротился. Глядит... идет... еще глядит». Настораживает неожиданная ритмомелодическая и лексико-синтаксическая организация текста: действия, которые должны были бы быть одновременными, сопутствующими (идти и смотреть), представлены сменяющимися друг друга.

Еще ничего как будто не сказано прямо о том, что Евгений уже безумен, что «...его смятенный ум Против ужасных потрясений. Не устоял», но формы речи, как чуткий инструмент, обнаруживают необычность душевного состояния героя. Кризисная си-

туация, положение на грани между разумом и безумием, раньше всего выявляется в форме слова. Не только ритмомелодическая структура, но и лексико-синтаксические связи слов этого отрывка своеобразны. Обстоятельство *еще* в значении 'опять' обычно не сочетается с глагольным сказуемым *глядит*. Между тем рукописи поэта сохранили несколько вариантов 11—12 стиховых строк, но сочетание *еще (опять) глядит* дошло до окончательного текста почти без переделок. Вот что мы находим в черновиках Пушкина:

Он остановился —
Глядит идет — глядит опять —
Опять идет и ... воротился
— их дома не видать.

Он остановился
Пошел вперед (?) и воротился
глядит опять —

Глядит идет — еще глядит —
Идет опять — глядит
Идет и (?) глядит —
Идет опять — еще глядит

В беловых редакциях:

Глядит — идет — еще глядит
Пошел назад и воротился —

И окончательный текст:

Глядит ... идет... еще глядит.

Мы догадываемся о происшедшем еще задолго до того, как автор прямо скажет, что Евгений безумен. И первый сигнал трагедии — формы слова.

Нарушение грамматической правильности речи усиливает впечатление взволнованности, создает иллюзию неподготовленности речи рассказчика. Следовательно, отступления от канонов грамматики могут служить (очень важным!) средством изобразительности. «В художественной речи,— пишет по этому поводу Ю. М. Лотман,— значение возникает не только за счет выполнения определенных структурных правил, но и за счет их нарушения» (Анализ поэтического текста. 1972). Показательно, что это «нарушение» сохранено во всех черновиках и беловых редакциях одиннадцатой стиховой строки...

В речь автора врывается голос героя, как бы рассуждающего вслух:

Вот место, где их дом стоит;
Вот ива. Были здесь ворота —
Снесло их, видно. Где же дом?

В этом вопросе сливаются голоса Евгения и рассказчика. Вопрос отделяется от основного текста длительной эмоциональной паузой.

И слова — грамматическая форма слова как средство экспрессивности: «Вот ива. Были здесь жероты». В этом сближении двух временных планов — настоящего и прошедшего — свидетельство уже случившейся трагедии.

Далее следует авторский комментарий — голос самого рассказчика, с тревогой и беспокойством наблюдающего за героем повести. И снова репортажность описания: все глагольные сказуемые даны в форме настоящего изобразительного:

И полон сумрачной заботы
Все ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою —

Показательна та серия переделок, которой подверглась 16 стиховая строка. Окончательный вид она приобрела отнюдь не сразу. В основном черновике:

И с видом бешеной заботы
И полн мучительной заботы
И с видом горестной заботы

В беловых редакциях:

И с видом сумрачной заботы

Таким образом, оставалось востоянно во всех вариантах только слово-образ *заботы*. Весь же контекст изменялся. Не может не обратить на себя внимания последовательная замена эпитетов при слове *заботы*: *бешеной*//*мучительной*//*горестной* и окончательный вариант — *сумрачной*. Словарь А. С. Пушкинина отмечает 25 употреблений слова *сумрачный*, из них 17 в прямом значении — «тусклое, слабое освещение, обилие тени, тенистый, пасмурный, затененный облаками»; и 8 случаев переносного употребления — «мрачный, угрюмый, печальный, тягостный, гнетущий». Принимая во внимание душевное состояние героя, не кажется удивительным, что автор, отвергнув *бешеной*, *мучительной*, *горестной*, остановился на последнем — *сумрачной заботы*, где сохранились все оттенки переносного употребления слова...

Неполногласная форма *полн* (один из вариантов: «Поле мучительной заботы»), часто встречающаяся в пушкинских стихах в конце стиховой строки, в ее рифмующейся части, заменена полногласной формой *полон*. Отвергнуто и словосочетание «И с видом горестной заботы», предполагавшее лишь внешнюю, наружную сторону проявления чувства. Перед нами окончательный текст: «И полон сумрачной заботы».

Не может не остановить нашего внимания и следующая строка: «Все ходит, ходит он кругом...». Дело в том, что для выражения длительности и непрерывности действия Пушкин пользовался двумя типами осложненного сказуемого: во-первых, двукратным

повтором глагольной формы как средством выражения длительного действия:

Еду, еду в чистом поле...

Весь

Ах! — и легче тени
Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет...

Екатерина Овсина

Во-вторых, ту же роль грамматического выражения длительности носила видо-временная частица *всѣ* — в значении 'постоянно, по-прежнему', объединявшая план настоящего, прошедшего и будущего. Характерно, что эту роль частица *всѣ* выполняет и в глагольном, и в именном сказуемом, безгранично раздвигая временные пределы (См.: Н. Ю. Шведова. Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке). Приведем несколько примеров из произведений Пушкина:

...Но, тоскуя,

Хочу сказать, что всё люблю я,
Что всё я твой: сюда, сюда!

Заклинанье

... Скажи, что всё его я помню и люблю

Русалка

И всё тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...

Ворис Годунов

И до утра всё стучались
Под окном и у ворот.

Утопленник

В одном из писем жене Пушкин пишет: «Что это, женка? вот уже 25-ое, а я всё от тебя не имею ни строчки» (1834).

Глагольная форма в сочетании с частицей *всѣ* выражала протяженное действие, длительность которого могла усложняться в некоторых случаях обстоятельственной группой, если нужно было сказать о бесконечности движения.

И днем и ночью кот ученый
Всѣ ходит по цепи кругом

Руслан и Людмила

Показательно, что здесь же, в «Медном всаднике», уже есть пример осложненного сказуемого со значением непрерывного действия и выражено оно сочетанием частицы *всѣ* с одной (не повторенной!) глагольной формой:

Он также думал, что погода
Не унималась; что река
Всѣ прибывала...

Медный всадник

В анализируемом тексте мы видим как бы двойное выражение длительности:

И полон сумрачной заботы
Всё ходит, ходит ой кругом...

Эта своеобразная избыточность лексико-грамматических средств выражения длительности служит той же цели вывешения кризисности эмоционально-психического состояния героя — на рубеже между разумом и безумием.

Именно в этом же плане перерабатываются и последующие стиховые строки. Стихи 17—19:

Толкует громко сам с собою —
И вдруг, удара в лоб рукою,
Захотел.

В рукописях поэта сохранились варианты; в основном черновике:

(И рассуждает) сам с собою...
И рассуждает сам с собою!..
И вдруг ударясь в лоб рукою...

В беловых редакциях читаем:

И рассуждает сам с собою
Толкуя громко сам с собою

В глагольном сказуемом *рассуждает* явно сквозит исходное — *рассудок*: безумный Евгений не мог рассуждать, то есть выполнять действие, предполагающее душевное спокойствие и более или менее стройную цепь умозаключений.

Отвергнутая деепричастная форма *ударясь* обозначает непроизвольное, сопутствующее действие, да и синтаксические связи слова должны были бы измениться, так как удариться можно только обо что? чем? а не во что? Вместо «Толкуя громко сам с собою», где деепричастие *толкуя* выражает второстепенное действие и требует изменения следующего стиха: «И вдруг ударя...», в окончательном тексте — спрягаемая форма глагола. «Толкует громко сам с собою» — перед нами снова настоящее изобразительное. Дальше тире — знак эмоциональной паузы, цель которой — подчеркнуть неожиданность последующих событий:

Толкует громко сам с собою —
И вдруг, удара в лоб рукою,
Захотел.

Роль сказуемого *захотел*, завершающего отрывок, усилена не только интонационно, переносом, и графически, композицией стиховой строки, но и перебоем ритмомелодической организации стиха, что уже было замечено исследователями: «Инверсия этого сказуемого с постановкой его в enjambement [перенос] в конце красной строки придает глаголу *захотел* особенную вырази-

тельность» (Н. С. Поспелов. Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина). Очевидно, дело не только и, пожалуй, не столько в инверсии и переносе, сколько в противопоставлении грамматической формы этого слова всему контексту. Логическая последовательность событий-действий противоположна грамматическому соотношению временных форм. В самом деле, ведь действия, передаваемые формой настоящего изобразительного (Все ходит, ходит... толкует...), предшествовали заключительному действию, выраженному формой прошедшего результативного — *захо-зогол*. Перед нами еще один из способов выразительности — своеобразная актуализация, выделение слова-образа противопоставлением грамматического оформления слов реальной последовательности действий: «Одной из форм художественной трансформации временных процессов, — пишет академик М. Б. Храпченко, — является нарушение реальной последовательности изображаемых явлений» («Вопросы литературы», 1971, № 10).

Итак, история языка художественной литературы — это история формирования изобразительных средств языка. Сделать наглядным общее положение об изобразительности грамматической формы слова — главное условие понимания специфики художественного текста.

Л. И. ВРЕМНА

ИЗУЧАЮТ РУССКИЙ ЯЗЫК

ЯПОНИЯ

«Русский язык по телевизионно-передается японской телевизионной компанией Эн-эйч-кэй. Ее регулярно смотрят сотни тысяч японцев. Организаторы программы уже распродали около 200 тысяч брошюр с текстами уроков. Я сейчас с нетерпением жду дней, когда по Эн-эйч-кэй идет программа «Русский язык», пишет на телестудии 46-летний житель города Окаямы Т. Кимура.

«Правда», 9 августа 1973

КОНГО (БРАЗЗАВИЛЬ)

На курсах русского языка при советском культурном центре в Браззавиле завершился очередной учебный год. В нынешнем учебном году на этих курсах занималось около 300 человек. Это почти вдвое больше, чем в прошлом году. Среди слушателей курсов русского языка — партийные работники, государственные служащие, активисты молодежного движения и других общественных организаций, рабочие, учащиеся и военнослужащие.

«Комсомельская правда», 21 июля 1973

Лингвостилистический анализ поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»

Продолжение. Начало см.: «Русская речь», 1973, № 6

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

На морфологическом уровне в языке поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» могут быть отмечены вполне определенные черты, образующие специфические вкрапления, без которых был бы разрушен или искажен лингвистический строй поэмы. Морфологические особенности языка поэмы — это не что-то самодовлеющее и обособленное, а органический компонент всего произведения, неотделимый в функциональном отношении от лексико-фразеологических и словообразовательных элементов, о которых шла речь в первой статье («Русская речь», 1973, № 6).

Рассмотрим основные морфологические элементы, непосредственно участвующие в создании общего лингвистического строя поэмы.

Предпочтительное употребление вариантов отдельных словоформ является в поэме основным инструментом, создающим морфологическую специфику ее языка. Так, Гоголь почти исключительно пользуется вариантом окончания творительного падежа на *-ю* (*-ею*), а не *-ой* (*-ей*) для существительных первого склонения, а также согласованных с ними прилагательных и местоимений, что создает определенный стилистический эффект, выражающийся в том, что указанный вариант данной словоформы или контрастирует с разговорно-просторечной лексикой микроконтекста или же, напротив, поддерживает лексические элементы «высокого стиля»: «Он заглянул и в городской сад, который состоял из то-

нежных дерев... с подпорками внизу в виде треугольников, очень красиво выращенных зеленою масляною краскою» (гл. 1) [цитируется по заданию: Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Изд-во АН СССР, 1951]; «Лицо его [приказчика] выглядело какою-то пухлою полнотою»; «Манилов... ничего другого не мог придумать, как только выпустить изо рта оставшийся дым очень тонкою струею» (гл. 2).

Аналогичной особенностью обладают у Гоголя и словоформы творительного падежа существительных третьего склонения, для которых избирается вариант на *-ию*: «Он [Чичиков] с чрезвычайною точностию расспросил, кто в городе губернатор» (гл. 1); «О себе приезжий... говорил... с заметною скромностию» (гл. 1); «Тут Манилов с такою же любезностию рассказал дело кучеру» (гл. 2).

Из вариантов деепричастных форм совершенного вида у Гоголя, как правило, присутствуют формы с суффиксом *-вши* и почти нет форм с суффиксом *-и*: «Отдохнувши, он написал на лоскутке бумажки... чин, имя, фамилию» (гл. 1); «Расспросивши подробно будочника..., он [Чичиков] отправился взглянуть на реку»; «Еще раз окинувши все глазами ..., [Чичиков] отправился домой прямо в свой номер» (гл. 1); «Толстый, послуживши богу и государю, заслуживши всеобщее уважение, оставляет службу» (гл. 1).

Особенностью языка поэмы, выполняющей определенную художественно-образительную функцию, является количественное накопление известных морфологических элементов, например накопление формы превосходной степени и элитивных форм прилагательных и наречий степени при качественных прилагательных, чем достигается необходимая «освещенность» деталей внешнего облика и характера героев: «Считался скромнейшим, деликатнейшим»; «Глаза его сделались чрезвычайно сладкими, и лицо приняло самое довольное выражение» (гл. 2); «Не правда ли, что предпочтеннейший и прелюбезнейший человек?»; «Очень, очень достойный человек... чрезвычайно приятный»; «Не правда ли прелюбезная женщина? — Это одна из достойнейших женщины» (гл. 2); «Даже почти за священнейший долг» (гл. 1).

Весьма показательны многочисленные случаи концентрации деепричастий в пределах одного высказывания: «Отдавши нужные приказания еще с вечера, проснувшись поутру очень рано, съмывшись, вытершись с ног до головы мокрой губкой..., выбрившись таким образом, что щеки сделались настоящий атлас..., надевши фрак брусничного цвета с искрой..., он [Чичиков] сошел с лестницы» (гл. 2); «Даже сам Собакевич..., приехавши довольно поздно из города и уже совершенно раздевшись и легши на кровать возле худощавой жены своей сказал ей: „Я, душенька, был

у губернатора на вечере» (гл. 1). Приведенные выше примеры концентрации большого количества деепричастий в одном высказывании характеризуют не только морфологическую сторону языка поэмы, но и связаны с особенностями ее синтаксической структуры.

Характерно обращение автора к некоторым архаическим формам, хотя во времена Гоголя указанные формы могли и не иметь оттенка архаичности. В поэме встречаются такие формы, как *домы* (вместо *дома*), *неделей* (вместо *недель*), *близший* (вместо *более близкий*): «Домы были в один, два и полтора этажа» (гл. 1); «Щи с слоеным пирожком, нарочно сберегаемым для проезжающих в течение нескольких неделей» (гл. 1); «Может быть, к сему побудила его другая... причина, дело более серьезное, ближее к сердцу» (гл. 1).

Обобщая сказанное о морфологических особенностях языка поэмы «Мертвые души», следует подчеркнуть, что эта специфика создается, во-первых, предпочтительным употреблением определенных вариантов отдельных словоформ, во-вторых, концентрацией значительного числа однородных морфологических элементов в данном микроконтексте и, в-третьих, обращением к некоторым архаическим формам.

СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Синтаксическая структура текста — это, пожалуй, наиболее значимый и «первый среди равных» лингвистический фактор, объединяющий в определенную систему элементы всех уровней языка. Здесь уместно напомнить очень верное замечание Р. А. Будагова относительно того, что синтаксис «постоянно и глубоко взаимодействует с морфологией и словообразованием, с одной стороны, с лексикой, лексикологией и стилистикой — с другой», и что «различие в специфике языковой передачи логического содержания и образует „душу“ синтаксиса» («Вопросы языкознания», 1973, № 1). Чтобы раскрыть структуру текста, необходимо исследовать характерные особенности синтаксических «микросистем», выявить их типы и разновидности, указать для каждой из них типологические приметы и т. д. Вполне понятно, что в настоящей статье мы имеем возможность изложить лишь самое существенное.

Из всех разновидностей сложного синтаксического целого в произведениях Гоголя преобладают в описательных контекстах построения с однородными частями, перечисляющими в едином временном плане составные компоненты изображаемой картины.

При этом однородные части обычно связываются друг с другом повторением определенных слов или их лексических эквивалентов, сами по себе предложения являются преимущественно простыми двусоставными или сложносочиненными (реже сложноподчиненными) структурами, в которых общий временной план создается глагольными формами несовершенного вида, входящими в предикативные центры. Обычно указанный тип сложного синтаксического целого начинается опорным предложением, смысл которого раскрывается всеми последующими:

Деревня Маниловка немногих могла заманить своим местоположением. Дом господский стоял на юру, т. е. на возвышении, открытом всем ветрам.; покатошь горы, на которой он стоял, была одета подстриженным дерном. На ней были разбросаны по-английски две-три клумбы с кустами сирени и желтых акаций; пять-шесть берез небольшими купами кое-где возносили свои мелколистные жиденькие вершины. Под двумя из них видна была беседка.; пониже пруд, покрытый зеленью... У подошвы этого возвышения, и частью по самому скату, темнели вдоль и поперек серенькие бревенчатые избы.; нигде между ними растущего дерева или какой-нибудь зелени; везде глядело только одно бревно (гл. 2).

В других случаях указанный тип сложного синтаксического целого, при сохранении отношений однородности между его частями и общего временного плана, осложняется тем, что одна из его однородных частей превращается автором в развернутый «крупногабаритный» период, выражающий или сравнение, или причинно-следственные, или условно-временные, или изъяснительные отношения. Вот пример такой единицы с включением сравнительного периода:

Вошедши в зал, Чичиков должен был на минуту зажмурить глаза, потому что блеск от свечей, ламп и дамских платьев был страшный. Все было залито светом. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде, когда старая ключница рубит и делит его на сверкающие обломки перед открытым окном; дети все глядят, собравшись вокруг, следя любопытно за движениями жестких рук ее, поднимающих молот, а воздушные эскадроны мух, поднятые легким воздухом, влетают смело, как полные хозяева, и, пользуясь подслеповатостью старухи и солнцем, беспокоящим глаза ее, обсыпают лакомые куски, где вразбитную, где густыми кучами. Насыщенные богатым летом, и без того на всяком шагу расставляющим ла-

комые блюда, они влетели вовсе не с тем, чтобы есть, но чтобы только показать себя, пройтись взад и вперед по сахарной куче, потереть одна о другую задние или передние ножки, или почесать ими у себя под крылышками, или, протягнувши обе передние лапки, потереть ими у себя над головою, повернуться и опять улететь и опять прилететь с новыми докучными эскадронами (гл. 1).

Отмеченные выше синтаксические «микросистемы», из которых в совокупности складывается общая синтаксическая структура поэмы, включают в себя некоторые частные особенности, представляющие, каждая в отдельности, типические черты гоголевского синтаксиса, характерные детали индивидуальной манеры обращения с отдельными синтаксическими категориями. Вот некоторые из этих характерных деталей:

1. Многочисленные случаи замены прямой речи речью косвенной, что вносит в соответствующие построения определенный оттенок «гоголевского» слога:

О себе приезжий... избегал много говорить; если же говорил, то какими-то общими местами... что он незначительный червь мира сего и не достоин того, чтобы много о нем заботились, что испытал много на веку своем, претерпел на службе за правду... и что теперь, желая успокоиться, ищет избрать наконец место для жительства, и что, прибывши в этот город, почем за непременный долг засвидетельствовать свое почтение первым его сановникам (гл. 1).

Губернатор об нем изъяснился, что он благонамеренный человек; прокурор, что он дельный человек; жандармский полковник говорил, что он ученый человек; председатель палаты — что он знающий и почтенный человек (гл. 1).

2. Неоднократное обращение Гоголя к страдательным конструкциям, в которых организующим компонентом является краткое страдательное причастие, в редких случаях сопровождаемое субстантивом в творительном падеже: «Не без радости был вдали узрет полосатый шлагбаум» (гл. 2); «Ко дню рождения приготовлены были сюрпризы» (гл. 2); «Гость был посажен между хвояном и хвоякою» (гл. 2).

3. Употребление оборота с *не без* в значении *с*: «Чичиков не без удовольствия подошел к ее ручке» (гл. 2); «Комната была, точно, не без приятности» (гл. 2); «Чичиков раскланивался несколько набок, впрочем, не без приятности» (гл. 1).

4. Наличие сравнительно нечастых случаев «архаического» управления (в диахроническом плане): «васнул два часа» (вместо

«проспал два часа»); «одеваются у нас на театрах» (вместо «одеваются у нас в театре»).

5. Скопления деепричастных и причастных оборотов в рамках данного микроконтекста (синтаксической «микросистемы»):

Расспросивши подробно будочника, куда можно пройти ближе, если понадобится к собору, к присутственным местам, к губернатору, он отправился взглянуть на реку, протекавшую посредине города, дорогою оторвал прибитую к столбу афишу о том, чтобы, пришедши домой, прочитав ее хорошенько, посмотрел пристально на проходившую по деревянному тротуару даму недурной наружности..., и, еще раз окинувши все глазами..., отправился домой прямо в свой номер, поддерживаемый слегка на лестнице трактирным слугою» (гл. 1).

Итак, типическими особенностями синтаксической структуры поэмы «Мертвые души» являются следующие: 1) синтаксическое построение отдельных глав поэмы представляет собой своеобразные «макросистемы» со своей особой организацией и специфическими компонентами; 2) указанные «макросистемы» образуются совокупностью сконтактированных синтаксических целых, среди которых преобладает тип с однородными частями, имеющими единый временной план; 3) значительное число синтаксических конструкций осложняется за счет превращения одного из однородных компонентов в развернутый многоэлементный период с весьма сложной синтаксической структурой; 4) в построении отдельных частей сложных синтаксических целых наблюдаются некоторые излюбленные Гоголем синтаксические «структуры» и «обороты», представляющие типические черты «гоголевского» слога: частая замена прямой речи косвенной, обилие деепричастных и причастных конструкций, употребление страдательных оборотов со строгим порядком слов и т. д.

Профессор
А. В. ДУДНИКОВ

ОПАСНАЯ ГРАМОТА. ПАСПОРТ

Как свидетельствуют памятники древнерусской письменности, полномочным представителям, отправлявшимся в другое государство с тем или иным дипломатическим поручением (согласно международному посольскому праву), гарантировался безопасный и беспрепятственный проезд, а также всяческое содействие в пути. Для обеспечения такого рода гарантий послам выдавались соответствующие документы, которые носили названия: *опасная грамота*, *проезжая грамота*, *пропускная грамота*, *подорожная грамота*, *пас* или *паспорт*.

Опасная грамота выдавалась государем другой страны, куда по этой грамоте такие лица могли «приехать и отъехать без зацепок и без задержания»: «Да и опасных грамот ваши послы у господина, сына моего великого князя, и у меня, у его богомолца, просили» (Акты исторические. 1452—1453).

Опасные грамоты имели место в дипломатической практике вплоть до XVIII века: «Грамоту свою опасную на послы польского короля брата нашего к брату своему есмь прислали» (Польские дела. 1545); «Повелели мы, великий государь, наше царское величество, вышеупомянутому князю Черторижскому настоящую нашу опасную грамоту за государственною нашею печатью дати» (Письма и бумаги Петра Великого. 1701).

В начале XVIII века этот составной термин вышел из употребления, его вытеснили заимствования *пас*, *паспорт*. В словарях XVIII—XIX веков *опасная грамота* дается с пометой «старинное». [Заметим, с конца XV века в дипломатических документах, касающихся сношений Московского государства с Польшей и Литвой, обычной является так называемая фразеологическая полукалька *опасный лист* (ср. польское *list* 'письмо, грамота'). Затем это на-

звание в языке дипломатической переписки употреблялось на правах синонима к русскому термину *опасная грамота*.]

Письменное свидетельство, выдававшееся дипломатическим агентам, а также купцам для беспрепятственного проезда по территории иностранного государства, именовалось *проезжей грамотой*: «Послал князь великий х королю Жигимонту Иакова Григорьева... просити грамоты проездные на Семена Дакилова... чрез его землю итти к воеводе волошьскому и назад без зацепки и послом волошьским» (Никоновская летопись. 1543); «Вели, государь, мне дати свою царскую проезжую грамоту от Москвы до Ивана города...» (Английские дела. 1603); «А для скорого отпуску чрез иные государства показывать ему великого государя проезжая грамота» (Сношения с Римской империей. 1673).

С тем же значением, что и *проезжая грамота*, в языке дипломатического делопроизводства конца XV—XVI века применялся составной термин *пропускная грамота*: «Царь и великий князь послал к литовским послом свою жалованную грамоту пропускную от своих великих людей... А се грамота проезжая такова дана послом» (Польско-литовские дела. 1563); «Король грамоту свою дал пропускную Костянтину и волошским послом» (там же. 1529).

В качестве синонима к русскому составному наименованию *проезжая грамота* с 60-х годов XVII века (сначала в посольских отчетах и несколько позже в языке дипломатических актов) использовалось иноязычное слово *пас*. Это слово едва ли не впервые встречается в Договоре Великого Новгорода с ганзейскими городами 1392 года, где оно употреблено как синоним к термину *опасная грамота*: «И посадники и тысяцкыи и весь господинъ Великий Новгородъ, смотрѣвъ в грамотѣ в старѣи в заморскѣи в хрестѣи и въ пасѣ свои...» (Сношения с Римской империей. 1662). По аналогии с русским составным термином *проезжая грамота* слово *пас* употреблялось в сочетании с прилагательным *проезжий*: «Курфистр... проезжей де пас к вам прислал и пропустить вас без задежанья велел» и «...Дастся всем союзным послом турской проезжей пас» (там же). Слово *пас* применялось и в смысле 'документ, удостоверяющий уплату пошлин за провоз посольского багажа или товаров купцов и освобождающий от уплаты при проезде по другим городам того же государства': «С нас послов [русских] взяли пошлину, а взяв пошлину, дали пас, чтоб нигде пошлин болши того не имать» (Сношения с Римской империей. 1662). Это слово имело и другие употребления в правовой сфере.

В памятниках дипломатии конца XVII века засвидетельствован вариант *пашпорт* (*проезжий пашпорт*): «А о пашпортахъ писалъ ты, а въ которую землю того негъ» (Письма и бумаги Петра Великого. 1694); «Писал великой и полномочной посол в Польшу к ре-

виденту Алексею Никитину, чтоб он радел о проезде короневском наппорте и прислал к нему в Бряславль» (Сношения с Римской империей. 1698).

В официальных актах, деловых записках русских послов начала XVIII века находят отражение варианты *пас*, *пашпорт* (*пашупурт*), *паспорт*: «Пашпорт и подводы до нашей границы дать» (Письма и бумаги Петра Великого. 1704; в документе 1705 года — *пасами*); «С обеих сторон давать пашупурты для проезде всяким людем из Галандии во Францию». (Архив князя Ф. А. Куракина. 1705); «Однакож не дав ему ни полной мочи, ни кредитива, ниже паспорту» (Рассуждение П. П. Шафирова. 1717; «Правыми паспортами... удовольствованы...» (Собрание трактатов. 1719).

Словарями XVIII — начала XIX века регистрируются: *пас*, *пашпорт*, *паспорт*. Однако чаще дается форма *паспорт*. Так, в Лексиконе Вейсмана (1731) читаем: «*Паспорт* — подорожное, пропускное письмо, пас». В «Новом словотолкователе» Н. Яновского (1806): «*Пас*, *паспорт*. 1. Подорожная, пропуск, вид для въезда в город; 2. В карточной игре значит то, что или не хочешь играть, или не имеешь игры в руках».

С течением времени слово *пас* в значении, что и паспорт, выходит из употребления. Это объясняется тем, что с XVIII века в русском языке звуковой комплекс *пас* используется для передачи других значений, неродственных рассмотренным выше. Сравните в «Словаре Академии Российской» (1789—1794): «*Пас* — ремень, на каковых вешается кораб или кузов каретный», в «Новом словотолкователе» Н. Яновского: «*Пас* — в карточной игре значит то, что или не хочешь играть, или не имеешь игры в руках...».

Слово *паспорт* лишь изменило свое первоначальное значение — «удостоверение на право судну пройти в гавань, разрешение на отплытие из гавани» (см. этимологические словари русского языка; сравните среднелатинское *passage* 'проходить' и *portus* 'гавань'), приобрета другие специальные и более общие значения. Приведем данные 4-х томов «Словаря русского языка» (1959): «*Паспорт*. 1. Документ, удостоверяющий личность владельца, его гражданство» (Бессрочный паспорт, заграничный паспорт, дипломатический паспорт и др.). «2. Регистрационное свидетельство, содержащее основные сведения о каком-либо предприятии, оборудовании, устройстве, предмете хозяйственного обихода и т. п.» (Паспорт завода, паспорт станка, паспорт телевизора, паспорт часов).

Интерес представляет вопрос о пути проникновения слова *пас* и его вариантов в русский язык. Исходя из данных фиксации термина *пас* в наших памятниках, можно говорить, что слово пришло в русский письменный язык дважды — в конце XIV века из старонемецкого (*Pass*) и в середине XVII века из немецкого и шведского

языков (Pass). Вариант *пашпорт* (в русском языке с конца XVII века) восходит к польскому *paszport* (можно допустить и украинское посредство). Со второго десятилетия XVIII века в русском языке укореняется форма *паспорт*, обязанная немецкой *Paßport* (в немецком она из французского языка *passerport*). Эта форма и вообладала в литературном языке (в русских говорах: *пашпорт* и *пашпорт*).

Кандидат филологических наук
Ф. П. СЕРГЕЕВ
Кишинев

МАШИНА

Слово *машина* стало употребляться в русском языке с начала XVIII века. В «Законодательных актах Петра I», изданных Н. А. Воскресенским (М.—Л., 1945), оно обнаруживается в двух вариантах *машина* и *мазина*: «О машинах разных, что в воде работают»; «О махине водяной, что у Гааги». Вариант *мазина* восходит, возможно, через польское *maszyna* к латинскому *machina*, имеющему, в свою очередь, греческое происхождение (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка). Вариант *машина*, по тем же данным, проник через немецкое *Maschine* из французского *machine*, восходящего к латинскому *machina*.

Уже в греческом языке в слове *машина* объединились, помимо других, два значения: «орудие, сооружение» и «осадная машина». Это обстоятельство оказало влияние на судьбу слова в русском языке. С течением времени произошло разделение значений между вариантами: за словом *машина* закрепилось значение «механизм», а за *мазина* — «нечто огромное», так как осадные орудия отличались большими размерами. В научных книгах XVIII века и *машина* и *мазина* употреблялись в одном значении «механизм, снасть, орудие» (Л. Л. Кутина. Формирование терминологии физики в России. Л., 1966).

Например, в Отчете Петру I о посадке за границу, состоявшейся в 1721 году, придворный библиотекарь Иоганн Шумахер называет словом *машина* механизм, выдаваемый его изобретателем за перпетуум мобиле: «И таким образом колесо сохраняет движение битьем весов, а силу бития не от машины имеет, но от тонкой невидимой материи»; «Егда бы внутренняя структура ма-

шины объявлялась, тогда бы многие математики одну за perpetuum mobile не почитали» (П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862). Употребление слова *машина* в этих примерах вполне соответствует первому, основному значению его, отмеченному 17-томным «Словарем современного русского литературного языка».

Вместе с тем, у слова *машина* уже в XVIII веке появляются переносные значения. В. В. Веселитский приводит примеры метафорического употребления слова *машина* (*машина*) у А. Кантемира, В. Тредиаковского, в переводах конца XVIII века, где слово *машина* (*машина*) обозначает уподобление предмета машине, механизму по своему строению, согласованности частей (Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX века. М., 1972). Наличие у слова *машина* разнообразных фигуральных значений к концу XVIII века отмечает также Р. А. Будагов в книге «История слов в истории общества» (М., 1971). Одно из таких значений – ‘нечто, действующее подобно механизму’ – свойственно современному языку. Это нашло отражение в «Словаре современного русского литературного языка».

Между тем, слово *машина* встречается уже у В. Н. Татищева. В 1739 году он написал диалог «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ», в котором зарекомендовал себя поборником просвещения в России. В этом диалоге встречается следующее выражение: «И тако неученый судия будет подобен безразумной машине». В данном контексте *машина* выступает как исполнитель тех или иных действий, но не имеющий души, следовательно, бессердечный, бесчеловечный. В этом же диалоге Татищев приводит слова Петра I из разговора с лейб-медиком Н. Блюментростом, где с помощью слова *машина* подчеркивается преждевременность воплощения в жизнь некоторых замыслов: «Ты хочешь сделать Архимедову машину очень сильную, да подымать нечего, и где поставить места нет». Таким образом, слово *машина* рано начинает употребляться за пределами научной терминологии и проникает в поэтический словарь.

Два варианта – *машина* и *машина* – сосуществуют довольно долго. М. В. Ломоносов употребляет в стихах вариант *машина*: «Хотя твои машины грозны, Но сплавию их в званный вид: Чтоб знали впредь потомки поэны, Что ныне свет в России зрит» (Ода на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург в 1742 году по коронации). А. Н. Радищев начинает трактат «Опыт о законодательстве» такими словами: «Чем машина простее, чем меньше в ней пружин, чем оные прочнее и могут вернее и проворнее производить сходственные с ее целию великие и наилучшие действия, тем она совершеннее. Государство есть ве-

лика машина, коея цель есть блаженство граждан». Таким образом, и Радищев употребляет вариант *машина*, причем, как и Ломоносов, для создания метафорического образа. Более того, Радищев, очевидно, впервые сопоставляет с машиной государственное устройство, предвывая «устойчивые сочетания типа государственная, административная и т. п. машина», появление которых Ю. С. Сорокин относит к 20–30 годам XIX века (Развитие словарного состава русского литературного языка. М.—Л., 1965). 17-томный Словарь рассматривает это значение как переносное.

А. С. Пушкин также употребляет два варианта: *машина* и *машина*. В работе «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» поэт использует вариант *машина*: «Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он [Ломоносов] все испытал и все проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает машины, дарит художества мозаическими произведениями и наконец открывает нам истинные источники нашего поэтического языка». Пушкинская характеристика Ломоносова преподнесена как бы «в высоком штиле», она проникнута пафосом, и существительное *машина* в сочетании с глаголом *сооружает* и в соседстве с выражением «дарит художества мозаическими произведениями» до некоторой степени воссоздает слог самого Ломоносова и способствует зримому восприятию образа великого ученого, данного великим поэтом.

Пушкину приписывается небольшой очерк о Татищеве. Посвященный первому русскому историку, он написан слогом, свойственным историческому сочинению, — ровно, спокойно, с указанием хронологии всех главных событий жизни замечательного государственного деятеля и ученого: «В 1724 произведен Татищев в полковники от артиллерии и послан в Швецию для составления планов и моделей машинам». Таким образом, варианты *машина* и *машина* у Пушкина не случайны, а обусловлены требованиями стиля и жанра. При этом оба варианта использованы в своем первом, основном, значении.

Употребление варианта *машина* К. Н. Батюшковым, отмеченное «Словарем современного русского литературного языка», также не является случайным: «Годофред, желая осадить город, приготовляет машины, стенобитные орудия». В латинском языке словом *machina* обозначались как раз осадные орудия, служащие для разрушения городских стен. Поэтому вариант *машина* одновременно является отчасти историзмом, отчасти устаревающим словом и стилистически вполне оправдан.

Смысловое разграничение вариантов *машина* и *мазина* оформилось не сразу. Еще у Н. В. Гоголя в «Мертвых душах» встречается *машинища* в значении 'нечто огромное', то есть соответствующем современному *мазина*: «Я вам доложу, каков был Михеев, так вы таких людей не сыщите: машинища такая, что в эту комнату не войдет... А в плечищах у него была такая силища, какой нет у лошади...», — расхваливает Собакевич Чичикову одного из крестьян.

О судьбе слова *машина* в XIX веке подробно пишет Ю. С. Сорокин в книге «Развитие словарного состава русского литературного языка». Он отмечает целый ряд метафорических сочетаний со словом *машина* у разных авторов на протяжении века. Однако значения 'нечто огромное' в его примерах нет.

Как метафору использует слово *машина* и Л. Н. Толстой. В «Анне Карениной» встречаются такие примеры: «Рассуждения о том, что корова есть машина для делава молока, были ей подозрительны»; «...Левин в тысячу раз лучше человек. А этот франтик петербургский, их на машине делают, они все на одну стать и все дрянь»; «Как будто слезы были та необходимая мазь, без которой не могла идти успешно машина взаимного общения между двумя сестрами, — сестры после слез разговорились не о том, что занимало их; но и говоря о постороннем, они поняли друг друга». Известные слова Анны об А. А. Каренине: «Это не человек, это министерская машина», — представляют собою как бы метафору второй степени — от машины-«механизма» к «государственной машине» и далее к «министерской машине» как символу человека, действующего только как механическая деталь аппарата и подобно ему.

Таким образом, метафорическое употребление слова *машина*, начатое Татищевым и его современниками, получило дальнейшее развитие в русском литературном языке XVIII—XIX веков. Варианты *машина* и *мазина* у писателей первой половины XIX века имели, как правило, различную стилистическую окраску.

М. Ф. ДАШКОВА
Воронеж

ПО КАРТЕ
РОССИИ

ОРЕЛ, а не ПТИЦА

Город Орел основан в 1564 или в 1566 году во время царствования Ивана Грозного как крепость для защиты русского государства от набегов татар. Первоначально город стоял на реке Орле (ныне Орлик), а позднее — после одного из опустошительных пожаров в 1673 году — был перенесен на Ямскую гору, на мыс, образуемый слиянием рек Орла и Оки. Свое наименование город получил по названию реки Орел, которая с течением времени стала называться Орлик. Так, в писцовой книге 1593—1594 гг. по Орловскому уезду встречаем Орел, а на картах XVIII века — и Орел и Орлик.

Такие случаи, когда река, на которой основан город того же названия, принимает уменьшительную форму, уже известны, например город Пенза — река Пензятка, и соответственно — Коломна — Коломенка, Мстера — Мстерка и другие, хотя возможны и случаи совпадения форм названия города и реки: город Москва — река Москва, и соответственно — Живдра — Живдра, Луга — Луга и др.

Что же значит название реки и города Орел? В 1779 году был утвержден герб города Орла с изображением орла. Полагаем, что название это произошло от птицы: «В синем поле белый город, на воротах которого черный одноглавый орел с золотой на голове короною». Так описан герб Орла в плане города, сделанном при Генеральном межевании России. В дальнейшем герб города несколько изменился, но по-прежнему орел оставался одним из главных его символов. Это отметил и «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Изображение орла было в гербах нескольких городов бывшей Орловской губернии, например: Болхова, Кром, Мценска, Карачева, Трубчевска и некоторых других.

И река и город Орел, судя по всему, не имеют никакого отношения к птице орлу. Если бы это название действительно произошло от птицы, оно обязательно имело бы форму или имени прилагательного, или производного имени существительного: Ор-

линая, Орловая, Орловка, Орлянка. Русской гидронимии не известны случаи, когда названия птицы, рыбы или животного в той же форме становились бы названиями водных объектов. Становясь гидронимами, эти слова обязательно изменяются в соответствии с правилами русского словообразования, например: река Сорочья, озеро Карасево, озеро Лещево и др. Известная река Ворона первоначально имела другие формы названия: Воронья, Иворонь — и поэтому не может быть отождествлена с именем существительным *ворона*. Так же и название реки Орел известно в других формах: Орель — в Книге Большому Чертежу, изданной Д. Языковым в 1838 году, Орлик — на плане города Орла 1779 года и в настоящее время. Это дает основание сблизить название реки Орел с названием Орель (левого притока Днепра), тем более, что название Орель известно в форме Орел, Орлик и Ореля, как свидетельствует о том «Географическо-статистический словарь Российской империи» П. П. Семёнова-Тянь-Шанского (СПб., 1863—1885).

М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» в одной из своих этимологий связывает гидроним *Орель* с тюркским (турецким, азербайджанским и казахским) *айгу* — «вилкообразная ветка, трещина, угол», *айгулу* — «угловатый». Эта этимология находит свое историко-филологическое подтверждение на материале русских летописных сводов.

Река Орель, левый приток Днепра, упоминается в русских летописях под разными названиями, которые по существу являются одним, приведенным то на древнерусском, то на тюркском языках: Орель, Угол, Угол-река. А в Ипатьевской летописи встречается перевод этого названия с тюркских языков: Ерель, «его же Русь зовет Уголь» (под 1183 г.).

Река Орель при впадении в Оку тоже образует угол, развилку. Для тюркоязычного пришельца этот признак оказался основным для наименования притока, и он назвал его словом, имеющим в его языке значение «развилка, развилина, вилка». Это значение в тюркских языках выражено корнем *айыр*, как свидетельствует об этом Э. В. Севортян в работе «Пробные статьи к „Этимологическому словарю тюркских языков“», изданной в 1966 году: «...В башкирском яз. *айыр* — «развилина», *айырылыши* — «перепутье, развилка дороги»; в узбекском яз. *айри* — «вилы», *айри, айриш* — «развилина», *айрилиш* — «развилка»...» Факт, что этим словом был назван левый приток, а не принимающая его река, объясняется тем, что приток заметно отличался по величине и, очевидно, река уже имела свое название — Ока.

В бассейне Оки, как и в бассейнах соседних рек, например Дона, известны многие притоки с названиями Рассоха, Рассошилка, Рассось. Эти притоки получили свои названия по признаку

образования развилки-рассохи при впадении их в реку. Часто в месте, заключенное между рекой и этим притоком, носит название Рассоха, например, луг Рассоха в Среднем Поочье.

Каким же образом тюркское слово *ayılu* превратилось в *орел*? Данные современных тюркских языков и их диалектов дают возможность представить процесс этого перехода. Например, в диалекте мишарей *j* в сочетании с плавными *r* и *l* смягчает эти звуки; а сам исчезает. Таким образом, *ayılu* могло дать *ayulu*. Кроме того, звук, обозначаемый знаком *u*, произносится в тюркских языках, например в татарском, кратко, как редуцированный *ъ* в русском языке, то есть *ayulu* звучало как *арыъ*. При этом начальное *a* поддерживалось акающим характером южнорусского произношения в условиях русско-тюркского языкового пограничья в верховьях реки Оки, а конечное *ы* воспринималось как показатель формы множественного числа. Таким образом, слово *арыъ* стало связываться с названием птицы и по отношению к нему уже появилась форма единственного числа, которая в документах Московской канцелярии превратилась в форму *орел* в соответствии с орфографическими нормами конца XVI века.

Г. П. СМОЛИЦКАЯ

ИЗУЧАЮТ РУССКИЙ ЯЗЫК

АЛЖИР

Новым свидетельством крепнущих связей между Советским Союзом и Алжирской Народно-Демократической Республикой является постоянно растущий интерес алжирцев к изучению русского языка. В этом году студенты университетов в Алжире, Орানে и Константине могут изучать русский язык на вновь открытых кафедрах русского языка. Десятки советских преподавателей открывают перед алжирцами сокровищницу языка Пушкина, Толстого, Маяковского.

«Известия», 27 августа 1973

ИСПАНИЯ

В Испании растет интерес к изучению русского языка. 600 слушателей ежедневно посещают четырехгодичные курсы русского языка, открытые в Мадриде при государственной школе иностранных языков.

Выпускники курсов получают диплом, дающий им право преподавать русский язык в школах страны.

Курсы русского языка начали работать в Барселоне, Бильбао, Валенсии. Факультативно русский язык изучается в университетах, а также в ряде учреждений.

«Советская Россия», 7 июля 1973

ФИЛИГРАНЬ РУКОПИСНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Для определения «возраста» старинных рукописных памятников большое значение имеют водяные знаки на бумаге, или филигрании (французское *les filigranes* — «изделия из проволоки»). Филиграния — это сетка, различного рода изображения, буквы, слова, которые можно увидеть, просматривая бумагу на свет.

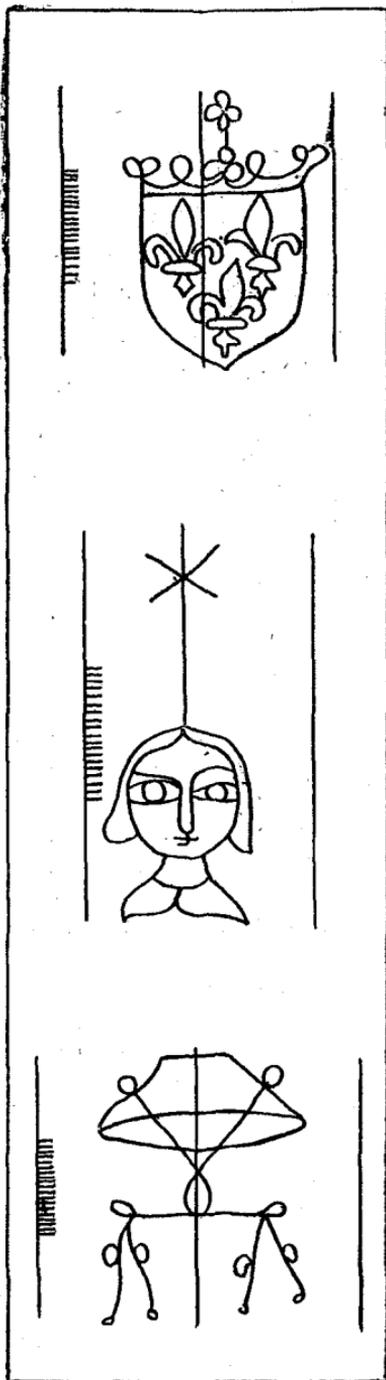
До промышленного производства бумага изготовлялась на бумажных мельницах вручную. Сырьем для выделки бумаги служило тряпье, которое измельчалось специальными валами с насаженными на них ножами (роллами), приводимыми в движение водой или ветром. Жидкую бумажную массу черпали специальной формой, представляющей собой прямоугольную рамку с проволочной сеткой. Основу сетки составляли горизонтальные частые проволоки (вержеры) и связующие их вертикальные, более редкие (поптузо). К сетке прикреплялись различные изображения или литеры из проволоки. В тех местах, где слой бумажной массы попадал на проволоку, он становился более тонким. Бумажную массу откидывали на специальные суконки, прессовали и просушивали. После чего на листах бумаги можно было видеть светлые линии и изображения — водяные знаки.

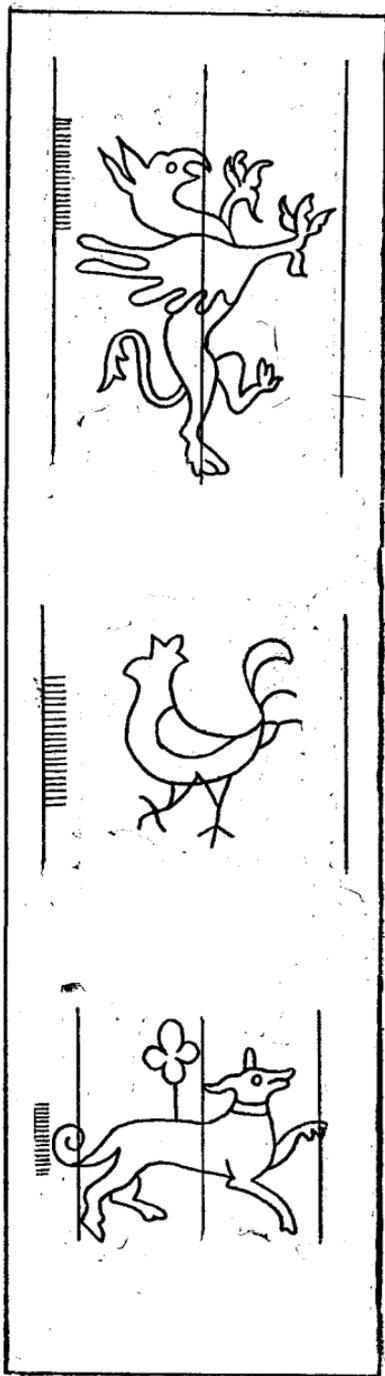
Первые водяные знаки были обнаружены исследователями на итальянской бумаге 1282 года. Образцы бумаги русских мельниц, существовавших в России до начала XVIII века, не дошли до нашего времени. В 1971 году американский ученый Э. Кинан нашел в Датском государственном архиве в Копенгагене филигрань с русским текстом на документе 1570 года. По мнению крупнейшего филигранолога нашего времени С. А. Клепикова, русское происхождение этого листа бумаги не подтверждается.

С первого номера журнала 1974 года на четвертой странице обложки будут публиковаться материалы о русских филигранях (авторы: С. А. Клепиков, Е. П. Маматова). Сегодня мы предлагаем нашим читателям вступительную статью Е. П. Маматовой к этим материалам.

До начала XVIII века в России использовали исключительно иностранную бумагу. Известно, что основным поставщиком бумаги для России, как и для всей Европы, в течение всего XIV и начала XV века была Италия. К концу первой половины XV века итальянская бумага начинает вытесняться бумагой других стран. В XVI веке господствует на Руси французская бумага. Со второй половины XVII века появляется голландская бумага.

Среди первых русских бумажных мануфактур, продукция которых дошла до наших дней, следует назвать основанные в начале XVIII века Дудергофскую (Верхнюю Красносельскую) под Петербургом (1716–1719), Гончаровскую в селе Спасском Медынского уезда Калужской губернии (1720) и мануфактуру Василия Короткого под селом Богородским Московской губернии

(1722). К этому же времени относится появление чисто русских филигранных. Первая русская филигрань Дудергофской фабрики датируется 1720 годом. Несколько ранее, в первой четверти XVII века, начала изготовляться бумага с водяными знаками на Украине бумажной мельницей Киево-Печерской лавры.

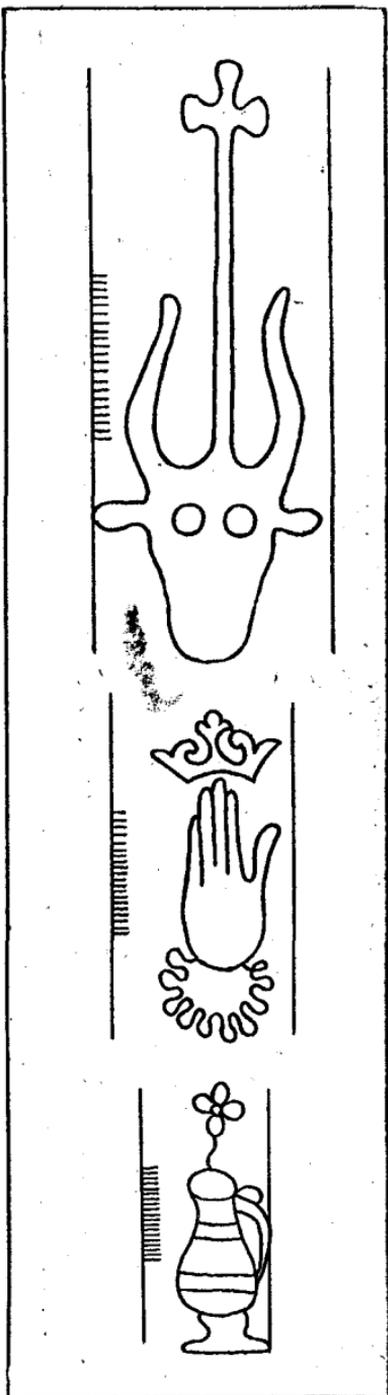
Как правило, любая филигрань независимо от места ее изготовления (в России или за рубежом) состояла из трех частей: эмблемы, литеры и даты. Однако не всегда все эти элементы включались в состав водяного знака. Эмблемы и литеры отражали герб, фамилию владельца, местонахождение бумажного предприятия, и иногда в литерной части указывалось имя мастера. Даты изготовления бумаги появляются в конце XVI века, а в России — с 40-х годов XVIII века. Водяной знак располагался или в обеих половинах листа, или на одной из его сторон. Филигранные дают возможность судить о возрасте рукописи, причем при датировке надо учитывать все элементы знака. Ранние рукописи (до конца XV века) можно датировать по расстоянию между понтюзо и вержеями. Исследователю следует добиваться, чтобы элементы водяного знака, встретившегося ему в рукописи, соответствовали элементам такого же знака в справочнике. С. А. Клепиков в своей работе «Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства. XVII—

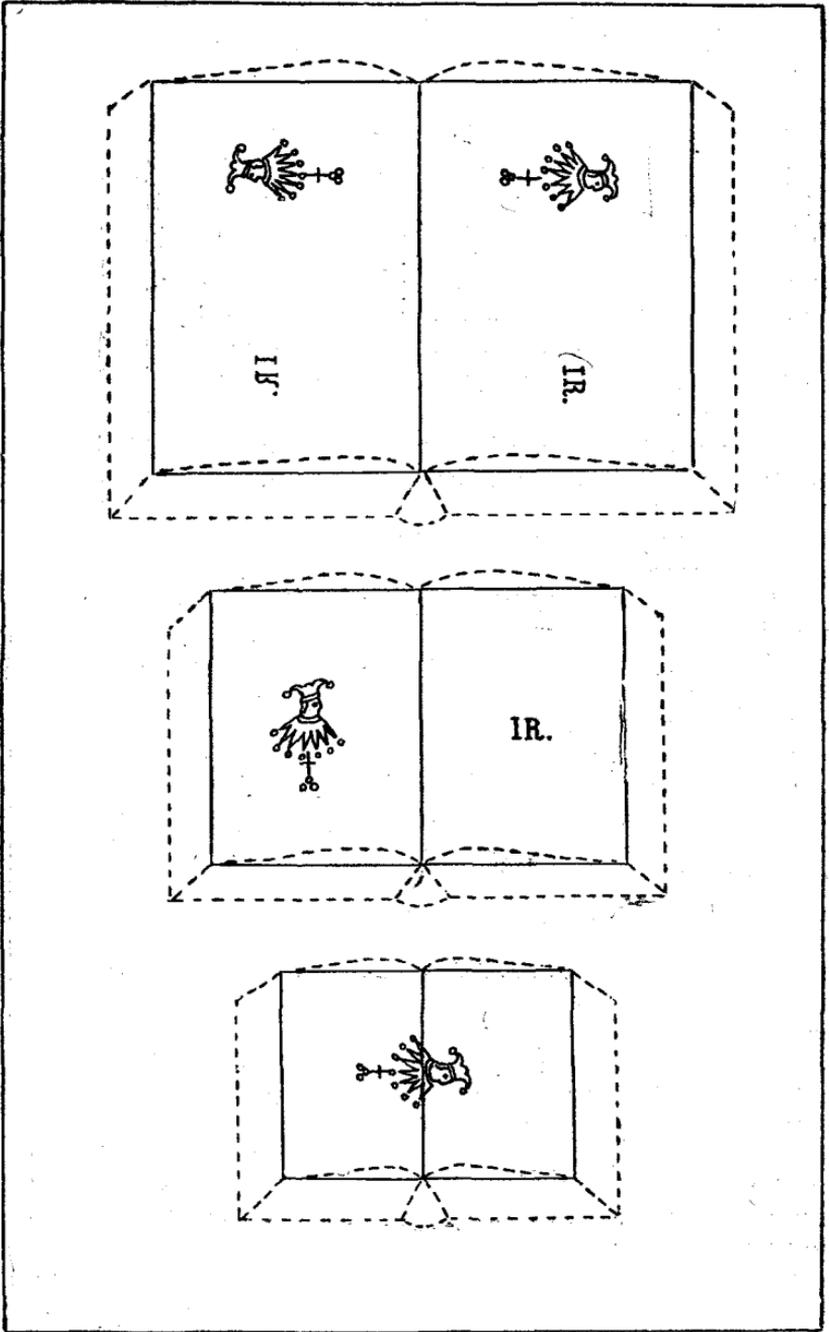
XVIII века» (М., 1959) показал, что для датировки рукописей после XVI века большое значение приобретает литерная часть знака.

Водяные знаки классифицируют по видам: голова быка, рука, кувшинчик и т. п. Каждый вид знака в свою очередь подразделяется на типы знака. Знак «бычья голова» имел множество типов: голова быка без глаз и ноздрей; голова быка с глазами, но без ноздрей и другие. Поскольку формы с филигранями изготовлялись ручным способом и разными мастерами, то одновременно могли появляться различные варианты одного типа, имеющие незначительные различия.

Распознать водяной знак в рукописи не всегда бывает просто. Это зависит от степени ее сохранности, качества бумаги и размера памятника. По своим размерам рукописи могут быть «в лист», «в пол-листа» (примерно размер современного машинописного листа), «в четверть листа» и т. п. Обычно водяной знак располагался в двух половинах листа, таким образом, в рукописи «в лист» обе части водяного знака помещались на одной стороне. В рукописи в «пол-листа» водяной знак помещался по сторонам сгиба. В рукописях «в четверть листа» — в середине корешка.

Изучение и собирание водяных знаков, встречающихся в рукописях, имеющих точные даты их написания, открыло широкие возможности для установления

времени создания недатированных памятных письменности.

В нашей стране впервые филиграня начал собирать вологодский купец И. Лаптев, выпустивший в 1824 году в Санкт-Петербурге книгу «Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое написаны старинные рукописи». В книге было воспроизведено 150 филиграней на 28 таблицах. В 1844 году вышел в свет сборник К. Я. Тромонина «Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге», в котором было описано и воспроизведено 1827 знаков на 131 таблице. Книга вышла тиражом 150 экземпляров и является библиографической редкостью. В 1965 году в Голландии труд Тромонина был издан факсимильно. В 1899 году в Санкт-Петербурге была опубликована работа Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков», состоящая из трех частей. В работе воспроизведено 4258 филиграней. В 1907 году вышла в свет работа французского филигранолога Шарля Брике, где были воспроизведены и описаны свыше 16 000 филиграней. Эта работа переиздавалась в 1923 и 1968 годах. В 1950-х годах появились справочники С. А. Клепикова и М. В. Кукушкиной, где впервые специально были выделены филиграня русских фабрик.

Если дата входит в состав филиграня, найденной в рукописи, то эта дата не дает представления о точном времени создания памятника, так как бумага могла лежать некоторое время на складах фабриканта или у автора рукописи. В таких случаях дата филиграня показывает, что рукопись написана не ранее такого-то срока. Если же дата не входит в состав филиграня (устанавливается по справочнику), то время создания рукописи будет или несколько ранее этого срока, или несколько позднее. Опытным путем установлено, что это расхождение не превышало десяти лет. Надо учитывать также, что не все встречающиеся в рукописях филиграня попали в справочники. Собрание их продолжается и в наши дни.

Верная датировка памятников письменности позволяет определять их во времени, отличать списки от оригиналов, устанавливать подлинность или подложность рукописей, выделять более поздние переделки текста. Наряду с филигранями при определении времени создания рукописи не менее существенное значение имеют другие палеографические признаки: содержание, языковые особенности, почерк, художественное оформление. Но неопровержимым доказательством того, что ранее определенного времени рукопись не могла быть написана, служит только датированный водяной знак.

Е. П. МАМАТОВА

Ж И В Ы Е

емнадцатый век оставил большое эпистолярное наследство, с помощью которого можно восстановить все события этого неспокойного столетия: «смутное» время, крестьянские войны, старообрядческие волнения, стрелецкий бунт, моровые поветрия, военные поражения и победы России. Письма доносят до нас живые голоса людей, живших более 300 лет тому назад.

А у меня холопа твоего своей избы неть..., а живу я холоп твой въ одномъ углу.

Да грехом моим на посаде двор вызжен, и посудья и хлеба не мало погорела.

А на гостинце не покручинься, что не прислалъ: Богъ видить, прислать нечего.

А мне, светъ мой, досадно на тебя, что ты ко мне не пишешь про свое здоровье, а про мое не спрашиваешь, али тебе, светъ мой, не надобна?

ГОЛОСА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Только я бедная на свете беспасна, что не пожалуешь не опнешь о здорovie, свет.

Да извещаю тебе, што тем утешаюся, што стольничков безире-
стани кушаю ежеутръ въ пруде.

Я бедной и разореной и въ приказе заточеной.

Большой интерес представляют письма XVII века как уникальный лингвистический источник. Они сохраняют и доносят до нас многоголосицу русских диалектных явлений, сокровища народной речи. Частная переписка отражает «сложное и тонкое переплетение в устной и книжной речи того времени старого с новым, своего и чужого» (А. И. Ефимов. История русского литературного языка). В ней ярче и напряженнее, чем в других памятниках XVII столетия, проявляется борьба грамматических форм, отражается тот период развития вариантности в склонении имен существительных, когда вариантные формы не только активно утверждались, вытесняя основные, но и наделялись какими-то новыми функциями: *быти въ дружбе до веку; до века* такова гостя не видать; все ожидали великою радостию *мира* постановление; *миру* желаетъ; ни *дому* ихъ не знаю; стражи *дома* Господня; не наведи на себя *гневу*; не возложи на него *гнева* своего; жаловали *в доме* твоём; в Крутицкомъ *дому* такихъ пустошей неть. Имена существительные колеблются в своем оформлении, особенно в родительном и предложном падежах (наряду с основными окончаниями *-а, -е* употребляются и вариантные *-у, -и*).

Одним из обязательных элементов средневекового письма было сообщение о том, где и когда оно написано. Выражалось это в таких привычных формулах:

И я на Москве октября въ 26 де(нь) жив; А я в Магилеве ноября по 1 де(нь) здорова; И я в Арзамасе декабря по 21 число дал богъ здорова; И я на службе великих государей в Боровску апреля по 25 число живъ а впереди богъ волен; Я на Саратове сентября в 25 де(нь) в печалях своих обретаюс.

Кроме того, и основная часть письма, где описывались различные события или излагались просьбы, также нередко содержала географические наименования, употребленные в родительном падеже:

Съ Воронежа вели ко мне плыть; Изъ Путивля велено къ Днепру сближаться; Дале Дунай нейдет; Каравль строит в Олшанске близ Белгорода; Привезли изъ подь Чигирина замертво.

Формы предложного падежа также являются обязательным элементом эпистолярных текстов:

Въ Смоленске живъ до воли Божией; Въ Терскомъ городе живъ; Во Пскове съ живыми ся обретаю; Я в Сибирску июля по число по млсти бжии жив; Я на Дону... здорово; Многолетствуйте в городе Дивноборске; Я въ Белгороде обретаюся живие.

На первый взгляд кажется, что употребление в текстах писем словоформ родительного и предложного падежей — основных и вариантных — носит случайный характер. Но при ближайшем рассмотрении вырисовывается сложная и противоречивая картина их взаимодействия в пределах каждого из указанных падежей.

Особенно широко распространились вариантные формы родительного падежа: каждое третье слово из группы неодушевленных существительных мужского рода, употребленных в письмах XVII века, имело окончание *-у*. Напротив, в географических наименованиях это окончание использовалось редко, ведущее положение здесь прочно занимали словоформы на *-а*.

Чем же регулировалось распределение основной и вариантной форм в родительном падеже? Прежде всего — принадлежностью слова к тому или иному лексико-грамматическому разряду. В словах семантики «предметной» употреблялось окончание *-а*, «непредметной» (вещественных, собирательных, отвлеченных) — *-у*.

Совершенно иную картину представляют словоформы предложного падежа. Употребление окончаний *-у* и *-е* зависит от односложности основы и подвижного ударения. Окончания *-у* сосредоточиваются в основном в конструкциях с предлогом *в* и служат для выражения определен-

ного типа падежного значения. Это отчетливо проявляется в географических наименованиях. Формы на *-у* образуют не только слова с подвижным ударением (на Дону, в Крыму), но и довольно обширную группу слов — названия городов на *-ск-*, имеющих неподвижное ударение на основе (в Тобольску, в Полоцку, в Минску, в Курску, во Брянску, в Смоленску, в Сибирску). Интересно, что эти формы встречаются и в конструкциях с другими предлогами (на бою, на мосту, на правезу, о корму, о сыску, при миру, при полку).

Следует учесть, что географические имена на *-ск-* известны в двух формах (на *-е* и на *-у*), которые употребляются совершенно недифференцированно, в одних и тех же контекстах, и воспринимаются как нейтральные.

Сказали в Боровску что на Москве свежне осетры перед прошлыми годами дешевую ценою пошли; Быть ему на службе въ Омценске; Въ Смоленску жилъ; Жилъ въ Смоленске; Въ Курску плутен много; Будуть оне въ Курске; Бояре в Мивске; в Минску людей нет.

Таким образом, в языке XVII века активизируется процесс размежевания основной и вариантной форм в склонении имен существительных. Границы между сферами употребления тех и других в родительном и предложном падежах неустойчивы, эпистолярные источники отражают те многочисленные колебания в оформлении имен, которые являются следствием грамматической «неупорядоченности», отсутствия единых норм в языке.

Вместе с тем материалы писем, этих живых свидетелей русского средневековья, обнажают внутренние процессы отбора средств языкового выражения, выявляют начальную стадию размежевания временно сосуществующих грамматических форм.

Л. К. БУРЦЕВА

Рисунок В. Захарова

К 250-летию
Академии
наук
СССР

Первый словарь русских народных говоров

Народная речь издавна представляла интерес не только для языковедов, этнографов и писателей, но и для очень широкого круга ценителей родного языка. Одним из первых, кто обратил внимание на необходимость изучения «местных разветвлений» общего языка, был М. В. Ломоносов. К XVIII веку относятся и первые известные словарики местных слов. Этот интерес к народным говорам необычайно возрастает после Отечественной войны 1812 года, породившей движение за национальную самобытность русской культуры и русского языка. Небывалого размаха достигает сбор слов «крестьянского языка», который рассматривается как едва ли не основной источник пополнения общенародного языка, как средство борьбы против иноязычных заимствований. Дialectизмы собирают все: писатель и врач, учитель и священник, помещик и чиновник в служебной поездке, ученый-путешественник и моряк, оказывающийся по долгу службы в разных концах России.

В Академию наук стали постоянно приходиться письма от любителей родной речи с записями местных слов и настойчивыми просьбами организовать сбор «особенностей местного языка». Одним из таких неутомимых собирателей и энтузиастов был, например, морской офицер, впоследствии адмирал, П. Ф. Кузмищев. В течение долгих лет он присылал в Академию слова, употреблявшиеся в Архангельской губернии, на Камчатке, в Сибири, на побережье Каспийского моря, в Астрахани (эти записи позже целиком вошли в Областной словарь).

Несмотря на многочисленные письма, Российская Академия (преобразованная в 1841 году во Второе отделение Академии наук,

отделение языка и словесности) не начинала работы в этом направлении, видя свою главную задачу в создании грамматики и словаря общенародного языка, которые в свою очередь становились основой для различного рода исследований и словарей как в самой Академии, так и вне ее. Первый общенародный «Словарь Академии Российской» был создан в конце XVIII века, второй — «Словарь церковнославянского и русского языка» — вышел в 1847 году. Только завершая его, Академия, наконец, принимается за подготовку Областного словаря, опираясь на помощь сельских учителей России.

В 1845 году была составлена первая программа собирания диалектизмов. Она состояла из трех еще очень общо и неопределенно сформулированных пунктов: «1) Чтобы слова были написаны безошибочно и с означением на них ударения, 2) чтобы они имели точное определение в своем значении и 3) чтобы присвокуплены были в нужных случаях употребления их» (Архив АН СССР). Программа была разослана директорам и смотрителям всех губернских гимназий и училищ с просьбой принять участие в сборе местных слов, и уже через месяц был получен первый список диалектизмов от директора училищ Вологодской губернии А. Фортунатова. К 1847 году диалектные слова были присланы более чем из двадцати губерний, и в Академии наук начали составление словаря. Редактором его стал известный русский языковед А. Х. Востоков. Он строил Областной словарь по образцу общего словаря: слова располагались в алфавитном порядке, вслед за заглавным словом шло его толкование и примеры употребления. В отличие от общего словаря здесь появились географические указатели (название губернии, уезда, где было записано данное слово). Несмотря на внешнее сходство Областного словаря и общего словаря, его составление породило много специфических трудностей и новых проблем. Одной из самых больших трудностей, по существу так и не разрешенной, стало для составителей правописание областных слов, особенно неизвестных по происхождению, не имевших однокоренных образований в литературном языке. Именно поэтому мы встречаем в словаре одно и то же слово написанным и с а и с о (напр. *латошить* и *лотошить*) или с е и и. Эта фиксация особенностей местного произношения нарушала основной морфологический принцип общерусской орфографии. «В этом труде, — писал П. А. Плетнев в отчете по Отделению, — беспрерывно возникают вопросы, совершенно отличные от тех, которые уже решены были при составлении Словаря общего русского языка».

Особенно большую помощь редактору Областного словаря А. Х. Востокову оказывал И. И. Срезневский, крупнейший знаток

русской и славянской филологии. Он придавал очень большое значение глубокому изучению русских диалектов, в котором он видел могучее средство научного познания языка. В Словаре было использовано более трех тысяч областных слов, собранных самим Срезневским, а также в качестве иллюстраций к словам извлеченных из двадцати тысяч русских пословиц.

Срезневский пришел в Академию, когда работа над Областным словарем была в полном разгаре. Однако именно ему было поручено написание программы Словаря. Правда, необходимость придерживаться принципов уже составленной части Словаря заставила ученого в своей «Программе» в основном касаться лишь ошибок и непоследовательности, уже допущенных в предыдущей работе.

Своеобразие составления Областного словаря в отличие от общих словарей Академии — необычайно большое число авторов-корреспондентов (имена их указаны в Предисловии к нему) — не могли не сказаться на его качестве. В определенных значениях слов отразились индивидуальные особенности, степень знания диалектов, филологическая подготовка его авторов, обусловившая известную разнородность толкований. Так, в общей массе обращают на себя внимание краткие и четкие толкования слов, употребляемых в Шенкурском уезде, которые всегда сопровождаются умело подобранными синонимами из общенародного языка и примерами, которые наглядно раскрывают их значение. *Наесть* — ‘начать есть, надкусить’: «Наел ломоть да и оставил». *Полуречь* — ‘намека, мысль, не вполне высказанная’: «Начисто сказывай: да или нет? А то все полуречь ведешь».

Определения слов, данные адмиралом Кузмищевым, подробны, обстоятельны; напротив, толкования слов, присланных одним из авторов из Псковской и Тверской губерний, во многих случаях неопределенны, расплывчаты. Например: *Нарвиша* — ‘кто нарвется на что-нибудь’. *Развалень* — ‘кто разваливает’. Точно так же толкования других авторов имеют свои более или менее яркие индивидуальные отличия. В определениях ряда слов отражены, в частности, местные суеверия; при этом в одних случаях в толковании мы видим отношение к ним автора, а в других оно остается неясным. *Бологяник* — ‘нечистый дух, имеющий пребывание в болоте’ (Пск.). *Поганик* — ‘кто ест все нечистое, как-то зайцев, раков, налимов и т. п.’ (Пск.). *Попова курица* — ‘ворона’. «В каком приходе сядет на церковь ворона, там, по замечанию картопольцев, будет покойник (Олон.)».

Изменения, которые редакторы вносили в определения, осуществлялись в основном за счет выбора и комбинаций наиболее четких, ясных формулировок из различных присланных объясне-

ний одного и того же слова. Эти исправления обусловили значительное единообразие в методах толкования слов.

Составители совершенно сознательно назвали свой труд «Опытом», хорошо представляя себе, что ни количество присланных слов и значений, ни обозначения их территориального распространения не являются полными, исчерпывающими. Некоторые из определений могли быть неправильно записанными. Стремясь зарегистрировать все отраженные в их источниках материалы, даже случайные грамматические сведения о словах, они имели намерение уже после опубликования «Опыта областного великорусского словаря», привлекая широкий круг ученых и просто любителей отечественного слова, обсудить не только специфику такого словаря, но и уяснить само направление развития диалектологии и дальнейшего изучения русского языка вообще. Действительно, интерес к еще не вышедшему «Опыту» был так велик, что в Отделение языка и словесности Академии наук стали приходить письма от крупнейших филологов того времени с предложениями усиленной помощи в проводимой работе. Ф. И. Буслаев, например, посылал свои дополнения, читал корректурные листы, а позднее написал две статьи об «Опыте». В. И. Даль проявлял большой интерес к Словарю и бескорыстную готовность помочь в разрешении наиболее трудных вопросов составления Словаря, в частности вопроса правописания диалектных слов, просматривал, как и Буслаев, корректурные листы, исправлял допущенные ошибки.

«Опыт областного великорусского словаря», включивший более 18 000 слов, вышел в 1852 году, но корреспонденты Академии наук продолжали присылать все новые списки слов. Один из них предложил даже учредить во всех русских городах для собрания слов, пословиц, сказок и песен особые комитеты: в губернских городах — под председательством директоров гимназий, а в уездных — под председательством штатных смотрителей. Эта мера, по его мнению, дала бы более полные сведения по русской диалектологии.

Из вновь присланных материалов в 1858 году было составлено «Дополнение» более чем в 20 000 слов. Таким образом, включая около 40 000 слов, Областной словарь Академии представляет собой значительнейшее собрание русских диалектизмов. Будучи сводным словарем говоров, он содержит много слов-дублетов, употребляемых в разных говорах России. Здесь, например, мы встретим следующие местные названия *брюксы*: бакланка, брюкла, бухва, бухма, бушма, бот, грухва, желтуха, землянуха, калива, калица, карлабня, ландушка, ланка, миндра, немка, редька сладкая, смяуха; или областные глаголы, соответствующие общенародному слову *замаячаться*: забандаться, зачумарзаться, зачупахаться, отпекаться, перебандаться, перекаститься и др. Общенародному наре-

чую *недавно* соответствуют местные: онагдысь, онагодня, оногда, оногды, онодысь, оногдышко, оногдысь, оногдась, онолдись, онолды, онолдись, ономясь. Много в Словаре местных названий животных, растений, плодов: *осва* 'оса', *козловки* 'тмин', *плизгавица* 'трысогузка', *объедома* 'волчьи ягоды', *песчовка* 'полевая мышь', *живулька* 'насекомое'.

Значительное количество слов, помещенных в Словаре, обозначает понятия, неизвестные общенародному употреблению; это различные местные виды орудий, построек, предметов быта, еды, одежды в разнообразных местных обозначениях. При определении этих слов даются обычно подробные описания предмета, его признаков, местонахождения, способов использования и т. д. *Банник* — 'хлеб, заштытый в скатерть вместе с жареною птицею и двумя столовыми приборами'. Этим хлебом благословляет невестина мать отъезжающих к венцу жениха и невесту (Арх.). Подобные толкования сопровождают, в частности, слова: *адамовишна*, *бочкой*, *варьга*, *горбуша*, *головка*, *вавилонь*, *держать*, *подковка*, *пряжены*, *укрут* и многие другие.

Богата народная речь словами, эмоционально окрашенными. Широко использованы самые различные суффиксы экспрессивной оценки: уменьшительные (*баринок*, *портанко*, *гуменко*), ласкательные и смэгчательные (*братунька*, *коконьшка*, *ротанюшка*, *смерточка*, *дединька*), увеличительные и уничижительные (*анбарчино*, *мужишко*, *бабница*, *вражишко*, *ртыно*).

В Словаре представлено много слов, выражающих похвалу или порицание: *кылы* 'руки' (в насмешку), *бачер* 'барин' (в насмешливом смысле), *подберезовик* (ласкательное — детям). Среди представленных материалов встречаются и различного рода фразеологизмы, «особые выражения языка»: *батыева дорога* 'млечный путь', *слонов продавать* 'шататься, словяться', *плота пустито* 'пустить ложный слух'.

Появление первого областного словаря, как и рассчитывали его составители, было встречено многочисленными откликами и рецензиями в разных журналах и газетах. «Опыт областного великорусского словаря» рассматривался как один из важнейших трудов Академии наук, положивших начало новому этапу в исследовании русского языка. Об «Опыте» одобрительно отзывался Н. А. Добролюбов. Буслаев в своей рецензии оценивал Словарь как достойное выполнение завещания М. В. Ломоносова, предполагавшего написать работу о русских диалектах. В рецензиях отмечались и недостатки «Опыта областного великорусского словаря». Наиболее подробно их анализировал Даль. Можно смело утверждать, что будучи привлеченным к обсуждению Словаря, резко критикуя его недостатки, Даль яснее осознал направление, ха-

ракти, приемы построения своего знаменитого «Толкового словаря». Более того, «Опыт областного великорусского словаря» служил для Даля изданием, которое он использовал для проверки и пополнения своего словаря в диалектной его части. Многие из слов, помещенных в академическом Словаре, вместе с иллюстративными материалами были перенесены им в «Толковый словарь живого великорусского языка» (об этом см. в «Филологических разысканиях» Я. К. Грота).

«Опыт областного великорусского словаря» положил начало широкому изучению диалектной лексики и созданию многих областных словарей XIX—XX веков.

В настоящее время в Институте русского языка Академии наук СССР создается «Словарь русских народных говоров». Его составители используют обширнейшие рукописные и печатные материалы, накопленные с начала XIX века во множестве архивов и изданий нашей страны и представляющие собой различные по количеству и качеству записи диалектных слов и выражений. Предпринятый Академией наук труд — второй в истории отечественного языкознания сводный словарь русской диалектной лексики. Первый такой словарь, «Опыт областного великорусского словаря», был создан более ста лет назад, в 1852 году.

Л. И. БАЛАХОНОВА
Ленинград

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Редакция журнала «Русская речь» составляет перспективный тематический план работы и в связи с этим просит вас сообщить свои пожелания и ответить на ряд вопросов:

1. Какие проблемы современного русского литературного языка в первую очередь заслуживают отражения в научно-популярном журнале?

2. В каком направлении возможно или желательно усилить (обогатить, конкретизировать) содержание журнала и отдельных рубрик: «Язык художественной литературы», «Слово писателя», «Культура речи», «Язык газеты», «Грамматика», «Из истории языкознания», «Старая письменность», «Из истории слов и выражений», «Школа» и др.?

3. Каково должно быть соотношение «научности» и «популярности» в нашем журнале? Не игнорирует ли журнал одной из этих сторон ради другой? Как рациональнее всего решить проблему заимчивости материалов?

4. Ваши замечания и пожелания по полиграфическому и художественному оформлению публикуемых материалов.

Редакция будет благодарна за ответ, который, безусловно, не может быть ограничен нашим перечнем вопросов.

Ответы просьба присылать в адрес редакции.

Архангельский словарь А. О. Подвысоцкого

Общественный подъем, рост национального самосознания в России после отмены крепостного права проявился в небывалом до сих пор интересе к русской народности, ее языку, произведенным народным творчеством. Предпринятая различными частными обществами и государственными учреждениями широкая статистическая и описательная работа различных сторон русской народной жизни (этномики, быта и т. п.) давала в то же время богатый материал для бурно развивающейся этнографии и науки о русском языке. Оживление работы Академии наук, выпуск ею «Опыта областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнения» к нему (1858), явившихся первым сводным словарем областных слов, записи народных песен, были П. Н. Рыбниковым, Е. В. Барсовым, А. Ф. Гильфердингом и приход в науку таких ученых, как Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, Я. К. Грот и других, увидевших в народных говорах богатейший источник для лингвистических исследований, — все это послужило дальнейшему изучению местных диалектов. Широкое развитие получает публикация словарей и словариков местных слов. Расскажем об одном из них — Словаре областного архангельского наречия А. О. Подвысоцкого (1885) — первом большом областном словаре, включившем в себя местную лексику Архангельской губернии.

В 1881 году Академия наук присудила Словарю архангельского наречия Ломоносовскую премию. Такой успех объясняется прежде всего незаурядностью личности самого Подвысоцкого. Не будучи лингвистом по образованию (последние годы своей жизни Подвысоцкий занимал должность управляющего архангельской конторой государственного банка), он отличался широкой образованностью, владел украинским и польским языками (отсюда соответственно украинские и польские параллели в Словаре).

К началу работы над Словарем Подвысоцкий уже был известным автором нескольких исторических заметок, очерков из местной жизни, календарей и справочных книг. Прожив последние десять лет в Архангельске и по долгу службы часто бывая в поездках по Архангельской губернии, он близко познакомился с жизнью и бытом ее жителей, хорошо знал местные говоры.

Улучшению качеств Словаря способствовало прочтение его выдающимся специалистом в области лексикологии и лексикографии академиком Я. К. Гротом. Руководствуясь подробным отзывом Грота, автор исправил и дополнил свой Словарь опубликованными материалами. К сожалению, Подвысоцкому так и не удалось увидеть свой труд напечатанным: он умер в 1883 году, за два года до выхода Словаря в свет.

Приступая к составлению Словаря, Подвысоцкий в письме к Гроту предлагает Академии наук свою программу собирания слов и сведений для областных словарей. Конечной целью было составление на основе областных словарей различных местностей общего сводного академического словаря.

Первая задача, поставленная перед областным словарем, — приведение в известность богатства областных наречий «в словах и речениях, в бытовых присловьях и поговорках, в народных приметах, поверьях и пословицах». «Необходимо, чтобы словари областных наречий были с тем вместе и этнографическими, — писал Подвысоцкий о второй задаче областных словарей. — ...Областные наречия образовались под влиянием различных в разных местностях этнографических условий, которыми только и можно объяснить склад и происхождение весьма многих областных слов и особенностей наречий». Эти две задачи автор Словаря блестяще выполнил.

Словарь Подвысоцкого до сих пор остается самым полным словарем архангельских слов. Грот отметил как самую важную особенность Словаря — богатство материалов. Сравнивая его с предшествующими словариками архангельских слов, рецензент обнаружил, что все слова, включенные в них, за очень небольшим исключением, имеются в Словаре Подвысоцкого, причем с более подробными объяснениями и с иллюстрациями, показывающими употребление их в живой речи.

Что же представляет собой Словарь Подвысоцкого? Какие слова в нем представлены? Автор собрал и объяснил местную лексику Архангельского края; в Словаре, как правило, отсутствуют слова общенародные (отклонения от этого принципа немногочисленны). Подвысоцкий составлял Словарь, когда диалекты были еще мало изучены и отличия диалектных слов от литературных еще не строго установлены,

В Словаре Подвысоцкого широко представлена бытовая лексика, то есть слова и выражения из самой обыденной жизни, поговорки и пословицы; значительное место занимает лексика различных промыслов и ремесел, бытовавших на территории Архангельской губернии (например, морского промысла), слова, отражающие местные верования и связанные с ними пословицы и поговорки, народные приметы и поверья.

В Словаре имеется богатый набор различных фразеологических выражений, бытовавших на русском Севере: одни из них приводятся в словарных статьях наряду с другими материалами, иные помещаются самостоятельными статьями. Например, при слове *крошки* 'род кузова' — поговорка: попал из короба в крошки (литературное *из кулька в рогожку*). В статье на слово *идти* приведено свыше двадцати выражений, как *идти по лакомке* 'мотать деньги на разгульную жизнь'. Выражения: *живой рукой* 'живо, проворно' (живой рукой сбегал да принес), *заложить ухо* 'забыть о чем-либо' и другие — помещаются самостоятельно.

Пословицы, поговорки, приметы, фразеологические выражения нередко навеяны местными условиями жизни, в них нашли отражение жизнь и быт морских промышленников Поморья. Характерна в этом отношении поморская поговорка: *живет, нажмет — девята* (девятый вал) *нагонит*, что значит 'дурное дело рано или поздно будет наказано' или примета промышленников на морских зверей: *белухи лежатся* (играют на поверхности моря) — 'быть ветру в море'.

Пословицы, поговорки, приметы приводятся не только в статьях на областные слова, но также и в тех случаях, когда они в своем составе не имеют диалектизма. Статья на слово *кошка* (животное) включена в Словарь только для того, чтобы привести приметы, связанные с этим животным: «Кошка сидит на окне и глядит в него» — к прибыли; «Кошка моется на полу против дверей в избе» — к нечаянным и небывалым гостям. Есть и другие статьи. *Рябина*. Народные приметы: Урожай рябины — к мокрому будущему лету и богатому лову сельдей. *Избушка*. Поговорка: Хоть в лесной избушке жить, да за любимым быть.

Слова в архангельском словаре расположены преимущественно в алфавитном порядке, но имеются статьи и с гнездовым расположением слов, когда в одной статье объединяется несколько однокорневых синонимов; иногда там же помещается синоним другого корня, как в статье *колоб*, где приведены слова *кóлоб*, *колобк*, *скрбботень*.

Для облегчения поисков слова в словаре каждое из слов, объединенных в статью, в алфавите имеет отсылочную статью. Конечно, применение гнездового принципа в словаре нельзя назвать

строго научным. Однако, объединяя слова в одной статье, автор имеет возможность более экономно и компактно расположить материал.

Собственно грамматических помет в словаре мало. Но примеры употребления диалектных слов, своеобразие их грамматических особенностей (сравнительная степень наречий *бáско*, *басйсто* — *басчее*, *басйстей*, иногда даже вплоть до выделения особо своеобразных случаев в самостоятельные статьи), приведение различных диалектных грамматических форм и образований (формы множественного числа существительных: *крень* — *крёнья*, *пиво* — *пивá*, *тўес* — *тўесья*), также и других форм падежей существительных именно в силу их своеобразия (*плечь* 'плечо', множ. число *плёци*, твор. пад. *плёцью*, *плёцьем*, *плёцёми*) — все это вместе взятое помогает читателю составить ясное понятие о грамматических особенностях архангельских говоров. Большинство слов в Словаре истолкованы кратко, экономно, то есть имеют обычные, принятые в словарях лаконичные толкования (*зажйи* 'начало жатвы') или просто переводятся литературным словом (*отгáнуть* 'отгадать', *морáной* 'морской'). Слова же местного терминологического характера (названия животных, рыб, орудий труда, местных обычаев, местных явлений природы и т. д.), поскольку они не знакомы читателю, получают подробное энциклопедическое толкование. Статья на слово *забор* 'устройство для ловли семги' занимает почти целую страницу, подробно описывается *кáрбас* 'судно для речного и прибрежного морского плавания' и многие другие. Благодаря подробным толкованиям, можно составить хорошее представление о местных промыслах, свадебных обрядах, обрядах, связанных с окончанием сельскохозяйственных работ.

Вообще весь Словарь написан интересно. Словарные статьи с примерами живой, непринужденной речи, с выражениями, поговорками, пословицами построены так, что читаются как увлекательные рассказы о словах. Возьмем, например, статью на слово *кóлоб*: *кóлоб*, *колобóк*, *скрбóтень*. Этими словами повсеместно в Архангельской губернии, по свидетельству Подвысоцкого, называлась ржаная или ячменная сдобная лепешка. В статье приведены и сочетания: *скрбóной*, *вбложной колобóк* — 'сдобная, рассыпчатая, на молочной опаре лепешка'.

Как интересный рассказ читается большая статья о слове *жить*, из которой мы узнаем, что это старое общеславянское слово с богатой системой значений в архангельских говорах имеет много своих, местных значений, например 'бодрствовать, не спать': «Были тамотки спозаранку, да хозяйева, сказывали, еще не живут» (спят); «У вас живут, а у нас повалились» (у вас еще не спят, а у нас легли). Оказывается, архангельцы могут спросить: «А што

не спит?». И отвечают: «Живет». Здесь же узнаем, что глагол *зажить* (*зажить*) имеет значение 'начинать, вставши, дневную деятельность': «Все спят по деревне, а у их, гляди, уже зажили».

Другое своеобразное употребление глагола автор иллюстрирует следующими примерами: «В нашем городе каждую неделю торги живут»; «Што в людях живет, то и нас не минет» (поговорка). А когда употребляют *жить*, говоря о напитках, это значит 'бродить': «Пиво-то уж сварили, да, вишь, не почало еще жить». Приводится и выражение *живет*, что значит 'хорошо, хорош, хороша' в смысле согласия, подтверждения чего-либо или удовлетворительности, хорошего качества чего-либо. На вопрос: «Каков хлеб уродился? Какова дорога?» — отвечают: «Живет» (то есть хорош, хороша). «Шкуна цела, только краску у кормы пообтерло, ну, да это живет».

В этой же статье приведены своеобразные местные выражения. *Живет море, река* — говорят о водах, когда они очистятся от льдов: «Сельдей ловили с успенья до льду, а живет море, так и до рождества»; *голодом жить* — говорят о медведях: «Теперь-то уж он в снег зарылся, голодом жить до весны»; *жить с оленях* — 'жить в тундре и заниматься оленеводством'; *жить на правую конейку* — 'жить честно'.

С таким же интересом читается статья о слове *пыль*, имеющем в архангельских говорах значение 'пена в море во время волнения': «Пыль, страшная пыль в море, вода словно мылом налита». Автор сообщает, что когда на Севере говорят: «В море *пыль стоит*» — это значит, что море волнуется, бурлит. Отсюда глагол *пылить* (о волнении в море), который значит 'бурлить, разбрасывать брызги, пениться': «Погода-то шибко разыгралась, *пылит* уж оchenно»; прилагательное *пылкой* (о морском ветре) — 'сильный': «Больно пылок стал ветер»; наречие же *пылко* — 'бурливо': «Недалече отойдешь от берега, пылко в море стало». Статей такого рода в Словаре очень много.

Каждое значение, сочетание или выражение имеет в Словаре точную географическую помету, указание, в каком уезде они записаны (а в случае употребления во всей Архангельской губернии ставится — «повсеместно»).

По богатству материалов, собранных автором, и по методам описания Словарь Подвысоцкого был самым полным и лучшим областным словарем своего времени. По его образцу составлялись и другие областные словари: Словарь областного олонечского наречья Г. И. Куликовского, Словарь вятского говора Н. М. Васнецова и Смоленский областной словарь В. Н. Девровольского.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

● ЗАПАРКОВАТЬ

Читательница М. А. Строганова из Костромы спрашивает, есть ли в русском языке слово *запарковать*.

В последние годы на страницах журнальной публицистики и произведений художественной литературы появилось новое слово *запарковать*, которое восходит к английскому слову park 'ставить, расставлять (автомашины)'. В путевом очерке Г. Бакланова об Америке («Новый мир», 1974, № 8) встречаем слово *припарковаться*: «Объехав несколько раз соседние кварталы, мы сравнительно быстро сумели поставить машину — *припарковаться*, как говорят русские в Америке». Как отмечает писатель, в речи советских людей, находящихся в Америке, кроме слова *припарковаться*, широко бытует слово *запарковать*.

Слово *запарковать* может стать новым родственником слова *парк* в значении 'место для стоянки и ремонта транспорта'. В этом случае его можно будет рассматривать в качестве второго члена видовой пары *парковать* — *запарковать*. В свою очередь слово *парковать* можно поставить в один ряд с глаголами, образованными от названий предметов: *скирдовать* — *скирда*, *складировать* — *склад*, *госпитализировать* — *госпиталь* и т. п. Эти глаголы объединяются как общностью словообразовательного значения — 'помещать в данном месте', так и способом образования — при помощи суффикса *-ова(ть)*, орфографически *-ирова(ть)*, *-изирова(ть)*.

Установлению родственных отношений между *парк* — *парковать* — *запарковать* мешает одно обстоятельство: слово *парк* в русском языке обозначает 'место для стоянки государственного и общественного транспорта'; в то время как глагол *запарковать* характеризует главным образом действие водителей частных автомобилей.

В настоящее время еще трудно сказать, получит ли права гражданства в русском языке слово *запарковать*. В словарях слова *запарковать* нет, его нет даже и в словаре-справочнике «Новые слова и значения», изданном в 1971 году.

В. К. Янцев

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ ГЕОГРАФИ- ЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Нет человека, которого бы не интересовало происхождение названия своей улицы, деревни, города, реки или горы, у которых этот город стоит. Задумываясь об этимологии таких названий, большинство людей невольно связывает их со словами хорошо знакомыми, привычными. Уральский охотник, например, финно-угорское название реки *Косья* или *Косью* сближает с *козой*, утверждая, что речку *Косью* (уже *Козью*, а не *Косью*!) назвал так его предшественник потому, что вдоль ее берегов водилось много коз. Название реки, однако, на много веков древнее старого русского охотника, на которого ссылается автор «козьей» легенды.

Географические названия передаются от поколения к поколению, от народа к народу. Их первоначальное значение затемняется, оно отрывается от слов, давших им жизнь, и обрастает ложными словесными ассоциациями. Эти ассоциации, выдаваемые за происхождение собственного названия, и называются народной, ложной или наивной этимологией.

В истории науки о географических названиях — топонимике, имеется немало примеров, когда принцип ложноэтимологического переосмысления играл значительную роль, приводя как к курьезным результатам, так и к неверной расшифровке топонимов. Ведь такая ассоциация может навести на ложный этимологический след как простого уральского охотника, так и опытного лингвиста.

Путь к раскрытию подлинного происхождения слова ведет через опровержение ошибочных этимологий — безразлично, ученого или происхождения или «народного». Чем непонятнее, темнее первичное содержание собственного названия, тем больше вероятность ложноэтимологических ассоциаций. Особенно это относится к топонимии иноязычного происхождения, источником которой были ныне вымершие языки: «многочисленные попытки этимологизации названий, принадлежащих мертвым и неизвестным языкам, редко бывают удачными, поскольку они производятся наугад» (Б. А. Серебрянников. — «Вопросы языкознания», 1959, № 6).

Научный анализ происхождения слова строится на доказательстве закономерности трех его измерений: фонетического, словообразовательного и смыслового. Этимология обычно признается верной лишь в том случае, если предполагаемая звуковая, морфологическая и смысловая модель образования слова перекрещиваются и могут быть объяснены на почве языка, к которому это слово возводится. Именно такой анализ может помочь избежать топонимического «гадания», которое называется народной этимологией.

Звуковое искажение нередко приводит, как мы видели на примере с *Косья*, к неверному ассоциативному восприятию внутреннего содержания слова. Точно так же и «несущественное», на первый взгляд, чередование *ѣ/е* превращает мансийский топоним *Нѣр-Ойка*, который означает буквально 'хозяин гор', в русифицированное *Неройка*, вероятно, ассоциируемое с глаголом *рыть* (Г. П. Вуно). Фонетическое изменение преобразует и русские по происхождению названия: так, брянская деревня *Борис-село* превратилась в *Борышье*. Вскрыть ход этого фонетического перевоплощения — значит найти верную этимологию географического названия.

Не менее важен учет словообразовательных моделей, характерных для топонимии. Он помогает восстановить форму названий, разрушенную фонетическими изменениями и переосмыслением. Древний суффикс, или, как его называют топонимисты, формант *-ма*, обычный в названиях рек и образованных от них названиях населенных пунктов Горьковской области (*Лижма*, *Ворсма* и т. д.) — убедительный аргумент ложности этимологии названия поселка *Велегьма* от «велия тьма», то есть 'большая тьма' (Л. Л. Трубе, Г. М. Пономаренко. — сб. «Ономастика Поволжья». Ульяновск, 1969).

Специфика народноэтимологического преобразования топонима в том, что под воздействием надуманного содержания истинная исконная форма названия искажается, подгоняется под ошибочное значение и постепенно закрепляется и узаконивается литературным языком.

Вот перед нами два названия: *Vrno* и *Eburodunum*. Есть ли между ними что-либо общее? Оказывается, это один и тот же топоним — название моравского города *Брно*, которое О. Н. Трубачев возводит к кельтскому **[E]burodūno* (Изучение географических названий. М., 1966). Кельтское слово за период своего существования в качестве топонима дважды меняло свою мотивировку: сначала оно связывалось с географическим термином **Въгдъно* 'гористое, холмистое (место)', затем — с **Въгно* 'болотистое место'. Подобная история произошла и с кельтским словом *Singidunum*, не без влияния народной этимологии превратившегося в название венгерского города *Сегед*.

Опровергнуть такие устоявшиеся, узаконенные навывные этимологии невозможно чисто формальным анализом, поэтому возникает необходимость проводить этимологический анализ в обратном порядке: начал с установления ложности семантического типа образования топонима, устанавливая его истинные словообразовательные и фонетические истоки.

Для этого необходимо выявить типичные смысловые модели, или, как их называют этимологи, изосемантические ряды, по которым образуются географические названия данного района.

В Себежском районе Псковской области, близ деревни Масенково, есть болото с названием *Рязь*. Местные жители связывают его со словом *рѣзать*: «Рязь есь балота, там был торф, а когда помещики были, заставляли дабывать явб. Вот там торф рѣзали, патаму рязь». Но обращение к материалам других городов и славянских языков показывает ложность такого толкования. Это название, по-видимому, — бывший географический термин *ряса* (или *ряса*) 'болото, заросшее ряской'. Ср. новгородское *рясы* 'водоросли', чешское название охотничьего угодья у города Индржихов Градец — *Rasy* или русские топонимы с такой же основой: Ряса, Московская Ряса, Ягодная Ряса и под. Впрочем, и сами псковичи употребляют слово *ряса* в значении географического термина. «В рясах удил рыбу», то есть в озерной губе, заросшей ряской, — такой контекст записан более 50 лет назад у Псковского озера.

Ошибочность народной трактовки названия *Рязь* легко подтвердить именно семантической моделью (географический термин со значением 'болото' —> собственное название): географическая карта России испещрена названиями типа *Болота*, *Иваново Болото*, *Грязи*, *Мзи* и *Мишарина*. На фоне этого закономерного образования топонимов мотивировка от *рѣзать* выглядит как исключительная, одиночная, «романтическая».

Учет этой же семантической модели приводит В. А. Никонова к объективному выводу о происхождении названия села *Мо-*

шеники, которое народная традиция связывает с плутовским характером его жителей. В. А. Никонов верно подчеркивает, что оно «не содержит никакого оскорбительного намека», а связано с рядом географических терминов с основой *мох* 'болото' (Краткий топонимический словарь). Характерно, что как только опытный исследователь топонимики концентрирует основное внимание на формальной стороне названия и забывает о семантических закономерностях его, то он сам становится автором наивных этимологий. В том же словаре встречаем такую трактовку названия *Бронницы*: «Возможно, из древнерусского *бронники*, *броннич* — ремесленники, изготавливающие броню (латы, панцири, кольчуги). Однако нет данных, что в этой местности существовало такое производство. Переход *-ичи* в *-ицы* возможен в результате диалектного доканья». Как видим, формальная сторона здесь подтверждается, историко-семантическая — нет. Родняется легенда о производстве брони на Москве-реке. Легенда, не имеющая конкретного исторического обоснования, а родившаяся из псевдоформального сходства слов: *Брѣнницы* и *бронники*. Факт смыслового «романтизма» при описанной трактовке этого названия заставляет искать другое объяснение, обусловленное уже известной нам моделью (географический термин → топоним). Исходным здесь следует признать, по-видимому, слово *бродница* — болотистое мелководье; брод через речку, производное от *брод*. Ср. кашубское *bródniśa* 'болото, трясина' и польский топоним *Brodnica*. Закономерность фонетического перехода *bn > mn* (так называемая ассимиляция) доказывается, например, массой записей в лешювских говорах, где *брѣдня* 'болото' записано всюду как *брѣмня*. Характерна и историческая эволюция польского топонима *Bronno*: в 1298 году — *Brodnia*, *Brodna*, в 1386 — *Bronne*, а сейчас — *Bronno*.

В подобных случаях чисто формальный этимологический анализ бессилец, так как исконная форма перестроилась под влиянием вторичного, ошибочного содержания. Более того, формально такие топонимы, как *Рязь* или *Бранницы*, ближе к своим псевдоэтимологическим основам, чем к истинным. Лишь вероятность семантической модели, по которой строится целый ряд топонимов, говорит об их предполагаемой ложности. Именно поэтому кажется неоправданным горячий призыв В. А. Никонова к отказу от классификации собственных названий «от животных», «от растений» и т. д. (Введение в топонимику. М., 1965). Роль таких семантических моделей при опровержении топонимических легенд трудно переоценить.

Признавая за семантикой роль показателя ложноэтимологических переосмыслений, необходимо, однако, осознавать и его

определенную относительность. Во-первых, нельзя не считаться с фактом, что иногда и такие модели могут создаваться на базе народноэтимологического переосмысления топонимов. Это убедительно показал Е. С. Отин на примере топонимического ряда, образованного от слов-названий животных. Названия рек иранского происхождения с основой *кал-* получили в Донском бассейне народноэтимологическое переосмысление — *конь*. Это же, в свою очередь, привело к появлению группы речных названий, «синонимичных» основе *конь*: Жеребец, Битюг, Бахмут, Гайгур и др. (Повідомлення української ономастичної комісії вип. 2. Киев, 1967). Выходит, вторичная, ложная ассоциация иранского *кал-* со славянским *конь* привела к появлению довольно активной семантической модели реально известных наименований рек.

Во-вторых, возможны случаи, когда название может быть одновременно соотнесено с двумя или более типичными семантическими моделями. Так, например, в различных языках мы сталкиваемся с названиями, образованными от обозначений дней недели: *Душанбе* «понедельник», деревни *Субота*, *Суботка* в Польше и Чехии, деревни *Среда* и *Параскева Пятница* в России. Кажется бы, именно по этой модели образовано название поселка *Середа* близ Калуги. Характерно, что местные жители так и объясняют мотивировку наименования, утверждая, что их поселок основан в среду. Архивные данные, однако, показывают, что он был переименован в 1918 году в честь калужанина-революционера по фамилии *Середа* (А. В. Гроанов.— сб. «Изучение географических названий». М., 1966). И модель образования названий от дней недели, и модель образования названий от имен людей одинаково активны в топонимии. Поэтому чисто лингвистический анализ не может дать объективный ответ на вопрос о происхождении названия поселка *Середа*: необходим и скрупулезный учет исторических материалов.

Исторический подход к этимологии топонимов, к которому много лет призывал отечественных этимологов А. И. Попов, особенно важен именно при выявлении ложного переосмысления. Ведь именно при таком искажении географического названия действует целый ряд субъективных внеязыковых факторов, истинную ценность которых может определить лишь историк.

Этимолог исходит обычно из предпосылки, что слово является объективным отражением мысли. Раскрытие первичного значения слова, его этимологический анализ — это способ получения объективной исторической информации.

Такой подход, безусловно, и лингвистически, и исторически оправдан в большинстве случаев. Но при народноэтимологическом переосмыслении происходит обратный процесс. Слово это уже не

является отражением исторической действительности, а наоборот, ее ассоциативным порождением. Порождение мысли здесь происходит формально, на базе чисто внешних ассоциаций, а не на целостном, понятийном восприятии слова, поэтому и историческая информация при народном переосмыслении оказывается неверной. Отсюда понятно резко отрицательное отношение к этому явлению исследователей, которые смотрят на топоним лишь как на источник исторической информации. «Наивная этимология — ложное псевдоисторическое упражнение» — с этими словами А. В. Гроизова согласны многие топонимисты.

Но каким бы критическим не было отношение к этому явлению, не считаться с ним при изучении географических названий невозможно. По объективному замечанию Э. М. Мурзаева, народная этимология «представляет собой весьма важный фактор образования новых географических названий» («Природа», 1956, № 7).

Эти два момента — псевдоисторичность и в то же время объективная языковая обусловленность такого преобразования топонимов — учитываются исследователями. Так, известный географ М. Н. Мельхеев пытается разделить случаи народноэтимологического переосмысления бурятских топонимов на два типа: когда «люди подводят под созвучные слова языка иноязычные топонимы» и когда «семантика названий не совсем согласовывается с происхождением слова, когда вообще происхождение топонима загадочно» (Топонимика Бурятии. Улан-Удэ, 1969). Первый тип признается «закономерным языковым явлением», а второй — «сложным и вредным этимологизированием», но такое разграничение крайне спорно.

С лингвистической точки зрения, совершенно неоправданно считать одно искажение полезным, а второе — вредным. Иное дело — возможность оценки народной этимологии как языкового явления с разных сторон. Так, на нее можно смотреть как на нарушение нормы и поэтому, с точки зрения культуры речи, оценивать отрицательно (Р. Р. Гельгардт). С другой стороны, народная этимология — это закономерное проявление языковой аналогии, имеющей универсальный характер и являющейся одной из закономерностей речи (Н. Крушевский). В психологическом отношении — это один из хотя и субъективных, но важных факторов человеческого мышления, обусловленный ассоциативностью.

Конечно, как источник объективной исторической информации народные этимологии — явление отрицательное. Закрепленные литературной и географической традицией такие названия, как: *Брно*, *Рязь* или *Жеребец* — ничем не уступают топонимам, не испытавшим подобного искажения. И те, и другие собственные имена одинаково успешно выполняют свою основную функцию — называть

конкретные географические объекты. Исторически название *Охотское море* — это искажение дорусского речного наименования *Оката*, ничего общего с *охотой* не имеющего. Название столицы Уругвая *Монтевидео* — лишь неверное «латинизированное» восприятие римской цифры VI в судовом журнале. Эта надпись — MONTE VI DE O — в переводе с испанского гласит «шестая гора с запада». Легенда же связывает название *Монтевидео* с радостным криком монаха, плывшего на каравелле и воскликнувшего при виде земли: «Вижу гору!». Воскликнувшего почему-то по-латыни: «Montem video!». Закрепившись традицией, названия *Охотское море* и *Монтевидео*, однако, влились в бесчисленный океан географических названий, происхождение которых забыто, но которые, несмотря на это, известны всем.

Народная этимология вообще и в топонимии особенно — явление регрессивное. Такое явление противоречит основной, знаковой функции наименования: чем больше забыто исходное значение собственного имени, тем лучше оно выполняет эту функцию, оно лишь называет, не порождая излишних ассоциаций. Однако в речи происходит постоянное нарушение этого. Казалось бы, идеальным знаком является именно топоним иностранного происхождения — ведь он обеспечивает абсолютный отрыв от его этимологии, от его исходного значения. Однако при усвоении иноязычного топонима искажение его формы сопровождается смысловым перерождением. Такое народноэтимологическое переосмысление может быть вызвано стремлением закрепить малопонятное слово в памяти, усвоить его. Однако основной целью ложноэтимологического толкования является цель историческая, вернее, псевдоисторическая. Стремление подтвердить «историческими фактами» случайное языковое созвучие или, наоборот, притянуть к известному историческому факту топонимическое «обоснование» и характеризует ложную этимологию. Именно в этих взаимосвязанных процессах следует искать истоки топонимических мифов и легенд, широко распространенных у всех народов. Это около века назад заметил М. Мюллер, утверждавший в исследованиях по древнеиндийской мифологии, что мифология — не что иное, как болезнь языка.

Известно, что одна из основных функций собственного имени — различительная (выделение слова из ряда других собственных имен), может измениться под влиянием различных факторов. Так, в Гдовском районе Псковской области, у Чудского озера, есть деревня *Чудская Рудница*. Сопоставление с другими русскими диалектами и славянскими языками показывает, что, по всей вероятности, в основе этого названия лежит славянский местный географический термин со значением «водный источник», ср. словенское *rudnica* «минеральный источник», русское диалектное *руда* «ручей», польское *guda*, *gud-*

пия 'болото' и под. Со временем географическое значение основы этих названий исчезло и заменилось другим, историческим, связанным с этим районом. Недалеко отсюда, у Вороньего Камня, в 1242 году было Ледовое побоище. Именно этот исторический факт и был социальным толчком к переосмыслению названия деревни *Чудская Рудница*. С языковой стороны подобное переосмысление объясняется наличием в псковских говорах слова *руда* 'кровь', однокоренного с *руда* 'источник'; их объединяет, например, слово *рудый* 'рыжий; красный'. И вот родилась топонимическая легенда, «отражающая» исторический факт победы Александра Невского: «Я слышала легенду, что Рудница названа Рудницей потому, что много людей там полегло, много крови пролито, а кровь будто называлась „руда“». Такую легенду рассказывали составителям «Псковского областного словаря» в деревне Чудские Заходы в 1960 году.

Может показаться, что решающим моментом этого переосмысления является возможность притяжения топонима *Рудница* к слову *руда* 'кровь'. Именно так, чисто лингвистически, объясняется факт народноэтимологического переосмысления большинством топонимистов. Тем не менее, важен и внеязыковой фактор — влияние крупного исторического события на такое переосмысление. Действительно, наличие слова *руда* 'кровь' как бы толкает на «исторические» воспоминания о кровавом побоище на льду Чудского озера. Но тень этого великого события падает и на целый ряд других названий Гдовского района и наполняет их новым, «историческим» содержанием. Слово *чудской* в топонимах *Чудское озеро* и *Чудская Рудница* уже связывается не с *чудь* «финно-угорское племя», а с *чудо*, потому что «там чудо произошло великое»; деревня *Путьково* — уже не с прозвищем некоего *Путька*, а с тем, что «тут путь прокладывался во время А. Невского — путь на Заходы от озера»; деревня *Заходы* — не с географическим термином *заход* 'приток; залив', а с тем, что «войско зашло далеко». Даже названия *Вороний острог* и *Вороний камень*, которые довольно трудно прямо ассоциировать с Ледовым побоищем, осторожно связываются с ним через вымышленное имя «начальника» — *Вороний*. Эти топонимические легенды, валежные на благодатной исторической почве края, где действительно произошло это сражение, записаны Г. Н. Скляревской — участницей комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища (Ледовое побоище. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.—Л., 1966). Вполне возможно, что некоторые из этих легенд были невольно подсказаны уже самим интересом к этому историческому событию.

Такой «исторический» подход к тому или иному названию необходимо постоянно учитывать при выявлении его истинной этимологии. Если в этимологической трактовке чересчур явно высту-

дает важный исторический факт — это почти полная гарантия ее ошибочности. Одним из ярких признаков такого мнимого историзма является связь топонимической легенды с известными историческими деятелями. В русских легендах это чаще всего Петр I, Иван Грозный или Екатерина II. Особенно повело в этом отношении топонимам, имеющим финно-угорское происхождение. Широко известны переосмысления названий *Ворскла*, *Кинешма*, *Кемь*, связываемые с именем Петра I. К ним можно добавить названия *Ладога*, *Вытегры*, *Вой-наволока*, *Вожмоосельмы* и многие другие, ставшие опорой русских исторических преданий (В. К. Соколова. Русские исторические предания. М., 1970).

Нельзя, однако, всегда утверждать, что авторы и рассказчики подобных легенд сами верят в их истину. Для многих наивная этимология — это лишь литературный рассказ, исторический анекдот, условность, подобная говорящим животным в сказках. Именно поэтому нередко слушателю предлагается несколько вариантов топонимической легенды. Один и тот же колхозник знает, например, две легенды о происхождении названия деревни *Чертовидово* Островского района Псковской области. Первая — «исторического» характера: у деревень *Чертовидово* и *Шишилово*, на берегу реки Великой произошло сражение между польским и русским войском. Поляки, имея перевес, взяли эти деревни и в честь победы поставили памятники с изображением черта и *шишка* (псковское *шишк* «бес, черт»). По этим памятникам якобы и названы деревни. Но за «исторической» следует и «житийская» легенда: «Раньше деревня называлась Миловидово. Ехал барин, посмотрел на нее и говорит: „Какая же она Миловидово, — это ж Чертовидово“. Так и стали называть».

Наличие нескольких легенд об одном и том же названии часто бывает обусловлено омонимией — звуковым совпадением нескольких разных по происхождению слов. «Сирена омонимии всегда угрожает топонимистам», по меткому выражению немецкого этимолога географических названий А. Баха. Именно она и увлекает как любителей легенд, так и маститых ученых на путь ложноэтимологических толкований. Чем ближе слово, положенное в основу названия, чем непонятнее его первоначальный смысл, тем шире субъективные возможности толкования топонимических омонимов. Субъективность в восприятии и в переосмыслении первоначального значения топонима — основной признак наивной этимологии. Именно поэтому для ее выявления необходим строгий и внимательный учет как объективных, так и субъективных лингвистических и исторических факторов.

В. М. МОКНЕНКО

Ленинград

Рисунки В. Толстоногова

ОБУЧЕНИЕ ПУНКТУАЦИИ В ШКОЛЕ

Известно, что пунктуационные навыки многих учащихся, оканчивающих среднюю школу, до сего времени остаются неудовлетворительными. Среди многих причин такого явления мы выделим пока одну, основную — это неравработанность практической методики обучения детей пунктуации в начальных классах.

В одной из московских школ в присутствии группы учителей русского языка был проведен такой эксперимент: десяти учащимся пятых и десяти учащимся шестых классов (первым по списку классного журнала) предстояло ответить на два вопроса: *Сколько в русском языке букв?* и *Сколько пунктуационных знаков?* Следующим десяти учащимся пятого, шестого и первых классов (также первым по списку классного журнала) была предложена карточка, на которой было написано:

А, б, в, г, д. Б — п. 1, 2, 3, 4, 5.

Требовалось назвать все, что они видят.

С помощью первого задания предполагалось выяснить, знаком ли учащимся перечень знаков препинания; с помощью второго — установить, видят ли учащиеся пунктуационные знаки на письме. Заметим, что никаких наводящих вопросов ни со стороны экспериментаторов, ни со стороны учителей не было.

На первый вопрос все двадцать учащихся ответили правильно. Более того, некоторые из них пытались даже уточнить количество букв, деление их на гласные и согласные. Однако никто из этих двадцати учащихся не смог сказать, сколько же в русском языке знаков препинания.

Ответы учащихся 5–6 классов по карточке были аналогичны ответам на первые два вопроса: называя буквы и цифры, ни один из двадцати опрошенных не увидел ни запятых, ни точек, ни тире. Более внимательными оказались ученики первого класса: они указали не только на буквы и цифры, но и на знаки препинания; увидели первоклассники знаки препинания и в предложенном тексте из художественной литературы.

Почему учащиеся первых классов оказались наблюдательнее пятиклассников и шестиклассников? Случайно ли такое явление? Обратимся к школьной практике.

Для того чтобы научить первоклассника писать и читать, его вначале знакомят с элементами букв и буквами. Обучение же пользованию знаками препинания начинается сразу с пунктуационных правил, не говоря при этом ничего о самих знаках. Причем ни в начальных классах, ни при изучении систематического курса синтаксиса и пунктуации программой не предусмотрено знакомство детей ни с перечнем знаков препинания, ни с основными их функциями.

Правильен ли такой подход и не является ли такое положение одной из причин низкой пунктуационной грамотности учащихся?

«В школьном деле, — писала М. А. Рыбникова, — есть одна сторона, которая является одновременно и плохой, и хорошей — смотря по обстоятельствам: это традиция». В практике обучения детей пунктуации также сложилась традиция: рассматривать пунктуацию в школе только в правовином плане и изучать ее попутно с синтаксисом. Кроме этого, в практике принято считать, что пунктуационные знаки используются только в связанных отрезках текста.

Методика пунктуации по степени разработанности — самый молодой раздел методики русского языка.

В результате исследования общих и частных вопросов обучения учащихся пунктуации за последнее время задан целый ряд работ, в основном предназначенных учителям среднего звена. Что же касается учителей начальной школы, то в их распоряжении до сего времени нет ни одной обобщающей работы, в которой рассматривалась бы методика обучения детей пунктуации в 1–3 классах. И причина такого положения ясна: на весь курс начальной школы программой предусмотрено всего лишь пять пунктуационных правил. Пять правил на три года!

Может показаться, что это очень маленькая доза. На самом же деле удельный вес этих правил в общей системе пунктуации очень значителен. Этого вполне достаточно, чтобы создать солидную базу как для всей дальнейшей работы над пунктуацией, так и для более успешного общего языкового развития детей. Это не только знаки, которые ставятся в конце предложений; запятая в предложениях

с однородными членами, не соединенными противительными союзами, но и запятая, разделяющая части сложного предложения; знаки в предложениях с прямой речью, стоящей после слов автора; запятая, отделяющая обращение в начале предложения.

Неразработанность методики пунктуации для начальной школы и сложившаяся традиция в обучении детей пунктуации (начинать обучение с пунктуационных правил и только в составе предложения) и являются одной из причин слабых пунктуационных навыков учащихся.

Пунктуационные знаки встречаются детям с первых страниц букваря. Так, например, на странице 17 (к этому времени дети изучили всего пять букв: а, у, м, ш, р) даны восклицательный знак и запятая; на странице 18 вместе с шестой буквой (н) вводится новый знак — точка; на следующей, 19 странице, появляется вопросительный знак. Таким образом, на шесть первых букварных букв и первых букварных текстов, предназначенных для чтения, падает четыре основных пунктуационных знака: три, употребляемых в конце предложения (точка, вопросительный и восклицательный знаки), и запятая.

Видный методист прошлого столетия В. А. Кендзерский в предисловии к своей книге «Употребление знаков препинания в русской письменной речи» (Харьков, 1879) писал: «Да возможно ли написать самую пустую записку без знаков препинания, чтобы она была понята так, как того желает написавший ее? Возможно ли толково и со смыслом прочесть краткую статейку, не имея надлежащего понятия о свойствах и целесообразности постановки знаков препинания?».

Несмотря на почти столетнюю давность этого высказывания, значение поднятого В. А. Кендзерским вопроса сохраняется до настоящего времени, так как развитие пунктуационной грамотности — это развитие культуры речи и мысли учащихся.

Можно ли обучать детей культуре письма, не знакомя с пунктуацией? Ответ один — нет! А развить у первоклассника видение всех элементов графического письма, если мы не будем требовать, чтобы дети списывали все (в том числе и знаки препинания, если они есть), что дано на букварной странице? Ни одно слово, ни один знак препинания (особенно на начальном этапе обучения детей) не должны оставаться для школьника незамеченными.

Можно ли первоклассника обучить правильному чтению, не знакомя со знаками препинания? Ответ также однозначен — нет!

Обратимся к названным страницам букваря. На странице 17 дана картинка, на которой запечатлен момент спортивных соревнований девочек в беге. Одна из бегущих касается ленточки финиша.

Вдали видны болельщики. Под картинкой подпись: «Ура, Ма-ша! У-ра! У-ра! У-ра!».

Смогут ли дети правильно прочитать (голосом передать радость болельщиков), если их внимание не будет обращено на знаки препинания. Ведь нужно прочитать так, чтобы первое *ура*, после которого стоит запятая, не было похоже на последующие, после которых стоят восклицательные знаки. Запятая указывает на остановку (небольшую паузу), а восклицательный знак на особый тон чтения.

Следовательно, интересы правильного интонационного чтения требуют, чтобы дети с первых же букварных текстов видели бы в них знаки препинания, понимали, хотя бы в общих чертах, их назначение.

Смогли ли первоклассники самостоятельно расставить знаки препинания в предложении, данном им на карточке так же хорошо, как они их увидели? Нет, не смогли. Первоклассников обучали видению знаков, пониманию (на упрощенном, доступном для детей материале) основного назначения знаков, а не умению их ставить.

Основным для первоклассника должно быть не пунктуационное правило, а зрительное восприятие знаков препинания, как графических средств письма, помогающих правильному членению и восприятию письменной речи.

Начинать обучение пунктуации следует с показа самих знаков (как мы показываем на начальном этапе буквы, числа), чтобы ребенок, начинающий овладевать письменной речью, видел бы их, отличал от букв, понимал бы в общих чертах их назначение.

Такого опыта в обучении детей пунктуации, к сожалению, нет, а он необходим, причем никакого специального времени для такой работы не требуется. Она должна идти в ходе общей работы по обучению детей грамоте.

В одной из своих работ М. А. Тростников (Методика письма и письменных упражнений. Юрьев, 1910) пишет: «Ввиду важности графических знаков, учитель должен торопиться знакомить учащихся со значением их и требовать, чтобы при чтении было выполняемо то, на что указывает знак, и чтобы учащиеся при письме употребляли соответствующие знаки. Прежде всего нужно познакомить со значением тире, многоточия, вопросительного и восклицательного знаков... Относительно восклицательного знака нужно сказать, что он ставится после слов или предложений, выражающих призыв, приказ, страх, удивление, радость и т. п. (Сюда! Вперед! Назад! Иди! Ступай! Друг мой! Что с тобой? Ужасно! А! ты здесь. Мама!) С самого начала обучения необходимо приучать, чтобы дети, при встрече с названными знаками, произносили слова и пред-

ложения с соответствующей знакам интонацией... По какому-то недоразумению, ознакомление с приведенными знаками откладывают до изучения синтаксиса. Между тем значение их может быть выяснено без синтаксических понятий. Следует также до изучения синтаксиса познакомить учащихся с употреблением двоеточия при перечислениях... До прохождения синтаксиса нужно дать понятие и о значении кавычек».

Пунктуационная грамотность учащихся — это показатель культуры речи. Вот почему высказанная М. А. Тростниковым мысль звучит современно, хотя прошло больше, чем полвека.

Нельзя не согласиться с Г. И. Блиновым, который пишет, что «формирование пунктуационного навыка прежде всего связано с таким обучением, которое обладает развивающими функциями — с идеей умственного развития» (Методика изучения пунктуационного правила).

Поиски наиболее эффективных путей в развитии речи учащихся волнуют и учителей и методистов. Сейчас это главная проблема. Правильная постановка обучения пунктуации в разрешении этой проблемы должна занять одно из ведущих мест, так как скованность письменной речи учащихся во многом объясняется боязнью наделать пунктуационных ошибок.

Может ли первоклассник осознать некоторые функции знаков препинания без пунктуационных правил и без анализа предложения? Если может, то что это дает ученику? Нужны ли ему эти знания?

Познакомимся с результатами двух работ, которые проводились в первых классах в конце учебного года.

Каждая работа состояла из двух заданий. По первому заданию требовалось найти общее для всех слово и записать его первым (туфли, калоши, сапоги, валенки, обувь, ботинки); по второму — также найти общее слово, но записать его последним.

Анализ работ первого задания показал, что все 43 ученика справились с поставленной задачей: они безошибочно нашли общее слово, записали его первым и с большой буквы, после него поставили двоеточие, затем записали, отделяя запятой, все остальные слова. После последнего слова все ученики поставили точку. Вот как было записано:

Обувь: туфли, калоши, сапоги, валенки, ботинки.

Итоги следующего задания были вполне удовлетворительными, даже хорошими: 36 учеников из 40 правильно нашли общее слово и записали его после перечисления, поставив перед ним тире, а после него — точку. Первое слово у всех детей было написано с большой буквы.

Вторая работа также состояла из двух заданий, но задания были несколько сложнее: требовалось сгруппировать слова по разным параметрам. По первому заданию требовалось из данного ряда слов (коза, лев, кошка, заяц, волк, медведь, лошадь, корова, тигр, лисица) выписать вначале слова, обозначающие диких животных, затем — домашних. По второму заданию требовалось из этого же ряда выписать вначале слова, состоящие из одного слога, затем — из двух и, наконец, из трех слогов.

Анализ работ первого задания показал, что учащиеся как одного, так и другого класса правильно распределили слова. Причем некоторые дети самостоятельно использовали слова, обозначающие родовые понятия. Зафиксировано четыре варианта пунктуационного оформления: с общим словом перед перечислением (*Дикие животные: лев, заяц, волк, медведь, тигр. Домашние животные: кошка, лошадь, овца*); с общим словом после перечисления (*Кошка, лошадь, овца — домашние животные*); группы слов разделены точками (*Лев, заяц, волк, медведь, тигр. Кошка, лошадь, овца*); группы слов разделены точкой с запятой (*Лев, заяц, волк, медведь, тигр; кошка, лошадь, овца*).

На вопрос одного из присутствующих, почему некоторые из учащихся поставили точку с запятой, последовали ответы:

— Это чтобы дикие животные не смешались с домашними.

— Без точки над запятой не видно, где кончаются дикие животные и начинаются домашние.

Анализ второго задания показал, что учащиеся, группируя слова, использовали три варианта пунктуационного оформления, причем точку с запятой между группами слов предпочли 60 учеников из 80.

Анализ этих работ свидетельствует не только о доступности данных сведений, но и о беспорном понимании всеми детьми значения знаков препинания.

Прав был Я. Грот, который писал, что «уровень детского развития не так низок, как часто полагают ... ребенок может понять весьма многое, если только оно будет предложено ему в доступной форме и с его точки зрения» (Об элементарном преподавании русского языка).

Эксперимент показал, что полученные знания дети самостоятельно переносят на другой материал. Например, в упражнении 125 даны слоги, из которых нужно вначале составить слова, затем записать и подчеркнуть в них *ча, ща; лх, чай; шу, ча; ща, то; за, да, ча; ка, чай; пло, ка, щад; зай, та, ча; щик, ча, сов*.

Перед выполнением было предложено посмотреть и навать имеющиеся в упражнении знаки препинания. Учащиеся называют запятые и точку с запятой.

— А для чего нужны здесь точки с запятой? — спрашивает учитель.

— Они отделяют слоги для слов.

— Чтобы было видно, из каких слогов нужно составить слово.

— Они показывают, сколько слогов будет в слове.

— Если их не будет, то можно перепутать слоги и составить слово *чаща* (имеет в виду в порядке очередности четвертый и пятый слоги).

Этот факт свидетельствует о том, что у детей в процессе выполнения упражнений вырабатывается не только правильное понимание назначения пунктуационных знаков, но и языковое чутье.

Пунктуация, как и графика, является одним из материальных элементов письменного языка, и обучать ей нужно одновременно с обучением детей письму и чтению. Состояние пунктуационной грамотности — это важный показатель уровня речевого развития детей.

Л. Т. ГРИГОРИЯН

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РЕЧЬЮ УЧАЩИХСЯ

Вопрос о взаимодействии родного и второго языка в речи учащихся не случайно привлекает внимание лингвистов и педагогов.

«Исследование отношений между различными языками народов СССР в плане их взаимодействия и взаимообогащения имеет научное и практическое значение. Говоря о научно-практическом значении, следует иметь в виду, в частности, и важность данных такого исследования для создания более рациональной системы лингвистической подготовки учащихся, совершенствования методики школьного и вузовского преподавания» (Ю. Д. Дешершев и И. Ф. Протченко. Процессы взаимодействия русского и других языков народов СССР. — «Русский язык в школе», М., 1966, № 1).

В настоящих заметках автор делится своими наблюдениями над речью русских учащихся одной из литовских школ.

В языковой жизни Литовской ССР мы находим много специфического, индивидуального как в вопросах взаимодействия, так и взаимообогащения двух языков — литовского и русского. Глав-

ная особенность этих процессов — повсеместное функционирование литовского и русского языков почти во всех сферах общественной жизни населения республики. Разумеется, в районах, где смешанно живут литовцы и русские, эти процессы взаимодействия и взаимообогащения более интенсивны, чем в районах, в которых представлено только однонациональное население, чаще всего литовское.

В Литве есть немало и таких районов и населенных пунктов, жителями которых являются литовцы, русские, поляки и представители других национальностей. Здесь наблюдаются наиболее сложные процессы в языковых контактах. Как показывает исследование, каждый из районов Литовской ССР представляет в этом смысле определенную, неповторимую картину.

В плане взаимодействия языков особую картину представляет Зарасайский район Литовской ССР, население которого по национальному составу представляет довольно пеструю картину: кроме деревень, где живут только литовцы, часто встречаются русско-литовские, русско-литовско-польские.

Объектом нашего исследования были ученики средней школы-интерната, для которых русский язык родной, а второй — литовский. Большинство учащихся, как показал билингвистический вопросник, разработанный сектором социальной лингвистики Института языкознания АН СССР под руководством профессора Ю. Д. Дешериева, и языковая анкета, взятая из работы Л. П. Крысина «Русский язык по данным массового опроса (Опыт конкретного социолингвистического исследования)», говорит, читает и пишет на литовском языке. Это относится к тем учащимся, которые постоянно живут здесь. Остальные же, приехавшие в этот район сравнительно недавно, понимают литовский язык, в меру возможностей изъясняются на нем.

Однако степень владения вторым языком оказалась различной даже у тех, кто родился в этой местности и с детства общался на данном языке.

Свободно владеют литовским языком школьники, живущие в смешанных семьях (где этот язык является постоянным средством общения) и изучающие его с первых классов в соответствии с программой, утвержденными Министерством просвещения Литовской ССР. Следует при этом заметить, что в повседневном разговоре разнонациональных учащихся предпочтение отдается русскому языку. Об этом говорит соотношение обучающихся на литовском языке и свободно владеющих вторым языком. Сравните: 70 и 10 процентов, то есть более половины учащихся, несмотря на применение второго языка в общении с людьми другой национальности, слабо владеют неродным языком. В основном у уча-

щихся происходит совпадение родного и функционального первого, то есть обслуживающего большинство сфер общения. Это прежде всего относится к учащимся русской национальности.

В некоторых случаях наблюдается несовпадение родного языка и функционально первого. Так, несколько девушек литовской школы-интерната родным языком считают литовский, в семье говорят как на том, так и на другом языке, а функционально первым все-таки является русский.

Речь русских учащихся, проживающих в условиях литовско-русского двуязычия, как об этом говорят данные, полученные после обработки языковых анкет, отличается некоторым своеобразием. И это не случайно.

Русское население Литвы можно условно разделить на три группы: старожилы, население старшего и среднего поколения и младшее поколение. Речь старожилов представлена русскими говорами, восходящими к псковско-новгородской группе северновеликорусского наречия. Испытывают русские говоры Литвы влияние литовского, белорусского и польского языков. За последнее время на эти говоры сильное воздействие оказывает русский литературный язык.

Все это не могло не сказаться на своеобразии языка русских учащихся. Стремление к экономии языковых средств, наряду с влиянием разговорного стиля, способствует распространению формы родительного падежа множественного числа с нулевым окончанием. Большая часть учащихся в своих ответах предпочла форму родительного падежа множественного числа с нулевым окончанием: яблок, мандарин, слив, апельсинов; меньшинство — употребило форму с окончанием *-ов*.

В парах *киргиз — киргизов* наблюдается обратная картина: подавляющее большинство учащихся предпочло форму с окончанием на *-ов* (осетинов, таджиков) и только единицы — с нулевым окончанием.

Тенденция к унификации форм имен существительных проявляется в вытеснении формы родительного падежа с окончанием *-а (-я)*. Следует заметить, что в словах, часто встречающихся в речи учащихся, наиболее распространенным является вариант с окончанием *-у (-ю)*: сахару, чаю, табаку, а в менее употребительных — вариант с окончанием *-а (-я)*: сыра, шоколада, джема.

Под влиянием разговорной речи широкое распространение в настоящее время получила форма именительного падежа существительных множественного числа с ударением на *-а (-я)* (бухгалтерá, инженерá, тракторá, катерá), значительно меньше дается параллельных форм (бухгалтеры — бухгалтеры, тракторá — трак-

торы), еще меньше — только с окончанием *-ы(-и)* (учители, тракторы).

Академическая «Грамматика русского языка» (в качестве единственной формы существительных родительного падежа множественного числа) дает форму с нулевым окончанием: грам_м, килограм_м и т. д.

Результаты анкетирования показали, что большинство учащихся в аналогичных словах предпочло дуплетную форму с окончанием *на-ов*: десять килограммов сахара, пять граммов меда.

Сопоставляя существующие параллельные формы (в отпуске — в отпуску, в снеге — в снегу, в меде — в меду), мы пришли к заключению, что почти все из опрошенных дали вариант с окончанием *-у*. Это еще одно из доказательств влияния формы на *-у*, столь распространенной в русском говоре, функционирующем в Зарасайском районе.

Совершенно не сказывается влияние русского говора на употребление имен существительных в предложном падеже. Все без исключения дали форму: в Пушкино, в Тушино.

Вследствие влияния социальных факторов (в настоящее время большинство врачей женщины), интересные данные получены о согласовании в роде имен существительных с глаголом прошедшего времени. Одни (их большинство) дали вариант *врач пришла*, другие — *врач пришел* и третьи — обе формы: *врач пришел и врач пришла*.

При согласовании прилагательных с несклоняемыми существительными (кофе, какао, кафе, метро и т. д.) безошибочно всеми был выбран литературный вариант: горячий кофе, современное кафе и т. д.

Из приведенных выше примеров напрашивается вывод, что на речь русских учащихся, наряду с социальным влиянием, оказывает воздействие и разговорно-бытовой стиль русского говора. Формирование литературных норм речи должно, бесспорно, стать задачей школы.

Т. П. КОЛБАСОВА

5 июня 1973 года в «Учительской газете» была опубликована статья В. В. Бабайцевой «На пороге синтаксиса».

Статья вызвала живой интерес не только у учителей-словесников, но и у широкого круга читателей «Русской речи». В адрес редакции поступили письма с просьбой к В. В. Бабайцевой поделиться своим мнением о новом учебнике русского языка на страницах нашего журнала.

УЧЕБНИК РОДНОГО ЯЗЫКА

РУССКИЙ ЯЗЫК В 7 КЛАССЕ

В 1973—1974 учебном году общеобразовательная школа РСФСР перешла на новые программы и новое учебное пособие по русскому языку в 7 классе. Содержание и построение их определяется общей идеей — обучение русскому языку во всем его словарном и грамматическом богатстве.

Программа по русскому языку для 7—8 классов включает систематический курс синтаксиса и пунктуации, разделы «Культура речи и стилистика», «Общие сведения о языке», специальные уроки по развитию речи.

Учебное пособие по русскому языку С. Г. Бархударова, С. Е. Крючкова, Л. Ю. Максимова, Л. А. Чешко соответствует требованиям новой программы, предусматривающей сближение школьной грамматики с научной, практическую направленность изучения языка, развитие речи учащихся.

В теоретической и практической части учебного пособия последовательно прослеживается связь формы и содержания основных единиц синтаксиса. Словосочетание рассматривается как составная часть предложения, предложение же — как главная синтаксическая единица.

Помогательной стороной нового пособия следует считать разграничение языка и речи как одного из достижений современной синтаксической теории.

Данное учебное пособие ориентирует на многоаспектное изучение языка. Традиционное понятие предложения и членов предложения под влиянием современной синтаксической теории дается более строго и четко — разграничивается их семантическая и структурная стороны. Разграничивая строение и грамматическое значение синтаксических единиц, авторы показывают их взаимосвязь и взаимозависимость.

Изложение систематического курса синтаксиса и пунктуации, изменение последовательности некоторых тем, сокращение количества часов на отдельные темы стали возможны благодаря линейно-ступенчатому расположению грамматического материала.

Опора на те знания, умения и навыки, которые сложились у учащихся в итоге изучения морфологии на синтаксической основе, — необходимое условие успешной работы по обучению русскому языку в 7 классе.

С введением новой программы в практику работы школы вошло понятие о словосочетании, с грамматической основой которого учащиеся закоматся уже в 4 классе, работают над ним в 5–6 классах и завершают его изучение в 7–8 классах. На всех этапах изучения словосочетания учитываются, хотя и в разной мере, все их свойства. Однако на каждом из этапов в центре внимания должен быть какой-либо один аспект данного явления. В 7 классе понятие о словосочетании как номинативной единице языка углубляется и дополняется, дается уже в составе предложения. Учащиеся знакомятся со способами связи между словами: согласованием, управлением, примыканием. Новые понятия позволяют показать, как, каким способом словосочетание включается в предложение, как изменяется при этом его начальная форма и порядок слов в предложении.

Синтаксис в большей степени, чем другие разделы грамматики, способствует развитию мышления и речи.

Составление схем предложений и конструирование предложений по данным схемам развивает мышление учащихся, учит их видеть за конкретными фактами речи то общее, что характеризует предложения аналогичной конструкции. Синтаксис не может изучить безграничное множество предложений, существующих в речи. Отсюда внимание к общим закономерностям вполне оправдано.

Однако схемы не должны заслонять смысловых и стилистических свойств конкретных предложений, которые строятся по имеющимся в языке образцам. Богатство и выразительность русского языка, его «тоны и оттенки» могут быть восприняты учащимися только через речь, через внимание к семантике и струк-

туре конкретных предложений. Это требует тщательного подбора дидактического материала.

В новом пособии большое внимание уделяется семантико-стилистическим свойствам предложений. Изучение смысловых и стилистических свойств синтаксических конструкций позволяет связать изучение синтаксической теории с развитием мышления и речи учащихся.

Изучая многие разновидности неполных предложений, следует сказать, что это не «недостаток» речи, а вполне законная форма синтаксической конструкции, позволяющая экономно выразить мысль, выделить самое важное в сообщении. Нередко именно структурная «неполнота» предложений усиливает коммуникативный центр высказывания: все несущественное для сообщения опускается, вследствие чего более «весомым» становится то слово (или слова), которое есть в неполном предложении. Предложения типа «Я — к окну» синонимичны предложениям с глагольными сказуемыми: «Я подошел к окну»; «Я подбежал к окну»; «Я кинулся к окну». Смысловое и стилистическое своеобразие неполного предложения создается пропуском глагольной формы. Именно отсутствие сказуемого и создает оттенок быстроты, стремительности, интенсивности, напряженности действия.

В соответствии с требованием программы большое место должно уделяться интонации, так как она является не только грамматическим, но и смысловым средством оформления речи. Новое учебное пособие предусматривает много заданий, способствующих выработке навыков правильного произнесения повествовательных, вопросительных и побудительных предложений, предложений с однородными членами, с обособлением. Знание этих особенностей выражения мысли способствует усвоению знаков препинания в неполных предложениях, в предложениях с однородными членами, при обособлении.

Как в словарном богатстве, так и в разнообразных синтаксических конструкциях есть много явлений, которые трудно отразить в самых детальных словарях и грамматиках. Поэтому одна из важных задач обучения русскому языку в школе — развить языковое чутье учащихся, сформировать умение выбирать подходящие синтаксические конструкции и наиболее меткие, яркие и точные слова и выражения. Учебное пособие учит учащихся видеть в языковых средствах неисчерпаемые возможности для выражения самых тонких оттенков мысли и чувства. Недаром учебник открывается эпитафией: «Перед вами громада — русский язык! Наслаждение глубокое зовет вас, наслаждение погрузиться во всю неизмеримость его и заловить чудные законы его» (Гоголь). Семантико-функциональный подход к раскрытию граммати-

ческих понятий позволяет вооружить учащихся умением анализировать свою и речь окружающих с точки зрения ее ясности и выразительности.

Одно из важнейших требований современного процесса обучения — развитие познавательной активности учащихся. В этом плане характер упражнений, предусмотренных авторами, заставляет мыслить учащихся, сопоставлять языковые факты, делать соответствующие выводы, опираясь на систему знаний, умений и навыков.

В языке много таких случаев, которые не могут быть охарактеризованы однозначно. В конструкции *поездка на Кавказ* сочетание существительного с предлогом выполняет двойную функцию: определения (какая поездка?) и обстоятельства (поездка куда?). Нередко учителя считают правильным только один из двух возможных вариантов ответа, требуют от учащихся однозначных «да» или «нет». Односторонний ответ вряд ли способствует пониманию речи, развитию мышления и выработке языкового чутья. В таких случаях лучше, если учащиеся по-разному будут оценивать анализируемые явления, доказывать правильность или ошибочность утверждения. Не следует бояться в некоторых случаях и дискуссий.

Синтаксис определяет взаимосвязь и взаимозависимость отдельных звеньев языковой системы, позволяет с новых позиций оценить все средства языка, изученные ранее. В этом случае повторение не должно быть простым воспроизведением ранее изученного. Нужно, чтобы на уроках оно органически вписывалось в общую систему изучения языка. Кроме попутного повторения, программа выделяет специальные часы на повторение как в начале, так и в конце учебного года.

Развитие связной речи в 7 классе тесно связано с изучением каждой темы в виде различного рода грамматико-стилистических упражнений и заданий. Здесь и устный пересказ текста со стилистическим заданием, и рассказ с грамматическим заданием по рисунку, и анализ композиции текста. На специальных уроках по развитию речи рекомендуется готовить учащихся к написанию сочинений на литературные и «свободные» темы, творческих работ, основанных на личных наблюдениях, по данному началу. Для описания предлагаются картины и рисунки, изображающие труд, памятники русского зодчества, производственные объекты; рассуждения рекомендуется проводить на общественно-политические и морально-этические темы.

От научной и специальной подготовки учителя, от его чувства меры и такта зависит осуществление задач, стоящих перед школой в обучении русскому языку в 7 классе.

Профессор В. В. БАБАЙЦЕВА

К ЭКЗАМЕНАМ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В сочинениях абитуриентов довольно часто приходится встречаться с ошибочным употреблением частицы *ни* (замена ее частицей *не*) в сочетаниях *кто ни, где ни, когда ни, куда ни*. Поэтому необходимо внимательно отнестись к работе над усвоением учащимися основного случая употребления этой частицы в указанных сочетаниях.

Частица *ни* употребляется в придаточных утвердительных предложениях, имеющих обобщающее или уступительное значение, при подчинительных союзах и союзных словах для усиления утвердительного смысла сказуемого. Между союзным словом и *ни* может быть вставлена частица *бы* (кто бы ни, какой бы ни).

В предложениях: «Каких бы сторон жизни ни касался Горький, он всегда говорил правду» — сочетание *каких бы ни* (любых, всяких) усиливает утвердительный смысл сказуемого и придает придаточному предложению обобщающее значение; «Как ни смел мой отец, но в этот миг и он перепугался» — *как ни* (хотя и очень) усиливает утверждение и придает придаточному уступительный характер; «Сколько ни тренировалась команда, она не смогла занять первое место» — *сколько ни* (хотя и всячески) усиливает утверждение и придает придаточному предложению обобщенно-уступительный оттенок значения.

При этом следует помнить, что в независимых утвердительных предложениях с обобщающим значением (обычно восклицательных и вопросительных) могут быть только сочетания типа *как не, где не, что не, куда не*: «Где только не побывали советские воины, освобождая страны Европы от фашистских захватчиков!» (простое предложе-

ние, осложненное деепричастным оборотом); «Где только он не ночевал, застигнутый темнотой вдали от жилья!» (простое предложение с причастным оборотом); «Чего только он не предпринимал, чтобы разыскать своих родственников! (сочетание *чего не* входит в состав независимого, главного, а не придаточного предложения); «Куда только он не обращался!» (простое предложение, ср.: «Куда он ни обращался, везде встречал сочувственное отношение»).

Остановимся на примере из сочинения абитуриента: «Мечик — мелкий, пошлый себялюбек, и как ни презирать его за это».

Перед нами независимое предложение, в котором без колебаний нужно писать *как не* (как не презирать его за это), не подвергая самостоятельное предложение никакому анализу. Предложение «Как не презирать его» относится к безличным предложениям типа: «Как станешь представлять к крестичку ли, к местечку, ну как не порадеть родному человечку?» (Грибоедов. Горе от ума).

Интересны и такие парные примеры: «Когда он ни приходит, мы играем в волейбол» и «Когда он не приходит, мы играем в волейбол». Написание *когда не* в придаточном предложении, имеющем обобщающее значение, объясняется тем, что здесь сказуемое является отрицательным (приходит или не приходит? — не приходит), тогда как частица *ни* употребляется в придаточных предложениях, когда сказуемое придаточного имеет утвердительное значение.

Смысловое различие анализируемых предложений, облеченных в одинаковую звуковую оболочку, выражается и соответствующей интонацией. Интонационный признак первого примера — повышение голоса в начале придаточного предложения, то есть при произнесении сочетания *когда ни*; второго — повышение голоса к концу придаточного.

Немало ошибок в работах поступающих в вуз на слитное и дефисное написание сложных прилагательных.

Правописание сложных прилагательных определяется тем, как образовано данное прилагательное, в каких взаимоотношениях находятся компоненты сложного слова.

Разберем случаи слитного написания сложных прилагательных.

Сельское хозяйство, железная дорога, круглые сутки, слабый характер, Дальний Восток — в каждом из этих словосочетаний главным словом является существительное,

подчиненным — имя прилагательное, которое уособляется существительному в роде, числе и падеже. Сложные прилагательные, образованные из согласованных словосочетаний «прилагательное + существительное», пишутся слитно: сельскохозяйственный, железнодорожный, круглосуточный, слабохарактерный, дальневосточный.

В словосочетаниях *способный к труду, раздирающий душу* прилагательное *способный* и причастие *раздирающий* требуют постановки зависимых слов в определенном падеже: *способный* (к чему?) к труду, *раздирающий* (что?) душу. Сложные прилагательные, образованные из сочетания слов, одно из которых связано с другим по способу управления, пишутся вместе: сталепрокатный, машиностроительный, трудоспособный, почвообрабатывающий, душе-раздирающий.

В сложных прилагательных: *многообещающий, высококвалифицированный, малоубедительный, труднодоступный* — первая часть словосочетания наречие, которое является зависимым словом, связанным с главным (прилагательным или причастием) только по смыслу. Сложные прилагательные, образованные из такой подчинительной связи, пишутся в одно слово. Их следует отличать от словосочетаний, состоящих из наречий и прилагательных или причастий, в которых наречия сохраняют значение самостоятельных слов и пишутся раздельно: ослепительно яркий, подлинно народный.

Итак, сложные прилагательные, образованные из всех видов подчинительной связи между словами, входящими в их состав, пишутся слитно.

Рассмотрим сложные прилагательные типа *рабоче-крестьянская* (власть), *марксистско-ленинская* (теория), *плодово-ягодные* (культуры), *русско-французский* (словарь), *денежно-вещевая* (лотерея). Семантико-синтаксический анализ данных слов показывает, что прилагательные этого типа образованы из сочетаний слов: рабочая и крестьянская, марксистская и ленинская, плодовые и ягодные, русский и французский, денежная и вещевая. Здесь нет зависимости одного слова от другого. Все слова равноправны, одинаково важны по своему значению. Между частями таких прилагательных можно вставить сочинительный союз *и*.

Сложные прилагательные, образованные из слов, обозначающих равноправные понятия, всегда пишутся через черточку.

Напомним, что через черточку пишутся также прилагательные, обозначающие сложное название цвета: бледно-розовый, иссиня-черный.

Необходимо принять во внимание, что, помимо двух основных способов образования сложных прилагательных (из сочетаний слов, подчиненных по значению одно другому, и из слов, обозначающих равноправные понятия), в русском языке продуктивен способ образования из компонентов, непосредственно не связанных друг с другом ни по способу подчинения, ни по способу сочинения.

Такие сложные прилагательные также пишутся через дефис: военно-воздушные (силы), добровольно-спортивные (общества), научно-популярная (литература), весенне-полевые (работы).

П. С. СИЯЛЬСКАЯ

ТЕМЫ СОЧИНЕНИЙ НА ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ В 1973 ГОДУ

Московский геологоразведочный институт
имени Серго Орджоникидзе

1. Партийность — есть высшее выражение народности социалистического искусства.

2. Тема революции в поэзии А. Блока и С. Есенина.

3. Роль революционной интеллигенции в формировании нового человека (по роману А. М. Горького «Мать»).

4. Проблема личного и общественного в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина».

5. Как решали вопрос о счастье и смысле жизни комсомолцы первого поколения (по произведениям советской литературы 20—30 годов).

6. Человеческие судьбы в пьесе А. М. Горького «На дне».

7. Мир обездоленных в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

8. Отец и сын Болконские (по роману Л. Н. Толстого «Война и мир»).

9. Обличение быта «темного царства» в драме А. Н. Островского «Гроза».

10. Социальные корни самодурства и его жертвы (по драме А. Н. Островского «Гроза»).

11. Человек беспокойного счастья в произведениях советской литературы.

12. «Я с теми, кто вышел строить и мечь...» (В. В. Маяковский).

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПРАВИЛЬНОСТЬ РУССКОЙ РЕЧИ

Продолжаем публикацию словаря-справочника «Грамматическая правильность русской речи», подготовленного в секторе культуры русской речи Института русского языка АН СССР (авторы: Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Каталинская; редакторы: член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин, член-корреспондент АН СССР С. Г. Бархударов, член-корреспондент АН СССР И. Ф. Протченко, кандидат филологических наук Л. И. Скворцов).

Начало см.: «Русская речь», 1973, № 4—6.

ПО ОШИБКЕ — ИЗ-ЗА ОШИБКИ — ПО ПРИЧИНЕ ОШИБКИ.

Словосочетания с предлогом *по* в причинном значении употребляются главным образом при глаголах, называющих действие лица. Существительное в подобных конструкциях обозначает обычно качество (чаще отрицательное) или состояние лица, явившееся причиной действия: сказать, сделать (не сделать) что-нибудь по безалаберности, по беспорядочности, по близорукости, по болезни, по доброте, по жадности, по забывчивости, по застенчивости, по злобе, по легкомыслию, по лени, по любопытству, по молодости, по небрежности, по невежеству, по неграмотности, по недомыслию, по недосмотру, по необразованности, по неопытности, по неосмотрительности, по неосторожности, по неразумию, по неспособности, по оплошности, по ошибке, по рассеянности, по скромности, по упрямству, по халатности.

Круг слов, употребляемых с предлогом *по* в причинном значении, ограничен семантически: это слова, называющие внутреннюю причину действия. В пределах этой группы слов действует еще одно ограничение — возможность соединения (сочетаемость) данной леммы с предлогом *по*. Именно поэтому неупотребительны построения «по догадливости», «по гриппу», «по хроническому аппендициту» (ср. нормативные *по глупости, по болезни, по близорукости*).

Не употребляется предлог *по* для обозначения внешней причины, что было возможно в XIX веке («Тришка бит по погоде». Нушкин. История села Горюхина).

Предлог *из-за* употребляется обычно для обозначения внешней причины действия лица или предмета: сделать (не сделать) что-нибудь из-за дождя, из-за плохой погоды; вентиляция не работает из-за отсутствия электроэнергии. В случаях варьативности двух названных предлогов конструкции с предлогом *по* содержат «менее определенное, менее четкое указание на причину явления и более четкое — на повод или основание» (В. П. Сухотин); не сделал чего-нибудь по забывчивости — из-за забывчивости; не пришел по болезни — из-за болезни.

Предлог *по причине*, в котором лексически наиболее четко выражено причинное значение, свойствен главным образом официально-деловой речи, где он употребляется при зависимых существительных с отвлеченным значением: не явился по причине болезни. Как отмечают исследователи, с конца XIX века этот предлог постепенно вытесняется из литературного употребления.

Предлог *по* не варьирует с предлогами *из-за*, *по причине* в конструкциях со значением основания действия: по приказу, по просьбе, по договору, по соглашению, по праву (то есть в соответствии с приказом, просьбой, договором, на основании приказа, просьбы, договора).

ПЛАН ПО ЧЕМУ — ПЛАН ЧЕГО. В современном языке, главным образом в официально-деловой и в газетной речи, широко распространены конструкции с предлогом *по*. «Удобство» этих конструкций для пишущего заключается в том, что они содержат лишь самое общее указание на ту сферу, которая обозначена зависимым существительным: план производства молока, план продажи молока, план переработки молока — план по молоку (то есть план в сфере, относящейся к молоку). Словосочетание *план по молоку* может быть употреблено в значении любой из трех предшествующих конструкций. Но названная черта рассматриваемых словосочетаний содержит в себе неудобство для читателя: в ряде случаев остается неясным характер отношений между предметами, так как предлог *по* в таких построениях указывает лишь на наличие отношений, никак их не характеризует.

В некоторых случаях употребление предлога *по* представляется целесообразным, так как способствует сокращению конструкции и ее большей емкости: работа над письмами трудящихся (их чтение, изучение), работа с письмами трудящихся (их чтение, ответы на них, обработка для печати) — работа по письмам трудящихся (их чтение, обработка для печати, ответы на них, обобщение

письем; написание статей, посвященных поставленным в письмах проблемам, то есть более широкий круг явлений).

Иногда встречаются контаминированные конструкции с предлогом *по* (построения, представляющие собой, так сказать, гибриды двух различных моделей): план продажи молока + план по молоку → план по продаже молока. В таких построениях предлог *по* является излишним.

Плеонастичны словосочетания, образованные словом *работа* и присоединяемым к нему с помощью предлога *по* названием конкретного вида деятельности: работа по воспитанию детей (= воспитание детей), работа по изготовлению сумок, работа по уборке квартир и натирка полов (= уборка квартир и натирка полов). Употребление слова *работа* в таких словосочетаниях оправдано стилистически лишь в тех случаях, когда имеется в виду не только данный конкретный вид деятельности, но и другие, связанные с ней процессы.

Нежелательными следует считать построения, в которых *по* выступает вместо других предлогов, более конкретных по значению: комбайн по уборке свеклы (вместо: комбайн для уборки свеклы, свеклоуборочный комбайн), серьезное отношение по поставке материалов (вместо: серьезное отношение к поставке материалов), обрушить бомбовый удар по аэродромам противника (это словосочетание образовалось в результате контаминации двух одинаковых по значению конструкций: нанести удар по аэродромам противника + обрушить удар на аэродромы противника), получить приз по стрельбе (вместо: получить приз за стрельбу).

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ЧЕМУ — УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ЧЕГО. В конструкциях с подчиняющим словом со значением лица зависимое существительное с предлогом *по* обозначает сферу деятельности этого лица: инженер по приборам, инспектор по кадрам. Если зависимое существительное обозначает предприятие, учреждение, работником которого является данное лицо, то такое существительное употребляется в родительном падеже без предлога: уполномоченный комитета, инструктор отдела, следователь прокуратуры, агроном совхоза, товаровед магазина. Эти словосочетания не имеют вариантов.

Вариативны конструкции с зависимым существительным, обозначающим область, сферу, в которой протекает деятельность лица, называемого подчиняющим существительным: инструктор физкультуры — инструктор по физкультуре, специалист сельского хозяйства — специалист по сельскому хозяйству. Подобные соотносительные пары образуются не со всеми зависимыми словами. «Пока затруднительно установить, почему одно и то же слово в одних случаях может оказаться в составе обеих конструкций, а

в других — только в конструкциях с *по* или с родительным бес-предложным» (Н. Ю. Шведова).

Различие между родительным падежом, называющим учреждение, и дательным с предлогом *по*, обозначающим сферу деятельности лица, обнаруживается, например, в сочетаниях *уполномоченный отдела заготовок — уполномоченный по заготовке кормов, инженер энергосистемы — инженер по энергохозяйству*. В тех случаях, когда зависимое существительное имеет предметное значение, обычно употребляется конструкция с предлогом *по*: *специалист по грызунам, механик по двигателям, инженер по оборудованию*.

Об общих условиях, способствующих распространению конструкций с предлогом *по*, смотрите в статье «План по чему — план чего».

(Продолжение в следующем номере)

Л и т е р а т у р а

Р. Я. Калиберзинь. Причинные конструкции современного русского литературного языка с зависимой частью, выраженной дательным падежом существительного с предлогом «по». — «Известия АН Латвийской ССР», 1958, № 7;

В. П. Сухотин. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. Глагольные словосочетания. М., 1960;

А. М. Фinkelъ. Производные причинные предлоги в современном русском литературном языке. Харьков, 1962;

Е. Т. Черкасова. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967;

Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966.

ПОЧТА
«РУССКОЙ
РЕЧИ»

В течение 1973 года редакция «Русской речи» получила около тысячи писем. В этих письмах речь идет о «живой жизни» отдельных слов, выражений, в них читатель делится своими наблюдениями и раздумьями о судьбе родного языка.

На каждое предложение, общепригодное для публикации, редакция старается поместить ответы ученых-специалистов в отделе «Почта». Кроме того, сотрудники журнала ведут обширную переписку с читателями, консультируют их по вопросам частного характера, дают рекомендации, знакомят с нормативными изданиями и новыми книгами о языке. Большую пользу приносят журналу отклики читателей на наши публикации, помещенные в разделах: «Культура речи», «Грамматика, орфография», «История слов и выражений», «Школа» и других. Они помогают точнее определить содержание будущих номеров, подсказывают темы и вопросы статей и заметок.

НАМ ПИШУТ

ОРФОГРАФИЯ И ПУНКТУАЦИЯ

Читатели К. Н. Воннова (Волгоград), Н. П. Полищук (Тула), И. З. Яренфельд (Улан-Уде), М. К. Сивунов (Тюмень) хотят знать об орфографии слов *жаренный* — *жареный*. Написание этих слов зависит от их грамматической природы (к какой части речи они принадлежат). Причастие обычно имеет при себе пояснительные слова и пишется с двумя *-н-* (жаренный умелым поваром гусь). При отсутствии зависимых слов — это прилагательное и пишется с одним *-н-* (жареный картофель, жареные семечки). Подробнее

об этом можно прочесть в заметке А. К. Панфилова в нашем журнале (1967, № 1).

«Слитно или раздельно пишутся слова *(в) дали, (в) даль?*», — интересуются А. И. Константиновский (Львов), Л. Г. Сац (Краснодар), И. П. Позднюк (Кисловодск), М. Ю. Мишина (Уфа), А. М. Ильина (Москва) и другие. По существующим правилам слитно пишутся наречия, образованные соединением предлогов с существительными, но их следует отличать от сочетаний имен существительных с предлогами. О правописании наречий мы печатали статьи В. Н. Шенна (1967, № 6) и А. С. Дымского (1970, № 1). Пишутся слитно наречия с пространственным и временным значением, имеющие в своем составе существительные *верх, низ, даль, глубь*: *наверх, внизу, вдали, вглубь*. По этому вопросу справку можно получить в новой книге «Слитно или раздельно (Опыт словаря-справочника)» (М., «Наука», 1972).

«Нужно ли ставить кавычки в названиях предприятий „Печорлес“, „Воркутауголь“ и других?» — спрашивают читатели В. Г. Симаков (Омск), А. Н. Луцких (Запорожье), И. М. Кузьмаков (Александровск), Н. П. Воинов (Клинцы, Брянская обл.). По сложившейся в печати традиции, названия колхозов, шахт, рудников, предприятий и т. д. выделяются кавычками: комбинат «Печорлес», трест «Воркутауголь». Без кавычек пишутся названия, представляющие сложносокращенные слова: Политиздат (Политическое издательство), Детгиз (Детское государственное издательство). На эту тему в «Русской речи» были опубликованы заметки В. С. Шварцкопфа (1967, № 4), В. Г. Костомарова (1968, № 4), Ю. Ф. Хаустовой (1969, № 3).

«Как сказать правильно: *сколько время?* или *сколько времени?*», — спрашивает читатель Г. Кобешавидзе (Махарадзе Грузинской ССР). «Сколько времени?» — несколько новая форма вопроса-обращения по сравнению с традиционной «Который час?». Вопрос «Сколько время?», по данным нормативных словарей и пособий, оценивается как грубопросторечная форма. Подробнее об этом прочтите в комментарии Л. И. Скворцова («Русская речь», 1973, № 6).

СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ

О неточностях в словоупотреблении пишет инженер В. Д. Дорофеев (Ленинград): «Часто в устной речи приходится слышать неудачное выражение: „Я получил квартиру в новом доме с паровым отоплением“. Термин „паровое отопление“ укоренился в языке еще с конца прошлого века. Тогда даже в домах отопление было паровым. В настоящее время во всех строящихся в нашей

стране зданиях предусматривается система центрального водяного отопления. А вот старое название живет и проникает в печать...».

Прав ли он? Ведь в современном русском языке продолжает употребляться слово *громоотвод*, хотя всем известно, и это совпадает с данными нормативных словарей, что «громоотвод — прибор, называемый теперь молниеотводом» (С. И. Ожегов. Словарь русского языка). Случится ли такое с *паровым отоплением*, окончательно ли заменят его *водяным*? Покажет время. Во всяком случае над этим стоит задуматься.

Читатель Ф. А. Маричус (Москва) обращает внимание на статью В. С. Филиппова «Где-то в районе» (1972, № 6) и считает, что она «посвящена очень распространенной в речи ошибке». К его мнению присоединяются наши корреспонденты А. И. Лапин (Смоленск), Н. Г. Новацкий (Черновицы), В. К. Завьялов (Томск), Н. М. Полищук (Воронеж). Ф. А. Маричус приводит и другие примеры речевых ошибок: «Подскажите, как пройти» или «Подскажите, где купили»; интересуется, «будут ли подобные ошибки квалифицированы в журнале». Безусловно. На эту тему в 1974 году предполагаем опубликовать несколько заметок и статей в разделе «Почта» (в том числе о слове *подсказать*) и в разделе «Культура речи» (Вопрос как отрицание; Суффиксы эмоциональной оценки в личных именах и названиях лиц; Приставка *под-* в *подсолнечнике*; Слова-перевертыши; и другие).

«Меня обрадовало, что М. С. Медведев из Архангельска в заметке „А стихи-то знакомые и образные“ („Русская речь“, 1973, № 1) выступил в защиту ярославского поэта П. Голосова, — пишет П. Дудочкин (Калинин). — Я тоже люблю его лучшие стихи за свежесть образного видения мира, понимание души слова и русского говора, гражданственность его поэзии. Автор заметки совершенно прав, утверждая, что хорошие диалектизмы расцветивают язык россыпью ярких, сочных, выразительных слов».

О любви и живом интересе к поэтическому слову рассказывается и в письмах читателей И. П. Паломского (Владимир), С. А. Реутина (Ленинград), А. Б. Любина (Вологда), Г. П. Петрова (Узловая) и других.

Судя по многочисленным отзывам, заметки «Почты» пользуются популярностью у читателей. Отклики на материалы, публикуемые в журнале, говорят о возросших требованиях к устному и письменному слову.

Редакция благодарит всех наших читателей и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Н. А. Флегонтова

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯМ

СОГЛАСЕН С ПРОФЕССОРОМ ГОРШКОВОЙ.

Во втором номере «Русской речи» за 1973 год была опубликована статья профессора К. В. Горшковой «Научные сведения о родном языке в школе», где было высказано немало интересных предложений. Мысль о введении языкознания в качестве отдельной дисциплины в школе наряду с такими, как математика, биология, физика и другие, уже давно назрела. Как учитель полностью поддерживаю эту идею. Хочу подчеркнуть, что советская школа на нынешнем этапе должна воспитывать мыслящих людей. При всем разнообразии методики мы, учителя, должны построить прочный фундамент знаний, выработать практические умения и навыки у учащихся. Введение основ языкознания в средней школе должно преследовать, безусловно, лишь общеобразовательные задачи. Практически осуществлять занятия можно, выделив часть уроков русского и иностранного языков или организовав спецсеминар для старшеклассников, желающих изучать филологию. Думается, что «Основы языкознания» в школе займут достойное место среди других дисциплин.

*В. Н. Куприн,
учитель русского языка и литературы
Павлодарская область*

ИМЕНА, УХОДЯЩИЕ В ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ

Большой интерес представляет литература, рассказывающая о происхождении личных имен, фамилий, прозвищ. В одной из книг — «Населенные пункты Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1970) — зафиксированы на трех языках фамилии жителей Кабардино-Балкарии, и среди них мы находим уходящие в далекое прошлое прозвища-фамилии.

Сюда, в горы Кавказа, с незапамятных времен бежали преследуемые и притесняемые русские люди, участники народных восстаний. На Кавказе находили они дружеский прием и гостеприимство таких же вольнолюбивых горских народов и оседали среди них.

Среди опубликованных в этом сборнике фамилий мы находим много имен-напутствий, которые народ давал своим сынам: Подо-пригора, Пересади, Раздайбеда (Баксан), Убийконь (Кременчуг-Константиновка), Варивода (Майский). В станицах и хуторах по

Тереку и Малке находим фамилии: Дерболот, Глянко, Смачедуб, Клюй, Моллбога, Негрей, Бей, Негоди, Дербас, Наливайко, Непейвода и другие.

Время стерло следы этимологии многих из этих имен. К тому же в начертании их произошли изменения. Так, в Нарткале записана фамилия Катигрбов, которая еще не так давно в Нальчике и Орджоникидзе писалась Кадигрб. Фамилия Перебийнос там же, в Нарткале, записывается сейчас Перебинос, а прозвище-фамилия Жичилей невольно наводит на мысль, что это измененное Жижелей, тем более, что среди «фамилий-наказов» имеется целая серия связанных с водными процедурами: Наливайко, Непейвода, Варивода и другие.

Не менее интересные факты, несомненно, имеются и среди кабардинских и балкарских фамилий, зафиксированных в названной книге.

Г. И. Петров,
член Союза журналистов СССР
Нальчик

ИМЕНА, «УВЕКОВЕЧЕННЫЕ» ТЕРМИНОЛОГИЕЙ

В русской речи встречается много слов, происшедших от имен выдающихся личностей (знаменитых ученых, писателей, полководцев) и навеки вошедших в научную и «популярную» терминологию. Кому не запомнилась со школьной скамьи пушкинская фраза:

Надев широкий боливар,
Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе,
Пока недремляющий брегет
Не прозвонит ему обед.

А ведь в ней два таких слова — *боливар* и *брегет* — обязаны своим появлением фамилиям реальных людей. В «Словаре иностранных слов» находим: *боливар* — денежная единица Венесуэлы и название широкополой шляпы, бывшей в моде в 20-х годах XIX века; *брегет* — карманные часы, выделявшиеся мастерской французского мастера Брегета (1747—1823); отличались точностью, отбивали минуты и показывали числа месяца.

Это так называемые именные термины — многочисленная группа слов, интенсивно пополняемая и в наше время. Под именными терминами подразумеваются названия предметов или понятий, широко распространенных во всевозможных областях знаний и образованных от личных имен: в истории (мавзолей, гиль-

отца), нумизматике (луидор, наполеондор), в быту (макинтош, толстовка), технике (дизель, дрезина, мартен), в военном деле (кольт, маузер, наган, шрапнель, браунинг), в физике (ампер, ом, кулон, вольт, герц), в химии (гадолиний, эйнштейний, фермий, менделевий, курчатовий), в токсикологии (никотин, люизит, адамсит), в минералогии (шеселит, вернадит, самарскит, курнаковит, гагаринит), в медицине (дальтонизм, гайморит) и т. д. Известны даже случаи такого наименования целых разделов техники (гальванотехника, гальванопластика).

Как правило, большинство именных терминов создавалось в честь ученых (или других великих деятелей) для увековечения их памяти, в ознаменование их заслуг перед страной, наукой или техникой. Однако в отдельных «именных» терминах игрой случая оказались запечатленными имена одиозных лиц — коронованных особ, изобретателей, политических деятелей: *помпадур* — стиль, связанный с именем маркизы Помпадур, фаворитки французского короля Людовика XV (XVIII век); *силуэт* — по имени французского министра XVIII века Э де Силуэта, на которого была нарисована карикатура в виде теневого профиля; *гильотина* — машина для обезглавливания, введена во Франции во время буржуазной революции в 1792 году по предложению доктора Гильотена.

Немалый вклад в мировую науку сделали также, например, советские ученые, как геохимик Вернадский, химик Курнаков, великий Менделеев, академик Курчатов, первый космонавт Гагарин и другие. В честь их названы минералы *вернадит*, *курнаковит*; элементы *менделеев* и *курчатовий*. Имя Гагарина было увековечено названным в честь его минералом — *гагаринит*.

В современном русском языке таких слов довольно много. Хорошо бы объединить все их в специальный словарь.

И. Г. Филатов
Москва

СИБИРСКОЕ СЛОВО

С детства в моей памяти хранится немало слов, которые я слышал в речи своих родственников, односельчан. Они и поныне употребляются в сибирской деревне.

Возле совхозной мастерской мужики ставили столбы для пристроя. Столбы высокие, крепкие, смолистые. Ямки под них копались глубокие, чтоб уж поставить, так на два десятка лет. «Эх, ребята, сейчас бы *походень*, и дело бы пошло быстрее», — подмигнул уставшим строителям Степан Каргаполов. — «Сходи, Мишка, к Ефрему Макаровичу в аккумуляторную, попроси», — обратился

кто-то к молодому парню. Мужики хватались от смеха за животы, когда тот скрылся за углом. Они сами испытали когда-то на себе этот «походень». Знали, что Ефрем Макарович пошлет Мишку к Христине Макаровне: мол, только вот унесла его в дирекцию. И мужики на все лады представляли, как Макаровна всплещет руками и отправит парня к Вавиле Кукушкину, а тот, не моргнув глазом, проводит к Соломее. А она уж покажет дорожку к Павлу Федоровичу Замякину. Хитрый старик, смекнув в чем дело, скажет, что отнес «походень» на починку к Сидору Сорокину в кузницу... Шутка есть шутка. В деревне на нее попадаться рискованно — ославят на всю округу, если поймут, что ты протак и можешь, как пескарь, клюнуть на дешевую приманку.

В давние времена в нашем сибирском Зауралье произошло смешение пестрых диалектов. Здесь сочетались черты языка средней и южной полосы России, северных губерний и т. д. Даже не изучая историю края, но анализируя особенности местных диалектов, можно проследить их происхождение. Вот несколько таких слов: прысло — «изгородь»; рёлка, кулига — «часть покоса»; чапыжик — «мелкий кустарник»; бадожок — «пастушья палка»; брус — «потолочная балка полатей»; могёлки — «сельское кладбище»; колок — «островок берез или осин»; голбчик — «подпол в деревенской избе»; брундучок — «надстройка над лазом в подпол»; творило — «верхнее входное отверстие в погреб»; денник — «загон для скота»; куть — «место возле русской печи, кухня»; чамодець — «болеть очень долго, сохнуть на глазах»; бхредь — «грязнуля».

Я с умыслом привел эти диалектные слова. Встречаются некоторые из них, например, в стихотворениях С. Есенина. Он использовал диалектизмы Рязанщины. Но интересно, что они не всегда совпадают с сибирскими. У Есенина *кулижка* — это часть улицы перед домом. «Выкосим эту кулигу до обеда, потом на ту вон рёлку перейдем», — говорила мне мать на покосе.

А какую богатую палитру красок несет слово *пáдера*! Проснешься утром: узоры на окнах оттаяли, в доме тепло, и вдруг кто-то скажет: «Пáдера-то какая разыгралась, свету белого не видать!». Емкое слово. Оно имеет множество синонимов: вьюга, буря, непогода, ненастье, распутица... Именно распутица, только не весенняя, а зимняя, когда снег летит мокрыми хлопьями, подтаивает у крыльца, а отец, возвратившись из поля с возом сена, выжимает мокрые рукавицы. В этом контексте самое точное — *пáдера*.

Диалектизмы различных губерний, смешиваясь с местными, приобретали порой самые неожиданные звучания. Употребляется у нас бранное слово *калган*. По словарю Даля, *калган* — это растение, пряный корень. В сибирском диалекте *калган* — голова,

башка». «Если будешь рынаться [задираться], расколю твой калган», — скажет в сердцах какой-нибудь мальчишка. *Сббидить* — вятское диалектное слово в значении «стянуть, украсть». В деревне у нас говорят так: сббидился на печку, на телегу, на велосипед — «устроился» (пренебрежительное).

После завершения стога на верх его укладывают срубленные талины. Делается это для того, чтоб ветер не разворошил сено в стогу, не сдул верхушку. Говорят при этом: «Надо не забыть *весслак* положить». Эти талины на вершине стога напоминают опущенные в воду весла, отсюда — и *весслак*. «Корову надо *настовать*, тогда и молоко будет», — поучают хорошие хозяйки. *Настовать* — «ухаживать, старательно кормить». Даль приводит такой пример в своем Словаре: «Хочешь вора поймать, так *наступ* его». Как видим, значение слова здесь несколько иное — «стеречь, караулить». Однако есть слова *наст* — «верхняя корка снега». Отсюда, наверное, и *настовать* — «укреплять, выкаживать корову; крепко следить за воров».

В нашей округе есть деревня, где преобладают фонетические диалектизмы. Жители ее резко выделяются по разговору. Типична для их говора замена звука *ц* на *с*. Все поголовно говорят: сарь, куриса, птиса, рукависа, яйсо. Это еще раз подтверждает, что на формирование сибирских диалектов влияли «привозные». Несведущему человеку может показаться, что в Сибири только и говорят: *пимы* вместо *валенки*, *калега* вместо *брюквы*, *күкорки* — *корточки*, *хахаряшки* — доскутья старой одежды, *азбудегеть* — *кивать* — бить, хлестать (хстать, последнее слово встречается у Гоголя в чиновничьем жаргоне), но влияние современной культуры, всеобщая грамотность вытесняют диалектизмы. Вырабатывается правильный, «нормированный» язык.

Я решительно не поддерживаю настроения противников употребления диалектизмов в художественных произведениях. Нельзя рассматривать художественные средства писателя или поэта в отрыве от идейной направленности и от образного мышления.

А сколько поэзии заключает народ в слове!

Н. В. Денисов
Тюмень

«ЛАМПЫ ДЛЯ УКУПОРКИ БУТЫЛОК»

В редакции журналов, особенно научных, иногда поступает материал, принадлежащий перу весьма именитых авторов. Перед нами коллекция «крупниц», а иногда целых «самородков», которые работники одного научного журнала извлекли из полученных редакцией рукописей. Вот некоторые примеры.

До сих пор мы наивно полагали, что электролампы служат для освещения, обогрева, в крайнем случае, для облучения, а вот доцент Э. нашел им другое назначение: «Различные применения этих ламп для.. упаковки различных консервов, варений, укупок бутылок и т. д.». Не знаю, может быть, автор и научился «укупоривать» бутылки лампами, но в промышленности пользуются другой технологией. Скорее всего таким способом выражена мысль, что ультрафиолетовое излучение ламп используется для стерилизации продуктов при консервировании. Поди-ка догадайся!

Доценту Э. вторит инженер В.: «Две крупнейшие организации в США имеют большие, хорошо оборудованные лаборатории... и, помимо своей основной работы с жестяной банкой (1), оказывают большую помощь консервной промышленности». Кандидат сельскохозяйственных наук Ш. утверждает, что «производство сена и силоса важны для Канады с длинным стойловым периодом».

Или полюбуйтесь такими красотами стиля.

В этой статье освещается уровень работ в этой области доложенные авторами в 5 симпозиуме по горению и ряде печатных работ Герштейна в различных журналах.

Речь и необлеченные в слова мысли животных.

Радиотехника находит применение почти во многих областях человеческой жизни.

Содержимое этой главы столь значительно, что хочется иметь ее в русском переводе.

Словарь является весьма полезным изданием, найдущим широкое применение.

Подобные «шедевры» не могут не тревожить, тем более что под ними стоят подписи младших и старших научных сотрудников, доцентов и т. п. Сказано это не для того, чтобы выставить на посмешище цитируемых авторов (их имен не называем). Тут не до смеха! Но надо же в конце концов заняться проблемой литературной грамотности наших специалистов с высшим образованием, наших ученых. Здесь бесполезна «лингвистическая скорая» Института русского языка, поскольку речь идет о тяжелых случаях хронической безграмотности.

Прежде всего, необходимо ввести во всех вузах — технических, медицинских, сельскохозяйственных и прочих, а также на естественнонаучных факультетах университетов — лекционные курсы (пусть даже факультативные) и практические занятия по

русскому языку и стилистике. Они хотя бы научат будущих специалистов литературно, грамотно и лаконично излагать свои мысли.

Хотелось бы высказать сожаление, что у нас не издано ни одного руководства по составлению научных статей. Единственное пособие, которым мы располагаем, это юмористический сборник «Физики шутят», позволяющий составить представление о том, как не надо писать научные статьи. А как надо?

И. Зорич
Москва

«РУССКАЯ РЕЧЬ» ОТВЕЧАЕТ

● ПРИЗЕМЛИТЬСЯ НА ЛУНЕ

«Насколько закономерно словосочетание *приземлиться на Луне?*» — спрашивает читатель Ф. А. Марголис.

В недавнем прошлом возможность такого словоупотребления не вызвала у говорящих сомнения. Глагол *приземлиться* использовался как авиационный термин для обозначения процесса спуска летательных аппаратов на Землю. Других глаголов, обозначающих спуск летательных устройств на какое-нибудь поверхность, в русском языке не было.

Начавшиеся полеты в космос, посадка летательных аппаратов на воду, спуск космических устройств на поверхность Луны рождают необходимость в дифференцированном обозначении процессов спуска летательных аппаратов на различные поверхности. В речевом употреблении появляются новые глаголы — *прилуниться* и *приводниться*, словообразовательное значение которых — «приблизиться к тому, опуститься на то, что названо мотивирующим существительным» («Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970), то есть «опуститься на Луну» или «опуститься на воду».

Е. А. Земская, анализировавшая эти глаголы, отмечает, что на этапе зарождения и первоначального употребления они выступали с оттенком шутливости, несерьезности (Е. А. Земская. Как делаются слова. М., 1963). Первые случаи нейтрального использования глаголов *прилуниться* и *приводниться* отмечены Е. А. Земской в языке газет 1960—1962 годов.

В речи сегодняшнего дня процесс опускания летательных аппаратов на поверхность Луны довольно последовательно обозначается глаголом *прилуниться*: «Советская автоматическая стан-

ция „Луна-17“ плавно прилунилась в море Дождей» («Вечерняя Москва», 17 ноября 1970); «Космонавт Рональд Эванс не будет прилуниться. Он останется на борту в отсеке экипажа, который будет совершать витки вокруг Луны» («Неделя», 4–10 декабря 1972). Глагол *прилуниться* в названном значении прочно утвердился как номинативное средство и в сфере космической терминологии.

Действие опускания летательных аппаратов на воду обозначается глаголом *приводниться*: «В 18 час. 50 мин. корабль должен приводниться в центральной части Тихого океана... В момент приводнения в районе посадки будет еще темно» («Известия», 27 декабря 1968); «...Автоматическая станция „Зонд-8“... приводнилась в заданном районе Индийского океана» («Известия», 3 ноября 1970).

Новые возникающие лексические единицы, испытывая влияние и языковых закономерностей, и запросов говорящего коллектива в обозначении новых предметов или явлений, в то же время вступают в определенные контактные связи с существующими словами своего лексического ряда. Появившиеся *прилуниться* и *приводниться* оказали известное влияние на изменение семантической структуры глагола *приземлиться*.

По соотношению с глаголом *прилуниться* у *приземлиться* как бы усилилось, отчетливо проявилось значение ‘опуститься на поверхность планеты Земля’: «По мере приближения ракеты к Земле по данным траекторных измерений уточняется вероятный район приземления „шарика“» («Красная Звезда», 19 марта 1972). Появление и распространение глагола *приводниться* способствует утверждению у *приземлиться* нового значения – ‘опуститься на земную сушу’: «При поиске приземлившихся или приводнившихся космических кораблей применение коротких волн также позволяет наряду с другими средствами не только организовать связь с экипажем, но и определить методами пеленгации его местонахождение при очень больших удалениях от территории СССР» («Известия», 21 января 1969).

Кроме того, у *приземлиться* появилось общее, как бы родовое по отношению к остальным глаголам данного лексического ряда значение ‘опуститься на поверхность’. Утверждению этого значения в значительной мере способствует тот факт, что у *приземлиться* производящая основа выступает с заглушим собственно лексическим значением. Именно это делает возможным употребление глагола *приземлиться* во всех случаях, когда речь идет о спуске летательного устройства на какую-нибудь (любую) поверхность: «Известно, что „Луна-20“ приземлилась в горном труднодоступном районе» («Комсомольская правда», 11 марта 1972); «Предположений,

что „Зонд-6“ приземлится в Индийском океане, оказались несостоятельными, он опустился в СССР в точно заданном районе» («Известия», 19 ноября 1968).

Таким образом, глаголы одного словообразовательного ряда *приземлиться*, *прилуниться*, *приводниться* употребляются для обозначения спуска летательных аппаратов на различные поверхности, при этом производящая основа каждого глагола называет саму поверхность, на которую совершается спуск: *приземлиться* – совершить спуск на Землю; *прилуниться* – совершить спуск на Луну; *приводниться* – совершить спуск на воду. Глагол же *приземлиться* (с одной стороны, благодаря сложившейся традиции употребления, с другой – благодаря тем изменениям, которые совершаются с производящей основой) употребляется и для выражения общего значения опускания летательного устройства на любую поверхность, во всех случаях, когда текст не требует особого выделения, уточнения поверхности, на которую совершается спуск.

Глагол *приземлиться* может использоваться и в космической терминологии при обозначении спуска летательных устройств на поверхности других планет. Так, в научно-популярной информации о посадке в июле 1972 года на Венеру спускаемого аппарата именно глаголом *приземлиться* было обозначено соответствующее действие: «Когда до поверхности планеты оставалось несколько десятков километров, системой автоматики в действие был введен парашют. Как и планировалось, аппарат „приземлился“ на освещенной части Венеры» («Вечерняя Москва», 24 июля 1972).

Условно семантические взаимоотношения между глаголами данного ряда могут быть изображены следующим образом:

При этом нельзя не заметить, что семантическая структура самих глаголов, их соотношение в настоящее время лишь определяются и складываются. Описанные лексические характеристики являются определяющими для речевого употребления сегодняшнего дня.

Формирование глаголов данного лексического разряда будет складываться под влиянием многих факторов и в значительной степени будет зависеть от того, какой путь изберет терминология

в выборе космических названий — расширение существующих «земных» терминов или создание новых, самой формой указывающих на связь с определенным космическим телом.

Г. И. Миськевич

● ЖИВ КУРИЛКА!

«Выражение *жив курилка* я встретил в переписке Л. Толстого. Кто такой *курилка* и что означает все выражение?» — спрашивает свердловчанин П. К. Пешехонов.

В современном русском языке слово *курилка* употребляется в двух значениях: в просторечии так называют помещение, место для курения (курильная комната), и с оттенком иронии: курилкой называют того, кто курит (курильщика). «— Пойду покурю, — говорю я отрывисто и небрежно и уйду в курильную. Я осматриваюсь — в курилке много людей. Одни спокойно разговаривают, другие молча торопливо курят» (Казаков. Голубое и зеленое); «— Курить-то не умеешь, эх, ты, курилка!» (запись устной речи). Слово *курилка* в названных значениях никакого отношения не имеет к фразеологизму *жив курилка*. Это выражение по происхождению часть приговья, припевки старинной русской народной игры «в курилку». Курилкой называли горящую лучинку, которая, погаснув, дымилась, курилась.

В статье «Развязие — обычай, существующий между крестьянами в Пензенской губернии», опубликованной в «Северной пчеле» (1847, № 215) дается следующее описание этой игры: «В деревнях, впрочем, по вечерам, бабы и девки часто собираются друг к другу по соседству на пряжу. Здесь между обыкновенным делом, они занимаются и бездельем, различными играми. Чаще всего заводится Курилка, нечто сходное с гаданьем, существующим у Лужицких сербов... Все садятся в кружок, зажигают лучинку (курилку), и передают ее друг другу с припевом:

Жил — был курилка,
Жил — был курилка,
Да не умер.
Как у нашего курилки
Ножки тоненьки,
Душа коротенька.
Не умри курилка,
Не умри курилка.
Меня молоденьку
Не заставь плакати.
Меня хорошеньку
Не заставь скакати.

Вся важность игры заключается в том, чтоб передать курилку соседу непогасшею. У кого она погаснет, тот виноват; вина искупается

пляскою или песнью: противоборствующих этому уставу наказывают жгутом».

В Саратовской губернии при игре в курилку была несколько другой:

Живи-ка Курилка,
Живи-ка Душилка!

Словами *жив, жив курилка* (живи-ка, живи-ка Курилка) играющие как бы поддерживали жизнь огня, его пламя, не давали ему погаснуть.

Со временем слово *курилка* и выражение *жив курилка* обрели вторичный, переносный смысл. В 1825 году эпиграмму на критика М. Каченовского А. С. Пушкин озаглавил «Жив, жив Курилка!»:

Как! жив еще Курилка журналист?
— Живехонек! все так же сух и скучен,
И груб, и глуп, и с завистью размучен,
Все тискает в свой ненужный лист
И старый вздор и вадерную новинку.
— Фу! надоел Курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет.— Да... плюнуть на него.

Выражение *жив курилка* в значении «о том, кто или что еще живет, существует, действует» встречается у многих наших писателей: «— Вы бы порадовались,— сказал бухгалтер.— Все-таки жив курилка, не спился и не подох под забором, как вы предсказывали» (Герман. Дорогой мой человек); «За неделю, что Мартьянов не видел Гайдаю, тот мало переменился.— Как видишь, жив курилка,— едва слышно сказал Гайдай...— Думал перед операцией, что конец» (Павлова. Совесть).

В. Н. Сергеев

● НОМИНАЛЬНЫЙ

В повседневной жизни мы все чаще и чаще встречаемся со словом *номинальный*: номинальная стоимость, номинальное напряжение, номинальное сопротивление, номинальная мощность, номинальный вес и другие. «Словарь современного русского литературного языка» так определяет слово *номинальный*: «1. Относящийся к номиналу, выражаемый той или иной денежной стоимостью. *Номинальная цена*. 2. Только называющийся, но не выполняющий своего назначения, обязанностей; фиктивный. *Номинальный редактор*...». Других значений Словарь не дает. Таким образом, мы не нашли значения слова *номинальный* ни для сочетаний *номинальная мощность*, ни для сочетания *номинальный вес*.

Обратимся к техническому словарю: «*Номинальные величины* — величины мощности, скорости вращения, напряжения тока и т. д., обозначенные на заводском щитке (паспорте) электрической машины и других энергетических агрегатов. Номинальные величины характеризуют *номинальный режим работы* [курсив наш. — Н. С.], для условий которого машина или агрегат предназначены заводом-изготовителем» (Толковый словарь терминов, применяемых в судовом машиностроении. Л., 1966). А что такое *номинальный режим работы*? Не зная этого, мы не сможем определить и понятие *номинальные величины*. В «Технической энциклопедии» (т. 13. М., 1931) читаем: «Номинальная, или заводская, мощность придается на машиностроительных заводах наименованиям выпускаемых из производства типов двигателей и служит, вернее, признаком различения типов, нежели целям характеристики истинной мощности двигателей». Следовательно, истинная мощность может не соответствовать обозначенной на двигателе номинальной мощности, и, наоборот, номинальная величина (в данном случае мощность) может быть близкой к величине истинной, фактической, но полностью с ней не совпадать.

Таким образом, проясняется значение слова *номинальный*, то значение, которое мы не могли найти в толковых словарях, — «указывающий на примерное, приблизительное, среднее количество чего-либо измеряемого».

Употребление слова *номинальный* в сочетании *номинальный вес* полностью соответствует значению «средняя величина с допустимыми колебаниями в пределах нормы». В инструкции «Сульфат-эмульсатор (волонат)» (в обиходе — стиральный порошок), выпущенной Комитетом стандартов, мер и измерений при Совете Министров СССР, указано: «Номинальным весом считается вес порошка 10%-ной влажности, указанный на коробке».

Зачем же понадобилось понятие *номинальный вес*?

Дело в том, что заводы выпускают порошок различной влажности. Чем больше влаги в порошке, тем больше его потребуется при стирке, и наоборот, чем суше он будет, тем меньше его нужно. Однако эффективность действия порошка в каждой коробке должна равняться эффективности действия обозначенного количества порошка, имеющего 10 процентов влажности. Если влажность больше 10 процентов, вес больше обозначенного количества; если — меньше, вес соответственно меньше.

Лингвисты порой предостерегают от смешения значений двух слов: *номинальный* и *минимальный* (Л. Тарабарин. О паронимах. — «Русский язык в школе», 1963, № 6). Действительно, в значениях этих слов есть общее: «относящийся к какому-либо величинам с допустимым отклонением от обозначенной величины». Различие в их значениях только в том, что *номинальный* допускает отклонение как в сторону увеличения, так и уменьшения от обозначенной величины (в инструкции «Сульфат-эмульсатор» указывается: «Отклонение от номинального веса не должно превышать $\pm 5\%$ в среднем для партии»), а *минимальный* — отклонение только в сторону увеличения («минимальный вес 200 граммов» — вес может быть и больше 200 граммов, но не меньше).

Можно отметить, что в современном русском языке у слова *номинальный* появляется новое значение: «соответствующий указанной величине с допустимыми колебаниями в пределах нормы; среднее количество чего-либо измеряемого», и возникают новые сочетания, например *номинальный вес*.

Н. В. Соловьев

● ЕЩЕ РАЗ О СЛОВЕ *КРАЙНИЙ*

Трудно установить, когда, кем и сколько раз объяснялось, почему в очереди нельзя спрашивать: «кто крайний?». Писали об этом многие писатели и ученые. Бесчисленное количество раз устно (по телефону справочной службы) и письменно отвечали на этот вопрос сотрудники сектора культуры русской речи Института русского языка АН СССР.

Между тем очень многие продолжают пассивно (становясь в очередь) и активно (присылая письма в редакцию журнала) упорствовать в своем заблуждении. Причина этого упорства заложена в социально-психологической природе речи.

Неправильное употребление слова изначально связано с психологией отдельного человека. Впервые назвавший себя или другого в очереди *крайним* сделал сознательный выбор между двумя словами, отрицательно оценив в этой ситуации слово *последний*

как 'самый худший'. Представление об оскорбительности слова *последний* связано с тем, что смешивается значение двух в сущности разных прилагательных — качественного и относительного. Значение слова *последний* — 'самый худший', с качественной оценкой, — это не прямое, а переносное значение относительного прилагательного. Как качественное, оно имеет и свой антоним: первый парень, первый человек на заводе и т. п. *Первый* и *последний* как качественные прилагательные по смыслу противопоставлены одно другому, и лексическое значение их никак не связано с понятием очередности.

Распространению ошибки способствуют отрицательно-оценочные ассоциации, которые вызывает слово *последний* применительно к личности. Все активные защитники *крайнего* прибегают именно к этому аргументу. Против него есть единственное возражение: и эти ассоциации, и порожденное ими сопротивление вызваны недостаточной осведомленностью в значениях этих слов.

Крайний в его прямом значении — 'находящийся на краю чего-нибудь, наиболее далекий': «Крайний дом на улице»; «На крайнем Севере» (С. И. Ожегов. Словарь русского языка. Изд. 10-е. М., 1973). Очередь имеет два края (начало и конец), поэтому говорить *крайний* вместо *последний* — значит прежде всего выразиться неточно.

Последний (в очереди) — это 'замыкающий, конечный в ряду чего-нибудь'. Слово называет последнего в той цепочке, ряду людей, где обязательно есть первый, второй, третий и т. д. Ясно, что в живой очереди точный числовой порядок перечисления не имеет смысла, поскольку каждому вновь подошедшему необходимо и достаточно выяснить только, кто последний, чтобы временно занять его место. Примеров употребления этого слова в данном значении (с некоторыми оттенками) можно привести немало: последний вагон поезда, последние страницы (книги), последний (спортсмен) на снаряде, последний день (отпуска) — 'находящийся в самом конце, замыкающий'; в устойчивых сочетаниях: последние известия — 'самые свежие по времени', отдать последний долг — 'почтить память', последняя воля — 'предсмертная', (проводить) в последний путь — 'похоронить'. В некоторых подобных сочетаниях возможно вариантное употребление слов *последний* и *крайний*: последний/крайний (срок) — 'предельный', последнее/крайнее (средство) — 'вынужденное, связанное с определенным риском'.

Последний в его буквальном значении — 'следующий в самом конце' — семантически не соотносится с *первым*, оба они независимо друг от друга служат названием определенных объектов, реально расположенных в порядке очередности. Между ними следует ряд таких же безразличных к качественной оценке порядковых числительных. Все они и последний в живой очереди не на-

зываются порядковыми номерами просто потому, что в этом, как уже говорилось, нет надобности.

Итак, если Вы хотите говорить правильно, спрашивайте в очереди: «кто последний?». Вопрос «кто крайний?» является нарушением литературной нормы.

Л. П. Катлинская

● РАЗБИТЬ ВДРЕБЕЗГИ

Школьница Н. Юрова из Севастополя спрашивает, что означает наречие *вдребезги* и каково его происхождение.

В русском языке есть наречия, некогда бывшие предложными конструкциями: *вверх, вдоль, взахлеб, вразброд, наобум, набекрень, начеку*. Многие из них стали основой устойчивых сочетаний, фразеологизмов. Предлоги и существительные, прежде чем превратиться в наречия, должны были неразрывно слиться друг с другом, потеряв самостоятельное грамматическое значение. Потеряв исходную форму, перейдя из одной грамматической категории в другую, такие слова могут сохранять связь с исходным лексическим значением. Именно это произошло с наречием *вдребезги*.

Так, в журнале «Нева» (1971, № 5) печаталась «Повесть о моем друге Игоре» Н. Н. Носова, в которой писатель делится наблюдениями над речью своего маленького внука. Вот одно из них.

«Игорь рисовал цветным мелком и, уронив на пол, разбил его *вдребезги*.

— Ну, ничего,— говорит.— Положим все *дребезги* в коробочку».

Ребенок еще не освоил языковые исключения. Если мы говорим: *в клочья, в щепки, в лохмотки, в лохмотья* — и знаем, что все эти части бывшего целого можно собрать в кучу, то почему же и с «*дребезгами*» нельзя поступить так же? И четырехлетний Игорь без колебаний употребляет эту языковую модель.

Но мы, взрослые, знаем, что никаких «*дребезгов*» не бывает. Потому ведь и пишем *вдребезги*, а не *в дребезги*; речь здесь идет не о каких-то конкретных кусочках, черепках. Это слово — наречие, характеризующее глагол *разбить*, подчеркивающее как бы высшую степень «разбивания», его завершенность: «полностью, окончательно, вконец».

«Ударили орудия... Немецкий танк был разнесен *вдребезги*», — пишет Н. Тихонов в «Рождении гвардии». Видимо, этот танк был искорежен, пробит орудийным огнем, может быть, от него даже и отлетело несколько бронированных «*дребезгов*». Но главное — не в этом; а в том, что немецкий танк был полностью, окончательно выведен из строя.

И все же конкретное первоначальное значение этого наречия выдает именно его сочетаемость. Слово *вдребезги* тесно связано, с одной стороны, с глаголом *разбить, разбиться*, с другой — со словами, обозначающими бьющиеся предметы: разбил *вдребезги* тарелку, стакан; разбилась *вдребезги* чашка. Невольно возникает желание «перевести» наречие *вдребезги* предложным сочетанием *на кусочки, на черепки*.

И действительно, в русских говорах мы найдем слово *дребеза* без приставки *в-*, делающей его наречием. «И *дребезгов* не соберешь» — такой пример записал В. И. Даль, определив в «Толковом словаре» слово *дребезги* как «черепки, осколки». Знаток народного языка, правда, связывал его с глаголом *дребезжать* «глухо звенеть». Но вернее, как считают современные этимологи (М. Фасмер, О. Н. Трубачев, Н. М. Шанский), следует возводить его в конечном счете к глаголу *дробить*. Иначе трудно объяснить, например, такие «вдребезжащие» *дребезги*, память о которых сохранила древняя поговорка: «Когда дуб в *дребезги* упадет, кто хочет щепки ломает». И сочетание *в дробь*, и диалектное *в древь* очень сходны по значению с наречием *вдребезги*. Вот одна псковская запись: «Три дома в *древь* разбѣло вихрѣм» (Островский район). Далекое не всегда можно связать с *дребезжащим* звуком и такие слова: польское *drobiazg* «безделушка, мелочь», литовское *drėžėna* «осколок, занова», *drābana* «тряпье», *drabažas* «отвадившаяся кора».

Слово *дребеза* имеет значение «звон, звук» и в этом значении довольно широко известно в народном языке. В этом нет ничего удивительного: попробуйте различить значения «ударить» и «звучать при ударе» в таких глаголах, как *стукнуть* или *треснуть*. Во II Псковской летописи (под 1363 и 1364 годами) даже рассказывается, как жители разламывали городскую стену, а *звук* — именно *звук!* — выносили в реку Великую. Под словом *звук*, однако, летописец имел в виду именно мусор, щебень, «дребезги».

Выходит, звук писателя Носова оказался прозорливым «этимологом». Усвоенная им синтаксическая модель не подвела: приставка *в-* действительно оказалась бывшим предлогом, а *дребезги* — существительным, которое когда-то свободно склонялось и употреблялось не только с глаголом *разбить*.

В. М. Мокиенко

● СЛОВО ПЬЯНСТВО В СТИХОТВОРНОЙ РЕЧИ ПРОШЛОГО

Инженер из Зеленограда А. А. Михайлов интересуется употреблением слов, значение которых в современном литературном языке отличается от значения тех же слов в языке прошлого, в частности его интересует употребление слова *пьянство* в стихотворных текстах.

Встречая существительное *пьянство* в некоторых стихотворных произведениях конца XVIII — начала XIX века, современный читатель не может не заметить, что смысл этого известного и широко употребляемого в разнообразных текстах слова отличается от современного. Перед нами его употребление в послании Н. М. Языкова «А. В. Тихвинскому»:

Здесь я нашел дары свободы,
 Богиню песен и друзей;
 Здесь поэтическое *пьянство*
 Да мир могущественных дум
 Мне заменяли света шум,
 Любви восторги и жеманство.

В соединении с определением *поэтическое слово пьянство* не может заключать в

себе того предосудительного содержания, которое отражено в словарях современного русского языка: «постоянное и неумеренное потребление спиртных напитков».

В эпоху русского классицизма, при строго нормированном использовании слов в стихотворной речи в соответствии с жанрами, существительное *пьянство*, оказывается, было допустимо не только в «низких» жанрах, таких, как басня, притча, но и в оде, в торжественном лирическом стихотворении, написанном в приподнятом тоне:

Кое странное *пьянство*
 К пению мой глас бодрит!
 Вы Парнасское убранство,
 Музы! ум не вас ли зрит?

Тредиаковский И. Ода торжественная
 о сдаче города Гданска 1834 года

Что же обозначается в этих стихах словом *пьянство*? Ответа на этот вопрос нельзя найти ни в словарях, отражающих нормы словоупотребления конца XVIII — начала XIX века, ни в более поздних словарях русского языка. Значение слова может быть раскрыто с помощью анализа словосочетаний, образных средств, используемых поэтами того времени при решении темы поэтического творчества. В этом отношении представляют интерес постоянные

в практике стихотворной речи конца XVIII — начала XIX века перифрастические сочетания типа «пить Кастальские воды», «Кастальский ключ поит [кого-н.] водою» со значением «испытывать поэтическое вдохновение», «[кто-н.] испытывает поэтическое вдохновение» (в поэтической речи названного периода перифрастические сочетания, или перифразы — это такие описательные обороты, к которым прибегают как к готовому образцу, принятому способу обозначения того или иного явления).

Возникновение этих выражений генетически связано с греческой мифологией, согласно которой на горе Парнасе, где обитали бог поэзии Фев и Музы, находились Кастальский ключ и Иппокрена — источники, воды которых вселяли поэтический восторг и вдохновение. Многообразие наименований вод этих источников в стихотворной речи (воды — вода, токи — ток, струи, водны, ключи, источники Парнаса, Парнасские, Иппокрены, Иппокренские, Кастальские, Пермесские, священные) создавало внешнее разнообразие перифрастических выражений при единстве их значения:

И тако вправду я священны пил струи,

Когда в моих строках поправка есть твои...

Петров. К Екатерине II

Задолго предо мной уже тебя поил

Источник светлый вод живительных Кастальских...

Озеров. Благодарность

Старался ль ты себя на верх Парнаса взнести

Испил от светлых струй из тока Иппокрены,

Нас тронуть бедствием Семиры и Сорены...

Горчаков. Совет Пустопу

Поэтическая условность этих перифраз в стихотворной речи проявлялась наиболее ярко тогда, когда контекст стихотворения содержал прямое указание на местопребывание поэта:

В тебе [в Москве] источник пил живых
Премудрости, Кастальский ключ.

Петров. На открытие губернии в Москве

Творца бессмертной Роснады

Священный Гребеневский ключ

Поил водой ты стихотворства...

Державин. Ключ

Кубра! ты первая поила

Меня Пермесскою водой,

Младые чувства возбудила

Прельщая нежных лир игрой.

Хвостов. Реке Кубре

В приведенных примерах кастальские (поэтические) воды поэт пьет не на Парнасе, а в Москве, черпает их из Гребеневского ключа или из реки Кубры.

Литературному языку XVIII века, конечно, было известно и то значение существительного *пьянство* (как и глаголов *пить*, *поить*), которое относилось к употреблению хмельных напитков. Возможность одновременного восприятия этих глаголов в двух планах — поэтическом, связанном с «питием из тока Иппокрены», и другом, связанном с «питием хмельных напитков» и широко известном также в быту, в обиходе, создавала условия для их использования в сатирических текстах, пародиях, там, где была уместна шутка, словесная игра. При этом «обиходное» употребление, в сравнении с поэтическим, выступало как стилистически сниженное в силу того, что им обозначалось действие предосудительное. Оба названных плана есть в эпистоле М. М. Хераскова «К сатирической музе»:

Что ж, муза! ты еще терпеть не можешь пьянства.
 Весьма бы хорошо исправить в этом свет,
 Чтоб *пьянство* истребить, да средства в оном нет.
 Притом подвержены тому вы, музы, сами;
Поите вы творцов *Кастальскими струями*,
 И что восторгом звал ликующий Парнас,
 Так то-то самое есть *пьянство* здесь у нас.

Те же два семантико-стилистических плана обыгрываются и при употреблении слова *пьянство*, внешне не зависимом от поэтической фразеологии, но по существу обусловленном ею в стихотворной речи конца XVIII — начала XIX века. Таково каламбурное использование слова в тексте «Записных книжек» П. А. Вяземского: «Он [Болтин] урвад от пьяных бесед и предавался трезвому *пьянству* Муз, перевел два полные тома Энциклопедии».

В начале XIX века в составе названных сочетаний начинают употребляться существительные *кубок*, *бокал* и т. п., как бы указывающие на меру выпитой жидкости, ср.: *выпить кубок кастальских вод* и *пить кастальские воды*. В результате происходит оживление прямого, «низакого» плана восприятия глагола в перифразе. Вследствие этого изменяется тональность условно-поэтического сочетания, снимается его высота, или, вернее, смягчается та серьезность, которая была присуща поэтическим перифразам в условиях строгой жанрово-стилистической регламентации классицизма при отсутствии специальной установки на стилистическую сниженность. Если же стилистическая сниженность была задана жанром, то она осуществлялась подбором соответствующей лексики в составе сочетания или в его окружении, как, например, у А. Сумарокова: «В безоблачной стране несуся, *Напившись Иппокренских вод*, И, их напившись, трясуся, Производитель громких од!» (Ода вадорная); у М. Чулкова: «Не всякий день *пийт Кастальски воды пьет*, Однако рифмами, как бурный ветер, орет» (Плачевное падение стихотворца).

Вот как звучит эта фразеология у А. Пушкина в «Послании к Великопольскому...»:

Некто мой сосед,
В томленьях благородной жажды,
Хлебнув кастальских вод бокал,
На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал...

Правда, здесь на стилистической тональности перифразы отразилось и наличие глагола *хлебнуть*, усилившего двуплановость восприятия поэтического фразеологизма (в «Словаре Академии Российской» *хлебать* — «есть какую похлобку или другую какую жидкую яству ложкою»).

Для последующего развития языка поэзии характерно постепенное сокращение количества условных поэтических сочетаний, что связано с изменением функции поэтической фразеологии в стихотворной речи и становлением принципа индивидуальности поэтического творчества. Этот процесс, одним из проявлений которого можно считать и семантико-стилистическое изменение сочетаний типа *пить кастальские воды*, приводит к утрате той среды, которая породила и одна лишь могла удержать в стихотворной речи забытое ныне поэтическое употребление существительного *пьянство*.

Н. Н. Иванова

Рисунок В. Захарова

● ГРАММАТИКА И ГРАМОТА

Читательница Кошова из Фрунзе просит поместить в журнале «хотя бы краткую справку о происхождении слова *грамматика* и его связи со словом *грамота*».

Слова *грамматика* и *грамота* происходят от одного корня, но общность их происхождения лежит за пределами русского и вообще славянских языков. Греческий корень *граф-* дал множество производных уже в древнейшую пору. Этот корень содержится в греческом глаголе *графо* «пишу», он же в фонетически преобразованном виде присутствует в греческих словах: *грамма* «черта, линия»; «письменный знак, буква», *грамматэ* (множ. число от *грамма*) «алфавит, письменность»; «умение читать и писать, грамота»; «письменное послание, письмо»; «письменные документы», *грамматикэ* «учение о письме и чтении, словесность, грамматика»; «умение читать и писать, грамота»; «письмена, алфавит», *грамматейс* «писец» и во многих других.

Древнерусский язык заимствовал слова *грамота* (греч. *грамматэ*) и *грамматика* (греч. *грамматикэ*) из греческого в тех значениях, которые развились у этих слов на греческой почве, но пути проникновения их в русский язык были различны. Первоначально *грамматика* мы встречаем в переводах с греческого на

старославянский: «Къто ли грамматикию, или языкъ елициньствовати» (XIII слов Григория Назианзина. XI в.) и в русских текстах церковного содержания: «Извыче [изучил] вся граматикия» (Житие Феодосия Печерского, до 1093 г.), что свидетельствует о «книжном», письменном заимствовании.

Слово *грамота* проникло в русский язык изустным путем. Это подтверждается и фонетическим обликом слова (*о* на месте безударного греческого *а* — *грам[-о-]га*) и широким употреблением его в древнейших русских не только религиозных, но и светских, деловых памятниках: «Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будутъ намъ да дръжимъ» (Договор князя Игоря с греками 945 г.); «Борись... взимаше бо книги и чтяше, бяше бо и грамотъ научень» (Житие Бориса и Глеба. XII в.); «Написах ти грамоту» (Грамота великого князя Влад. Мономаха к Олегу Святославичу).

История существительного *грамота* в русском языке была непрерывной: с момента заимствования до наших дней оно неизменно присутствует в словарном составе нашего языка. Можно проследить, как изменяется количество и содержание его значений, как оно постепенно обрастает производными словами, которые формируются уже по русским словообразовательным моделям, например уменьшительное *грамотица*, прилагательное *грамотный* и др.

Иной была судьба слова *граматикия*. Эта форма постепенно вышла из употребления, последний раз она встречается в текстах Петровской поры (начало XVIII в.). Вместо нее уже в Московской Руси XVII века распространяется слово *грамматика*, видимо, не без влияния известной грамматики Мелетия Смотрицкого («Грамматика словенския правильное снятагма»), вышедшей в свет в 1619 году и изданной в Москве в 1624 и 1721 годах. До появления «Российской грамматики» М. В. Ломоносова она служила для русских главным грамматическим пособием.

Наш современный термин *грамматика* нельзя считать непосредственным заимствованием из греческого. Еще в древности он в форме *grammatica* был усвоен римлянами и уже из латинского перешел в европейские и славянские языки. *Грамматика* в современном русском языке не связана непосредственно с греческим *граммáтикé*, а представляет собою как бы вторичное, позднее заимствование из латинского (см.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка). Различие в путях и способах вхождения в русский язык слов *грамота* и *грамматика* сказалось, между прочим, и на их орфографии (см. об этом: «Русская речь», 1968, № 1, стр. 116—117).

Содержание термина *граматикия* — *грамматика* изменялось на протяжении веков в соответствии с научными знаниями и пред-

ставлениями каждой отдельной эпохи. В современном языковедении термином *грамматика* чаще всего обозначают часть лингвистики, изучающей закономерности образования и употребления форм слов. Основные разделы грамматики составляют, таким образом, морфология и синтаксис; к другим разделам лингвистики принято относить фонологию и лексикологию. Кроме того, словом *грамматика* издавна обозначают книгу, содержащую научную или учебную (практическую) грамматику того или иного языка, например: «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, Грамматика русского языка для средней школы и под.

И. Н. Шмелева

● ЧУМАЗЫЙ

«Каково происхождение слова *чумазый*?» — спрашивает Г. В. Аржанников из Тамбовской области.

Слово *чумазый* широко распространено во многих русских говорах, обычно со значениями: 'грязный, черный, зама(р)занный, запачканный, нечистый, неопрятный'; часто оно оформляется как существительное: *чумаза, чумазка, чумавик, чумазлай* (жен. — *чумазлайка, чумазиха*), *чумарза* и *чумарзá* и т. п.: *грязнушка, чумичка, замарашка; неумоя, неумывака*.

Наряду с этим существует группа других областных слов, тождественных по значению и начинающихся тем же слогом *чу*: *чумилка, чумак, чупра, чупа, чупаха, чурила, чуримья, чуварыка, чулинда, чушка* и мн. др.

Являясь экспрессивными, служащими для выражения порицания, подобные слова обычно испытывают широкое воздействие народной этимологии — образуются путем сближения с различными другими элементами лексики, характеризующими замазанность, запачканность, загрязненность.

Так именно и получились слова *чумаза, чумазый* (под влиянием *мазать*), как *чумарза* (сравните: *мазать* и *марать*). Некоторые другие слова прямо совпадают с обозначениями животных — *чушка* 'свинья' или неопрятных людей — *чумак*, а также неодушевленных предметов, вызывающих представление о чем-то запачканном: слово *чумичка* — заимствование из татарского *чумич* 'половник, ковш, большая ложка для разливания щей'. Отдельные слова обнаруживают явное сближение с личными именами: *чупра* (Чупро — Кириав), *чурила* (Кирилл) и т. п., причем последнее даже встречается в одной из былин (Чурило Пленкович).

Способность к народно-этимологическим изменениям здесь почти безгранична, так что о подлинной этимологии в собственном смысле, о начальном происхождении слова *чумазый* говорить невозможно (см.: А. И. Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957, стр. 34–36).

Как слово литературного русского языка, *чумазый* появляется уже в первой половине прошлого века (Кольцов, Гоголь) и впоследствии широко применяется многими писателями (Лесков, Мамин-Сибиряк, Чехов, М. Горький, Л. Леонов, А. Н. Толстой и др.).

Следует особо отметить новое литературное использование слова *чумазый*, введенное М. Е. Салтыковым-Щедриным в 70-х годах прошлого века. Знаменитый сатирик употреблял его в значении 'богатеи из крестьян, нажившийся после реформы 60-х годов на скупке помещичьих земель' (см.: 17-томный Словарь): «Идет чумазый, идет... с фальшивой мерою, с фальшивым аршином и неутомимой алчностью глотать, глотать, глотать» (Мелочи жизни). Использовал это слово и В. И. Ленин: «...Пролетарий говорит: организуемся и подтянемся, или некий маленький чумазый, число ему миллион, нас скинет. Тут расколется сознательный пролетарий с мелким буржуа; здесь отходит революция от мелкой буржуазии» (Полное собрание сочинений. Т. 36, стр. 264).

В современном русском языке слово *чумазый* употребляется только в прямом смысле, то есть как обозначение запачканного, намазанного человека, особенно в применении к детям.

Н. В. Попова

При перепечатке

ссылка на журнал «Русская речь» обязательна

На обложке: А. Гайдар «Тимур и его команда»

Рисунок В. Захарова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, **В. И. ВОМПЕРСКИЙ**, **К. В. ГОРШКОВА**,
В. П. ДАНИЛЕНКО, **В. Я. ДЕРЯГИН**, **И. Г. ДОБРОДОНОВ**,
В. А. ЕРЕМИН, **Л. П. ЖУКОВСКАЯ**, **Л. М. ЛЕОНОВ**,
А. И. ОВЧАРЕНКО, **И. Ф. ПРОТЧЕНКО** (зам. главного редактора),
Л. И. СКВОРЦОВ, **Ю. С. СОРОКИН**, **Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ**,
Ф. П. ФИЛИН

и. о. отв. секретаря В. М. ПАНЬКИН

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2

Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией И. М. Беспалова

Художественный редактор Т. А. Михайлова

Корректоры Н. М. Кузьмина, В. В. Велая

Сдано в набор 12/Х-1973 г. Подписано к печати 27/ХІІ-73 г. Т-16297
Тираж 80 000 Формат бумаги 84×108¹/₃₂ Усл. печ. л. 8,4 Бум. л. 5
Уч.-изд. л. 10,0 Зак. 3024

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10